

Елена

МИХАЙЛОВА

*Настоящий
Детектив*

Знак

истинного пути

Annotation

Сыщики Макар Илюшин и Сергей Бабкин расследуют дело о пропавшей девушке. Никто не верит в то, что Элина жива, кроме ее матери.

Лишь один человек способен узнать правду – Макар Илюшин.

Что случилось с Элиной Гольц?

Как далеко заведет детективов их расследование?

И что за страшные тайны обнаружатся в благополучном семействе Евгении Гольц?

Читайте о первом совместном деле Илюшина и Бабкина в романе Елены Михалковой «Знак истинного пути».

- [Елена Михалкова](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
-

Елена Михалкова

Знак истинного пути

Она забыла, где садится солнце – на востоке или на западе. Эта мысль ужаснула ее. Господи, она не может вспомнить, где садится солнце! Такое просто невозможно! Почему-то именно сейчас, когда она уже почти падала от усталости, от страха, охватившего ее, от боли, пронизывающей от локтей до коленок, стало неимоверно важно, где садится солнце. На востоке или на западе? Куда же она бежит?!

Она подняла глаза к небу и на мгновение увидела не солнце, а луну – темную, рваную, с глубокими провалами в середине диска. Зажмурила в ужасе глаза, а когда открыла – луна исчезла. Морок, только Морок.

Солнце садилось за горизонт – огромный красный полукруг с неровными краями. Так рисуют дети. Дети! Она захохотала, остановившись на краю леса и глядя на солнце. Смех ее прозвучал дико и резко в совершенно пустынном месте.

Никого. Она уже поняла: здесь никого нет. Нет ни деревни, ни села, про которые шептала та старуха, шепелявя и коверкая слова. Она ошиблась, и все зря. Ее никто не спасет.

Она опустила на колени, глядя прямо на красный диск, не замечая, что по избитому лицу текут слезы. Боль резко пронзила ее, она схватилась за живот и закричала. Но потом вспомнила, что кричать нельзя, и зажала рот рукой. Они идут за ней, и, наверное, они уже рядом. Лучше она сдохнет здесь, совершенно одна, чем с ними. И тем более – с *ним*. Вспомнив про *него*, она вскочила, потому что страх придал ей сил, и потащилась вдоль леса, хромая и постанывая от каждого шага.

Она уже поняла, что не спасется, потому что та старуха ошиблась, и здесь нет ни села, ни даже маленькой деревни, и никто не придет на помощь и не защитит ее от этих людей. Она попыталась молиться, но помешала боль, опять растекающаяся по телу, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. Она упала на теплую траву, попыталась съежиться в клубочек, незаметный клубочек, и слиться с землей, надеясь, что боль станет меньше. Но легче не становилось. Тогда она заставила себя встать на колени и посмотреть на солнце. Мелькнула мысль, что сейчас она умрет, но почему-то это было не так важно, как то, что она не может вспомнить, где же садится солнце.

И тут послышались голоса. Она замерла, прислушиваясь, по-прежнему стоя на коленях, надеясь, что показалось... Но ей не показалось, голоса приближались. «Господи, нет! – взмолилась она отчаянно. – Только дай мне умереть сейчас, не попасть к ним! Господи, пожалуйста!»

Словно услышав ее мольбу, боль начала разрывать ее изнутри так, что она закричала, не помня себя, и повалилась наземь. На какое-то время сознание исчезло, перед глазами встала темнота. А когда темнота рассеялась, она увидела две фигуры, склонившиеся над ней, и услышала незнакомые голоса. И прежде чем окончательно провалиться в боль, из которой не было возврата, последним краешком ускользающего сознания она успела вспомнить, что солнце садится на западе.

Глава 1

Декабрь

Мезальянс – красивое слово. Когда-то около дома, где жили Наташа с Олегом, стояли несколько киосков, в просторечье называемых с незапамятных времен «комками». Каждый из этих «комков» носил свое название – как правило, отражающее степень освоения хозяином русского языка. Зависимость, как заметила Наташа, была обратно пропорциональной: чем звучнее и пафоснее название, тем больше вероятность того, что человек, обзывавший свой несчастный киоск, не понимал смысла слова. В результате простенькая «Вера» с небольшим ассортиментом сигарет соседствовала с «Императором», а рядом притулились «Парнас» и «Багратион». Но больше всего Наташе нравился крайний, слегка скособоченный киоск с гордым названием «Мезальянс». Каждый раз, проходя мимо него, она вспоминала слова матери, сказанные перед ее свадьбой с Олегом. «Боже мой, Наташа, – говорила мать, строча ножом по очищенной вареной картофелине, – ты понимаешь, что это мезальянс? Ты – учительница, то есть интеллигенция, а твой Олег кто такой?» – «Вшивая из нее интеллигенция», – ворчал в ответ отец, симпатизировавший Олегу.

Поначалу, вспоминая тот диалог, Наташа улыбалась. И в самом деле смешно – какие из них интеллигенты, если мать с отцом сами еле-еле образование получили, всю жизнь прожили под Рязанью и только Наташу смогли выучить хоть чему-то! Однако отчасти слова матери были справедливы. И это понимали все, и сам Олег тоже не раз говорил, что жена ему досталась «не по ноздрям». Они даже над этим смеялись – до развода. Потом стало не до веселья.

А теперь – Наташа не смогла удержаться от нервного смешка – ее второй брак тоже обзывают мезальянсом. А что, красивое слово. И все ничего, если бы не одно «но». Теперь красивое слово произносила ее свекровь, Евгения Генриховна Гольц, обращаясь к своему сыну: «Эдик, ты понимаешь, что делаешь, приводя в наш дом эту женщину? Ты отдаешь себе отчет в том, что это чистой воды мезальянс? Я уже не говорю про ее ребенка...»

Может быть, госпожа Гольц произносила другие слова, но смысл приблизительно такой. Сегодня Наташа осталась дома одна – Ольга

Степановна не в счет – и предпринимала очередную попытку освоиться. Что в понимании Наташи означало прогуливаться по дому, стараясь убедить себя, что она чувствует себя «адекватно обстановке». Так говорил Эдик: «Милая, ты должна чувствовать себя совершенно адекватно обстановке». Адекватно, как же!

Наташа остановилась около лестницы, ведущей на первый этаж, и посмотрела вниз. «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо – голову сложишь...» С левой стороны холла широкая тяжелая дубовая дверь вела в гостиную, с правой коридор заманивал в кухню и столовую, царство Ольги Степановны. Даже до второго этажа доходили аппетитные ароматы от ее стряпни. Впрочем, слово «стряпня» звучало неуместно применительно к тем кулинарным шедеврам, которыми ежедневно одаривала их «наша метрдотель», как называли Ольгу Степановну члены семьи Гольц.

Напротив лестницы висело большое зеркало в обрамлении серебряной гирлянды, и Наташа бросила быстрый взгляд на свое отражение. Маленькая, тощенькая, да еще с копной коротких темных волос. Костюм, к неудовольствию Наташи, сидел на ней нехорошо, и она вспомнила Аллу Дмитриевну, супругу младшего брата госпожи Гольц, Игоря Сергеевича. Как объяснял Эдик, супруга дяди – творческая личность, работает в каких-то галереях оформителем. Одевалась Алла Дмитриевна всегда довольно экстравагантно – на ярко-рыжих волосах огромная шляпа, обмотанная какими-то шарфиками, длинное пальто, чуть не до пола, сапоги на высоченных каблуках... Выглядеть бы Алле Дмитриевне форменным чучелом, если бы не тонкое, породистое, немного хищное лицо. Красивое, приходилось признать Наташе, очень красивое. И глаза необычные – зеленоватые, светлые, прозрачные. Правда, странным образом их цвет совершенно не гармонировал с лицом, и зеленые глаза русалки казались на нем неживыми.

Подумав, Наташа решила посидеть в гостиной, полюбоваться на елку. Стараясь держать спину так же прямо, как ее свекровь, она спустилась по лестнице, ведя рукой по дубовым перилам и ощущая ласковую шероховатость дерева. Тяжелая дверь в гостиную открылась легко, обманчиво гостеприимно приглашая Наташу почувствовать себя хозяйкой хотя бы этой комнаты.

Осторожно ступая по бежевому ворсистому ковру, она дошла до кресла и постаралась не плюхнуться, а опуститься в него. Ей удалось, и Наташа застыла с выпрямленной спиной, уставившись в окно, прозрачное настолько, что казалось, стекла в нем нет вовсе.

Сидя в уютном, словно обнимающем ее кресле, Наташа размышляла о

том, что к богатству, как и к бедности, нужно привыкать. Эту нехитрую истину она вполне освоила за то время, что жила в особняке Евгении Гольц. Поначалу, после знакомства с Эдиком, ей казалось, что сбываются детские мечты, несмотря на то что свой четвертый десяток она уже разменяла. Появилась возможность покупать красивые, уютные вещи себе и Тимоше, заходить в любое кафе, не думая о ценах напротив названий блюд... С Олегом она не могла себе даже представить такого. То есть она понимала, что где-то живут люди, которые часто ездят за границу, не знают, сколько стоит проезд в метро, но к ней самой это не относилось. Они никогда не могли позволить себе жить только на зарплату Олега, а порой Наташа зарабатывала больше, чем он.

С Эдиком, по понятным причинам, все было совершенно по-другому, и Наташа уже представляла себе, слегка стыдясь своих мыслей, как она будет по утрам выходить из ИХ собственного дома... Не из хрущевки-распашонки, не на вонючую лестницу, а на аккуратную дорожку, выложенную кирпичом, по обеим сторонам которой растут деревья. И не будет протискиваться в маршрутку, обоняя все мыслимые и немыслимые запахи мужских и женских тел, а сможет заказывать такси, или ее будет подвозить Эдик... А сколько всего можно придумать для ребенка!

Видимо, высшие силы, подслушавшие Наташины мечты, решили поставить небольшой эксперимент и для полноты картины дали ей все и сразу, причем без всяких усилий с ее стороны. Эдика Наташа любила, и ей странно было представить себе, что она так долго жила без него – невысокого, светловолосого, невыразительного внешне человека, говорившего всегда мягко и негромко. Тимоша тоже привязался к нему, тем более что Олег последний раз виделся с мальчиком год назад и больше не изъявлял ни малейшего желания встречаться, а дядя Эдик дарил столько всего интересного! Ей не пришлось зарабатывать каторжным трудом или вылавливать вождя в мутной воде брачных контор и агентств по знакомству с иностранцами. Все было поднесено сразу и на блюдечке: дом, деньги, такси, дорожка, выложенная кирпичом. Заказывали?

И вот тут-то оказалось, что Наташа совершенно к такому не готова.

Первый раз Эдик привез ее в свой дом в конце ноября – познакомиться с мамой. К тому времени они уже встречались три месяца, но Эдик рассказывал о своей семье скупко и неохотно. Наташа знала только, что мама Эдика, Евгения Генриховна Гольц, очень состоятельная женщина, владелица сети салонов-парикмахерских под названием «Элина», и что вся семья, в которой она является полновластной главой, живет в собственном доме. «У нас коттедж, – сказал тогда Эдик. – Я думаю, он тебе понравится».

Это был не коттедж. Когда машина остановилась, пытающийся быть галантным Эдик неуклюже обежал ее и подал Наташе руку. И правильно, потому что сама она в первые секунды растерялась. Слушая рассказы Эдика о доме, она представляла себе нечто двухэтажное с красной черепичной крышей из голливудских фильмов. То самое, про которое говорят: в доме две спальни, или три спальни, или, если очень круто, то пять. Но за черной оградой, на которую мягко опускался большими хлопьями снег, светились золотом окна настоящего особняка. Подобные Наташа видела только в музеях-усадебках. Здание не было большим, пожалуй, ненамного больше тех самых пресловутых голливудских пятиспаленных коттеджей, но во всем его облике, во всей архитектуре, в высоких стрельчатых окнах, в массивных дверях сквозило такое достоинство, словно дом стоял с выпрямленной спиной и свысока озирался соседей. Которых, впрочем, поблизости не было. Широкая ограда огибала особняк и исчезала где-то далеко в темноте.

– Наташа, ты что застыла? – услышала она удивленный голос Эдика. – Пойдем, нас давно ждут.

Наташа взяла себя в руки, стряхнула с плеч снежинки и пошла к дому по расчищенной дорожке, стараясь ступать как можно уверенней.

Когда до дома оставалось несколько шагов, двери распахнулись и на пороге появилась полная седая женщина с аккуратными завитками волос.

– Здравствуйте. Проходите, проходите, – приветливо заулыбалась она. – Наташенька, вы не замерзли?

Наташа поднялась по ступенькам и оказалась напротив хозяйки. У нее сразу отлегло от сердца. Женщина смотрела на нее очень внимательно, но дружелюбно. Ничего чрезмерного, ничего вызывающе дорогого не было в ее костюме, и Наташа с благодарностью подумала, что будущая свекровь оделась так специально, чтобы не подчеркивать разницу в материальном положении между ней самой и Наташей.

– Здравствуйте! Нет, не успела замерзнуть, – ответила Наташа радостно. – У вас такой прекрасный дом, Евгения Генриховна! Скажите, он старый?

– Он не старый, – раздался низкий голос откуда-то из глубины дома, – он в самом расцвете лет.

Наташа перевела взгляд. По коридору, нарочито неторопливо, шла невысокая полная черноволосая дама. Тонкие губы, мясистый нос. Темно-серое платье, струящееся почти до пола. На шее мрачно-блескивало ожерелье из каких-то кроваво-красных камней. Дама дошла до двери, задержалась на секунду, оглядев Наташу, и неторопливо произнесла:

– Ольга Степановна, ты уже познакомилась с нашей гостьей?

– Да, Евгения Генриховна, – кивнула приветливая женщина. – Мне кажется, они с Эдиком замерзли.

– Тогда можешь подавать, сразу за стол сядем. Ну что ж, значит, вы – подруга моего сына, – взгляд ее темных, почти черных глаз остановился на Наташе. – А я его мама, Евгения Генриховна. Приятно познакомиться...

А спустя неделю Эдик перевез Наташу и Тимошу в особняк окончательно. Им предстояло стать частью семьи, как высокопарно выразился Игорь Сергеевич. Семьи Евгении Генриховны Гольц.

Первый шок, вызванный самим видом особняка, в котором Наташе предстояло жить, быстро прошел, зато начались неприятные открытия.

Еще до того, как разглядела обстановку дома, она обратила внимание на множество цветов, растущих на подоконниках и в огромных горшках на полу, стоящих в вазах и небрежно брошенных в большие стеклянные чаши, которые очень нравились Алле Дмитриевне. Фикусы в кадках блестели отполированными листьями, светло-зеленые деревца, похожие на можжевельник, стояли вдоль всего коридора на втором этаже, а уж в гостиной вообще росло что-то необычное, чему Наташа даже не знала названия. Зато знала цену. Как-то раз она видела подобные растения в цветочном салоне. И тогда обратила внимание, что один небольшой куст стоит ровно ее зарплату за месяц. Это ее рассмешило – подумать только, ровно зарплату.

Но в доме Евгении Генриховны ей было не смешно – против своей воли она подсчитывала, сколько приблизительно все зеленое удовольствие может стоить, и ей становилось плохо от представленной суммы. Признаться в этом Наташа не могла даже Эдику, потому что он бы ее не понял. А ведь были еще букеты, которые привозили в особняк раз в неделю. А еще – цветочные композиции, которые стояли по праздникам в каждой комнате. Евгения Генриховна любила цветы. Наташа начала тихо их ненавидеть.

Потом – шторы. На третий день ее проживания в особняке Алла Дмитриевна застала Наташу, когда та ощупывала шторы в гостиной, и недоуменно поинтересовалась, что случилось. Наташа залилась краской и что-то промямлила в ответ, потому что не могла признаться, что никогда раньше не видела такой ткани – тяжелой, плотной, бархатистой на ощупь, с нежными золотистыми разводами на зеленоватом фоне. Больше всего Наташе хотелось отрезать кусок и сшить из него юбку, но по понятным причинам сделать этого она не могла.

Садиться на безумно дорогие кресла, словно кричащие о себе «Мы

дорогие!»), ей было страшновато первую неделю, потом она потихонечку привыкла, но пускать Тимофея ползать по бежевому ковру, теплой ласковой волной ложащемуся под ноги, она не могла, пока ее не отчитал Эдик. А еще – ваннные комнаты, туалеты, какие-то неизвестные столовые приборы, милые безделушки по всему особняку... Слишком много денег было вложено в этот дом, и результат полностью себя оправдал. Но Наташа продолжала воспринимать себя совершенно инородным телом, случайно попавшим на праздник жизни, на который она не имела никакого права.

Наташе вспомнилось, как три года назад она повезла годовалого Тимошу на Новый год к родителям (потом, кстати, твердо решила больше не возить). К Новому году отец с матерью относились не то чтобы равнодушно, но как-то... спокойно, и все Наташины восторги по поводу приближающегося праздника охлаждали напоминанием о том, как трудно им всем живется и что наступающий год ничего в ситуации не изменит. Последнее время даже искусственную елку они не ставили, не говоря уж о настоящей.

Но сейчас в доме Евгении Генриховны Гольц стояла елка. И еще какая! Привезенная откуда-то из Канады, настоящая буржуйская елка, какие бывают только в мультфильмах. Во всяком случае Наташа раньше таких не видела. Пушистая, как персидская кошка, и резко пахнувшая так, как обычно пахнут только елки с мороза, а ведь Евгения Генриховна распорядилась поставить ее еще три дня назад. И Мальчик Жора пыхтел, сначала устанавливая ее, а потом выбирая украшения и развешивая их по разлапистым ветвям. Тимошка вертелся у него под ногами, всячески мешая, а потом еще и разорвал журнал Игоря Сергеевича, сидевшего в кресле и наблюдавшего за Жориными страданиями. Наташа подозревала, что Игорь Сергеевич с трудом сдерживался, чтобы не рывкнуть на Тимошку. Чтобы отвлечь сына и самой заняться делом, она стала помогать Мальчику Жоре, даже сходила в магазин и купила небьющиеся шарики. Втроем они украсили ель сверху донизу, а на верхушку водрузили огромную причудливую сосульку, синюю с перламутровым отливом, которую Наташа с Тимом присмотрели в магазине.

А вечером вернулась Евгения Генриховна, окинула взглядом пластиковые красные шары, распорядилась заменить их на стеклянные и больше «подобным непотребством не заниматься». Наташа попыталась возразить, что Тима может разбить дорогую игрушку и пораниться, и незамедлительно получила отпор.

– Вы, Наташа, приучайте ребенка с детства вести себя так, чтобы он знал, что можно делать и чего нельзя. В конце концов, ему уже почти

четыре года, и он прекрасно поймет, если вы, конечно, объясните, что шары брать не нужно. – Евгения Генриховна говорила, слегка отвернувшись от Наташи, чуть рассеянно. – И, пожалуйста, предоставьте украшение елки Ольге Степановне.

Когда вечером Наташа спустилась встретить Эдика, в зале стояла совершенно другая елка. Большие синие шары покачивались под тонкими ручейками серебристого дождя, отсвечивая таким глубоким, насыщенным цветом, что Наташа остановилась, как зачарованная. Елка получилась под стать самой хозяйке дома – красивая, стильная, дорогая. То, что придумали Наташа с Мальчиком Жорой, было куда проще и банальнее.

Перед сном она не удержалась и пожаловалась мужу, но понимания не нашла.

– Милая, – мягко сказал Эдик, – для мамы видеть на елке пластиковые шарики – просто оскорбление всех ее чувств. Я не хочу тебя обидеть, но для нее они дешевка. Понимаешь? А синие шары остались еще от бабушки. Знаешь, когда я был маленький, мама мне рассказывала про них. Их вешали на елку каждый год в течение многих лет, что бы ни происходило. Даже когда пришло извещение, что бабушка умер в тюрьме – в конце декабря, под самый Новый год, – мама с бабушкой достали синие шары и развесили, как обычно. Их никто из всей семьи не понял, ни дядя Игорь, ни бабушка Клава. А я понимаю. Мама объясняла, что это как-то помогло им пережить все, что происходило, и не плакать. Кстати, дядя Игорь всю жизнь твердит, что эти шарики перебыют, они ведь стеклянные. Так вот, из тридцати штук разбилось только два, да и то потому, что Элинка маленькая, сестренка, полезла за коробкой без разрешения и уронила ее.

– Эдик, но ведь сейчас ребенок в доме, он же ничего не понимает.

– Он вполне способен понять, что игрушки с елки снимать нельзя, – спокойно, но твердо ответил муж. – В крайнем случае, мы просто перевесим их повыше.

Наташа вспомнила слова Евгении Генриховны и только вздохнула.

Как ни странно, но Тимоша и впрямь прекрасно усвоил, что нельзя хватать шарики с елки. Да ему хватало и других развлечений: весь дом был обвешан игрушками, по перилам лестницы, ведущей на второй этаж, висела зеленая мохнатая змеей гирлянда, а под вечер начиналась целая иллюминация. В холле стоял Дед Мороз величиной с самого Тимошу, с большим красным мешком за спиной, и время от времени начинал помахивать рукой под музыку «Джингл Беллз», раздающуюся из его бочкообразного живота. В общем, Тимоше было не до шариков, и Наташа на время успокоилась. Хотя в голове все равно крутилась мысль: насколько

все было бы проще, если бы они жили отдельно.

Для Наташи стало неприятным сюрпризом, что Эдик собирается поселить ее в доме у своей мамы. При том, сколько он зарабатывал в своей банке, они могли бы если уж не купить, то, по крайней мере, снять хорошую квартиру. Но Эдик провел большую воспитательную работу, и в результате Наташе стало ясно: если она хочет выйти за него замуж, ей придется смириться с мыслью, что своего жилья у них не будет. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Милая моя, – уговаривал ее Эдик, – мама пережила так много трагедий в своей жизни! Неужели я оставляю ее одну?

– Эдик, тебе тридцать шесть лет, – осторожно возражала Наташа. – Все сыновья рано или поздно уходят из дома. Я думаю, что твоя мама к этому вполне готова.

– В том-то и дело, что нет. Не забывай, мы всю жизнь жили в нашем коттедже одной большой семьей, и мама абсолютно уверена, что, когда я женюсь, ничего не изменится. Только новая женщина появится в нашем доме, вот и все. Более того, для этой женщины, то есть для тебя, много лет назад была отведена большая комната на втором этаже. Ее ничем не занимали, она стоит свободная. Поэтому я не могу даже представить, как бы я сообщил маме о том, что стану жить отдельно. А потом, видишь ли, какое дело... – Эдик на секунду задумался. – Откровенно говоря, я не вижу никаких причин переезжать из дома, где я прожил всю свою жизнь. Он достаточно большой, места хватит на всех. А для меня с ним связаны не только воспоминания, но и все, в сущности, что у меня есть. Ведь у меня есть только дом и работа. А теперь еще и ты.

Наташа почувствовала жалость. Действительно, у Эдика ведь ничего нет, он прав. Деньги не в счет. К тому же он такой консерватор... Пожалуй, жестоко было бы с ее стороны отбирать у мужа то, что дает ему спокойствие и уверенность. А со свекровью она постарается найти общий язык.

И вот Наташа переехала в особняк Гольцев, познакомилась со всеми его обитателями. Правда, был еще призрак. Так она называла его про себя. Конечно, не настоящий призрак. Хотя иногда ей казалось, что этот человек для обитателей дома, во всяком случае для одного, куда живее, чем сама Наташа.

Элина. Младшая дочь Евгении Генриховны. Любимое, балованное дитя, уехавшее из северной столицы пять лет назад учиться в Москву. Как будто нельзя было в Санкт-Петербурге найти подходящее учебное заведение! Наташа не сомневалась, что Евгения Генриховна вполне могла

обеспечить любимой дочери поступление в любое из них. Или почти в любое. Тем более что Эдик не раз говорил: Элина была умницей, хотя и очень избалованной. Но она уехала, поступила куда-то сама и спустя два года пропала. Просто исчезла, как будто ее и не было никогда. Вещи в квартире, которую она снимала с подружкой, остались на месте, пропал только паспорт. Подруга не могла рассказать ничего толкового, кроме того, что Элина, несмотря на свою общительность, к ней относилась немного свысока и в личные дела не посвящала. У нее был какой-то мальчик, но даже имени его девушка не знала. А может, и не мальчик, а взрослый человек. Ну не знает она, не знает!

Поняв, что толку от подружки немного, Евгения Генриховна поставила на уши армию частных сыщиков, но никто из них не смог ничего выяснить. Все говорили одно и то же: Элина общалась со всеми, не дружила близко ни с кем. Пара-тройка парней из университета, с которыми у девушки были романы, картину прояснить не смогли: да, встречались раньше, но последнее время она даже близко к ним не подходила – так, здоровались при встрече. Элина исчезла в дымном московском воздухе, словно растворилась, и остались только фотографии по всем стенам особняка – смеющаяся светловолосая девушка, смеющаяся белокурая девочка, хохочущая беленькая малышка. Элина была везде. Евгения Генриховна не хотела верить в ее смерть, хотя Эдик, как догадалась Наташа, давно уже в мыслях похоронил сестру.

Но разговаривать на эту тему в доме было запрещено. Евгения Генриховна говорила о дочери только в настоящем времени. Более того, раз в полгода она нанимала новое детективное агентство, чтобы очередные сыщики исследовали все обстоятельства исчезновения ее дочери и подтвердили то, что подтверждали до них все остальные: Элина Гольц пропала бесследно. Не было никаких зацепок, позволяющих найти хотя бы возможную причину ее убийства. Но Евгения Генриховна с маниакальным упорством продолжала нанимать новых и новых людей, которые снова и снова проходили тот путь, который прошли до них другие. И оставалась ни с чем.

Госпожа Гольц стояла в своем кабинете у подоконника, задумчиво постукивая по нему полными пальцами. Жора исподтишка наблюдал за ней, сидя за письменным столом. Куча поздравительных новогодних открыток, которые он аккуратно заполнял от руки, была небрежно свалена в сторону, но, заметив мельком брошенный взгляд хозяйки, секретарь торопливо сложил их в стопочку. Мадам ненавидела беспорядок в любых

его проявлениях. Подумав об этом, Жора усмехнулся про себя. Ну что ж, уважаемая Евгения Генриховна, теперь вы имеете не просто беспорядок – вы имеете капитальный бардак в своем собственном семействе. Эта мысль вызвала у него нечто похожее на чувство удовлетворения. Нет, удовольствия! Черт возьми, глубокого удовольствия!

– В чем дело, Мальчик? – Холодный голос мгновенно привел секретаря в себя. – Тебя что-то обрадовало?

«Кретин безмозглый, – обругал себя Жора мысленно. – Знаешь ведь, что ведьма сечет любую гримасу на лице, даже если только волосинка в ноздре дернулась. А уж усмешку произвольную не могла не заметить».

– Прошу прощения, Евгения Генриховна, – отозвался он, – фамилия насмешила. Адресую поздравление господину Милостивому, вот и не удержался. Представил, как хорошо было бы лет эдак сто назад выводить: «Милостивый господин Милостивый! Поздравляем вас нижайше со светлым праздником Рождества!»

Секунду хозяйка пристально смотрела на Жору, но невинная улыбка на его губах успокоила ее.

– «Поздравляем вас нижайше», – рассеянно повторила она, отвернувшись к окну. – Глупость какая, никто так не писал и не говорил. А Никита Милостивый, к слову сказать, фамилию свою взял у супруги, поскольку его собственная, Клочков, нравилась ему значительно меньше. Я не исключаю, Мальчик, что он вообще жену выбирал исключительно по фамилии.

Секретарь не улыбнулся, потому что от него не ждали улыбки, но информацию о господине Клочкове запомнил. У него вообще была прекрасная память.

– От Барсукова известий нет? – спросила Евгения Генриховна, не обращившись.

– Нет. Вы же сами знаете.

– Знаю, знаю. – Она взяла со стола фотографию в простой деревянной рамке. – Иди. Ты свободен на сегодня. Кстати, купи что-нибудь этому ребенку к Новому году.

– Надеюсь, Эдуард не собирается его усыновлять? – негромко и как бы про себя проговорил секретарь.

Старуха обернулась молниеносно, и черные глаза уставились на Жору с таким выражением, что он чуть не пожалел о сказанном. Хотя в любом случае так или иначе вопрос следовало «провентилировать».

– Через мой труп, Мальчик, – негромко произнесла Евгения Генриховна. – Я вообще полагаю, что после выяснения биографии госпожи

Зинчук мой сын горько пожалеет о своей скоропостижной свадьбе и о том, что не озаботился поинтересоваться, чем она занималась до того, как встретилась с ним. Впрочем, это не твое дело. Иди.

Когда секретарь вышел, она посмотрела на фотографию, которую держала в руке, и опустилась на стул. С фотографии улыбалась девушка лет двадцати в коротеньком голубом платье, белокурая, голубоглазая, с хорошенькой мордашкой избалованной любимицы.

Перед мысленным взглядом госпожи Гольц встало лицо невестки в обрамлении коротких темных волос, а рядом детская мордашка. Мальчик совсем беленький, а вот мама у него – чернавка. Белое и черное. Странный знак, решила Евгения Генриховна. Нехороший.

* * *

Девушка подумала, что со стороны они смотрятся очень необычно – пятнадцать фигур в одинаковых темных плащах, у некоторых на голове капюшоны. Если бы не рюкзаки за спинами, они выглядели бы совсем сказочно. Жалко, что переоделись только после электрички, но Данила строго запретил доставать плащи до того, как они выйдут из города. Правильно, наверное, а то еще глазеть будут, мало ли что... Могут и пристать. Хотя приставаний Данила как раз и не боялся – тех троих безымянных, которые постоянно шли замыкающими, было вполне достаточно, чтобы отбить охоту у забияк когда-нибудь еще лезть к мирным паломникам. Они-то как раз постоянно шли в капюшонах, и, сказать откровенно, этому девушка только радовалась – лица у всех троих были неприятные. Мрачные и какие-то... непросветленные, в общем.

Подумав об этом, она тут же хлопнула себя по губам и прочла быструю молитву: «Прости, Господи, за мысли грешные, злые, завистливые». Данила учил, что плохие мысли о людях всегда с завистью связаны. Сначала она не понимала: как же так, нельзя ведь завидовать, например, убийце. А об убийцах всегда думаешь плохо. Но Данила, как всегда, все объяснил в двух словах, потому что он был настоящий просветленный, она знала. «Когда ты видишь, например, по телевизору убийцу, разве тебе приходят плохие мысли в голову?» – спросил он. Тут-то она и задумалась. Приходилось признать, что нет, не приходят. Любопытство в голове есть, интерес какой-то нехороший, а вот зла нет. Зато стоило вспомнить соседку Любаню, стервозную содержаночку, о которой сплетничал весь дом, как тут же появлялась она, эта самая злость.

И правильно Данила говорил, что если покопаться в себе, то всегда рядом со злобой отыщешь и зависть – завидовала она Любаше, хотя самой себе и не признавалась в том раньше. Завидовала и деньгам легким, и мужикам ее, и самой стервозности. Девушка подняла глаза на Учителя, идущего перед ней, и улыбнулась. Ничего, ничего, вот дойдут они до последней святыни, и очистится она от скверны. И станет, как Данила, – с Именем.

Заночевали в лесу, раскинув палатки. Вглубь заходить не стали, но и не на самой опушке устроились – неподалеку мигала огоньками деревушка. Двое Безымянных сходили за провизией, хотя свой запас у них был, и вечером поужинали картошкой и тушенкой. Деревья вокруг поскрипывали, качались, шумели, и небо было такое звездное, что девушка легла на траву неподалеку от костра и долго смотрела вверх, глубоко дыша лесным воздухом, смешанным с легким запахом дыма.

– Замерзнешь, – заметил один из Безымянных, проходя мимо. – Иди в палатку.

Девушка хотела ответить, что земля теплая, но вовремя вспомнила, что должна слушаться других Безымянных, потому что они уже сделали шаг на пути к просветлению, а она еще нет. Младше нее была только полная женщина с одутловатым лицом. То есть не в самом деле младше, конечно, а просто она совсем недавно примкнула к Учителю. «Приказов у нас нет и быть не может, – учил Данила, – но следует слушаться тех, кто прошел дальше тебя по светлomu пути. Тогда и твой собственный путь станет легче, и ты придешь к своему Имени».

Она встала и прошла в палатку. Данила был один, и девушка обрадовалась, потому что остальные уже разошлись. Значит, они снова будут вместе всю ночь. Она сняла всю одежду, залезла под одеяло и прижалась к его теплой спине. Он сразу обернулся, притянул ее к себе, и она почувствовала, как его шершавые руки нежно оглаживают ее по шее, груди, бедрам...

Когда он уснул, отвернувшись, она еще некоторое время лежала с закрытыми глазами, вспоминая сегодняшний день, и радовалась. Еще один маленький шаг к просветлению, хотя идти им далеко. Ах, да неважно, она могла бы бродить так много лет, лишь бы быть рядом с ним. Уже засыпая, девушка сделала запрещенную вещь. Просто не смогла удержаться. Беззвучно, прикрывая рот ладошкой и ругая саму себя, она попробовала на вкус свое имя. Оно ей нравилось.

Элина. Элина. Элина.

Глава 2

Сегодня Евгения Генриховна осталась дома, хотя был вторник.

Наташа уже знала, что сие означает – утром было Знамение! Она усмехнулась. Конечно, будь рядом супруг, он бы в сотый раз объяснил ей, что не нужно иронизировать, что мама живет по своему, особому распорядку, но Эдик, разумеется, находился в банке и объяснить ничего не мог. К тому же приходилось признать, что система свекрови себя оправдывала.

Наташа отвела Тима в садик и вернулась, хотя и не хотелось. Евгения Генриховна дома, значит, день потерян: придется сидеть у себя в комнате, а может быть, даже спуститься в гостиную и отобедать со всей семьей.

Хорошее слово – отобедать. Ольга Степановна выражалась исключительно так – отобедать, отужинать... А Игорь Сергеевич каждый раз отзывался: «Ольга Степановна, ну что за мещанские словечки!» Наташа жила в доме всего два месяца, но уже привыкла к ежедневному ритуалу: «Наташенька, пойдемте отужинать!» – «Ольга Степановна, ну что за мещанские словечки!» И лукавая улыбочка следом, как будто господин Бобров в очередной раз сказал что-то смешное.

Хватит злостствовать, приказала себе Наташа. В конце концов, теперь это ее семья. Как бы они к ней ни относились, нужно быть терпимой и вести себя так, как принято в странном семействе. Она вздохнула и решила спуститься в гостиную, где по утрам собирались те члены семьи, которые находились дома.

Наташа прикрыла дверь и услышала слева негромкий вежливый голос.
– Доброе утро, Наталья Ивановна.

Ну конечно, Мальчик Жора, выходящий из кабинета Евгении Генриховны. Дом был большой, но Наташа натыкалась на секретаря по десять раз на дню, начиная с раннего утра. Иногда ей казалось, что Мальчик Жора умеет создавать свои копии, чем успешно пользуется.

Наташа с интересом присматривалась к высокому черноволосому парню, уже несколько лет работавшему на Евгению Генриховну и выполнявшему при ней функции чего-то среднего между компаньонкой, болонкой и секретарем. С Наташей он был любезен, иногда даже слишком, и у нее несколько раз появлялось ощущение, что Мальчик Жора в глубине души смеется над ней, но понять, так это или нет, не было никакой возможности. Секретарю на втором этаже особняка отводилась комната,

хоть и небольшая, и Жора частенько оставался ночевать, хотя собственная его квартира располагалась не так уж и далеко. Эдик называл секретаря мальчиком на побегушках и относился к нему презрительно и свысока. Наташа подозревала, что секретарскими функциями при хозяйке Жора не ограничивается и платят ему еще и за услуги иного рода, но за то время, что она жила в доме, ее подозрения ни разу не подтвердились.

И что за дурацкая кличка, в конце концов? «Мальчик Жора»! Ведь есть же у человека нормальное имя – Георгий. Но весь дом, начиная с Евгении Генриховны и заканчивая уборщицей Илоной, иначе как Жорой секретаря не называл. Да и сама Наташа очень быстро привыкла обращаться к нему так же. Уже и Тимоша его «Зоркой» зовет, поскольку букву «ж» выговаривать так до сих пор и не научился.

– Доброе утро... Георгий. – Наташа запнулась и уловила промелькнувшую усмешку на лице секретаря, услужливо сообщившего:

– Евгения Генриховна и Игорь Сергеевич уже в гостиной.

– Спасибо.

Наташа пошла вниз по лестнице, поняв, что встреча со свекровью неизбежна.

Брат и сестра сидели в роскошных темно-бордовых креслах друг напротив друга, а на столе стояли две тонкие белые чашки, от которых поднимался дымок. Господин Бобров, полный, вальяжный, пощипывал себя за бритую щеку. Щеки у него были толстые, отвисшие, как у бульдога, и Наташа не могла удержаться от мысли, что он сам их так и оттянул. Игорь Сергеевич нигде не работал и почти все дни проводил дома за чтением классиков. «Дядя ведет барский образ жизни», – снисходительно говорил Эдик. Угу, барин из господина Боброва тот еще.

После знакомства с семейством Гольц Наташа поинтересовалась у мужа, почему у Евгении Генриховны и Игоря Сергеевича разные отчества. Эдик тогда объяснил, что его бабушка, овдовев, вышла замуж второй раз и от этого брака и родился дядя Игорь. Когда ему было десять лет, бабушка развелась со вторым мужем и до самой своей смерти жила одна не в самом особняке, а в маленьком домике рядом.

«Значит, Игорь Сергеевич у нас, получается, брат только наполовину», – подумала Наташа и вежливо поздоровалась, стараясь не смотреть, как господин Бобров в очередной раз оттягивает кожу щеки так, что приоткрываются желтоватые зубы, и с тихим чпоканьем отпускает ее.

– А, Наташа, доброе утро, – отозвалась Евгения Генриховна. – Хотите кофе? Ольга Степановна сварила сегодня новый кофе, забыла, как он называется...

– Ирландский, – подсказал Игорь Сергеевич. – Действительно вкусно. Я сейчас скажу, чтобы Ольга Степановна сделала для вас.

Наташа благодарно кивнула, опустила в кресло и улыбнулась.

– Мне кажется, у Ольги Степановны все получается вкусно, что бы она ни готовила.

– Ну, все не все, но многое. – Евгения Генриховна подняла из кресла свое грузное тело и подошла к окну. – А знаете, Наташенька, я сегодня видела снегиря. Сидел на подоконнике в моей комнате и так непосредственно заглядывал в окно... Совершенно так же, как делают некоторые люди – не от невоспитанности, знаете ли, а именно из-за непосредственности. Впрочем, не знаю, что хуже...

– Поэтому вы сегодня дома остались? – несмело спросила Наташа.

– Что? В каком смысле?

– Ну, то есть из-за снегиря? Это был... ваш сегодняшний знак?

Евгения Генриховна уставилась на нее, и Наташа почувствовала себя полной идиоткой.

– При чем здесь снегирь, милая моя? – вскинула брови свекровь. – Надеюсь, вы не считаете меня умалишенной?

Наташа забормотала что-то, оправдываясь, но госпожа Гольц не слушала.

– Я осталась дома, потому что услышала стихотворение по радио. Что-то про домового. Включила – а там такая строчка: «Дома бродит домовый». Разумеется, мне стало понятно, что это Знамение и истолковать его можно только одним способом. Там что-то еще было про... лешего, кажется. Собственно, уже не важно.

– «И настанет день чудесный: по тропинке голубой с неба спустится Небесный и возьмет меня с собой», – процитировала Наташа. – Стихотворение Андрея Усачева, про Небесного. Леший водится в лесах, а Небесный – в небесах. Вы, наверное, его слышали?

– Совершенно не помню. По-моему, да. А откуда вы его знаете?

– Ну, я же все-таки бывшая учительница, часто стихи детям читала, – улыбнулась Наташа.

– Ах да, конечно. Ну что ж, Наташенька, очень рада была узнать ваше мнение о знаках судьбы. Приятного завтрака.

Она кивнула Наташе и вышла из гостиной. Наташа оглядела золотисто-коричневые обои на стенах, про которые Эдик объяснял, что они не бумажные, а тканые, и вздохнула. Господи, она опять не смогла провести встречу на высоком уровне.

Жизнь Евгении Генриховны подчинялась определенным правилам,

которые много лет назад она определила для себя сама. А точнее говоря, не правилам – Знакам Судьбы. Да, да, произносилось именно так – с большой буквы. Наташа много раз пыталась угадать тот или иной Знак, но еще ни разу не попала в точку. Знаком могло быть все, что угодно, – услышанная строчка, как сегодня, или звук капли за окном, или яркое пятно на одежде... В общем, все, на что обращала внимание свекровь. Выпавший из Колоды Судьбы Знак немедленно истолковывался, и все последующие действия были подчинены ему до тех пор, пока не объявлялся новый. В первый раз Наташа увидела действие Знака на третий день после переселения в особняк, когда все семейство Гольц ужинало в столовой и обсуждало возникшую проблему: один из сотрудников Евгении Генриховны был пойман на мелком воровстве.

– Уволила бы мерзавца незамедлительно, – низкий голос Евгении Генриховны отчетливо звучал в большой комнате с серебристыми стенами, – да вот беда: некем его заменить.

– Незаменяемых, Женечка, не бывает, – подал голос Игорь Сергеевич.

– Не бывает, конечно, но, видишь ли, Ковалев мне нужен именно сейчас.

– А что он присвоил? – поинтересовалась Алла Дмитриевна, картинно откидывая рыжую прядь с бледного лица.

– Боже мой, какую-то совершенную ерунду: то ли сотовый телефон, то ли еще что-то такое... Неважно. Важен сам факт. И я пока совершенно не представляю...

Евгения Генриховна неожиданно замолчала, уставившись взглядом в одну точку. Все послушно проследили за ее взглядом. В наступившей тишине Эдик спокойно сказал:

– Ну, вот видишь: все и разрешилось.

Наташа ничего не поняла. Евгения Генриховна, наклонив голову, изучала обычного питерского воробья, сидевшего за окном столовой и что-то озабоченно склевывавшего с подоконника. Потом она отвела взгляд, кивнула самой себе, и в столовой тотчас, словно по команде, зазвякали вилки и ножи, негромко забулькало вино, прерванный разговор возобновился, словно ничего и не произошло. Наташа не стала задавать вопросов, но вечером расспросила Эдика. Тогда-то и выяснилось про Знаки Судьбы.

– Но при чем тут воробей? – спросила слегка удивленная Наташа, выслушав объяснения мужа.

– А ты разве не поняла? – удивился Эдик, снимая джемпер. – Воробей – вора бей. Понимаешь? Мама говорила про вора, и тут такой Знак

очевидный. Конечно, уволит она его, завтра же и уволит.

– Эдя, подожди. – Наташа присела на кровать и попыталась воззвать к здравому смыслу супруга. – Но ведь твоя мама обратила внимание на воробья, потому что ей подсознательно этого хотелось. Разве нет? Ведь она могла заметить десяток других вещей и истолковать их наоборот. Например, открыла бы Пушкина и увидела строчку «И милость к падшим призывал...». Или еще что-нибудь в таком роде.

Эдик накинул халат, в котором почему-то казался совсем тщедушным, и провел рукой по русым волосам.

– Ната, я понимаю, тебе это кажется странным. Но поверь мне: мама с детства развивает в себе способность к чтению Знаков, и весь свой бизнес она построила на них. Если ей с утра являлся Знак, что бессмысленную, казалось бы, сделку стоит заключить, то она ее заключала. И в конце концов оказывалась права, понимаешь? То же самое и в жизни. Не спрашивай меня, почему так, я сам не знаю. Но у мамы это действует.

– А... тебя она не пыталась...

– Нет, не пыталась, – покачал головой Эдик. – Ни меня, ни кого-то другого мама никогда в свою веру не обращала. – Он усмехнулся, как показалось Наташе, грустно. – Мама натура исключительная, и то, что годится для нее, с другими не пройдет. Поэтому я, моя дорогая, самый банальный банковский служащий без всяких ориентиров в жизни.

Наташа встала с голубого покрывала и медленно расстегнула две верхние пуговицы на блузке.

– А по-моему, – холодным голосом сказала она, – по-моему, ты – просто не выучивший урока восьмиклассник. Ответьте мне, Гольц, почему вы опять не в состоянии решить элементарной задачи?

В серых глазах Эдика что-то мелькнуло.

– Не слышу ответа? Значит, так, Гольц, – отчеканила Наташа, – вы нарушаете правила и будете наказаны. Снимайте свою форму!

Сглотнув, Эдик потянул халат вниз.

– С каких пор трусы не входят в форму? – прищурилась Наташа.

Эдик покорно начал стягивать трусы, но она остановила его.

– Так не пойдет. Я сама.

Прижавшись к Эдику, Наташа одним рывком стащила с него трусы и, пока он путался, пытаясь сбросить их с ног, расстегнула блузку. Эдик повернулся к ней, секунду смотрел на розовое кружевное белье, а затем подхватил жену на руки, и они оба упали на постель.

Ольга Степановна составила список необходимых продуктов еще вчера и теперь собиралась в супермаркет, стоя перед большим зеркалом в

холле. Разумеется, Жора в состоянии и сам закупить многие продукты, но в основном на него положиться нельзя. Обязательно или фрукты купит недозрелые, или картошку выберет розовую, а из нее такой супчик, как любит Женечка, не получится. Ольга Степановна, единственная из живущих в доме, называла хозяйку уменьшительным именем.

Она подошла к зеркалу и провела расческой по седым завиткам.

– Жора, – позвала она, – ты где?

– Здесь, Ольга Степановна, – отозвался секретарь откуда-то со стороны столовой, – уже иду. Я машину выгоню из гаража, а вы потихонечку выходите, хорошо?

– Давай, давай, – отозвалась Ольга Степановна, задумчиво глядя в зеркало. Только что-то ее насторожило. Какая-то мелочь, но мелочь очень серьезная.

Она пристально рассмотрела свое отражение, но с ним все было в порядке. Волосы уложены, как всегда, аккуратно, пальто чистое. Пробежалась глазами по зеркалу, но никаких трещинок или тому подобной беды не наблюдалось. Она отвернулась к двери, несколько секунд постояла, глядя на деревянные панели, а потом повернулась.

Вот оно! Ольга Степановна в растерянности смотрела на то, что ей бросилось в глаза сначала неосознанно, а теперь выпирало во всем своем... бесстыдстве. Да, другого слова она просто не могла подобрать. Боже мой, ну что ж за бесстыдство такое!

– Илона, – громко позвала она. Никто не отозвался. Тогда Ольга Степановна набрала воздуха побольше и крикнула: – Илона!

– Господи, ну зачем же так кричать? – недовольно протянула девушка, появившись в коридоре из гостиной. – Что случилось такое? Пожар, что ли?

– Илона, подойди сюда, пожалуйста, – сдерживая волнение, попросила Ольга Степановна, стараясь не раздражаться при виде новой мини-юбки. – Ты вот это видишь?

– Что?

– Пожалуйста, не изображай из себя слепую. Ты ВОТ ЭТО видишь на зеркале?

Девушка придвинулась поближе, сосредоточенно изучая то, на что показывала женщина. Ольге Степановне ударила в нос волна аромата каких-то странных, тяжелых духов, и она поморщилась.

– Ну и что такого? – протянула Илона. – Немного пыли, вот и все.

– Немного пыли? – Ольга Сергеевна даже опешила от такого нахальства. – Что значит «немного пыли»? Да зеркало сверху все в пыли!

Ты же убиралась сегодня в холле, как же ты могла такое оставить?!

– Вы так говорите, Ольга Степановна, будто катастрофа случилась. Я-то думала, вы за чем серьезным меня позвали... Подумаешь, тряпкой разок пройтись!

– Илона, ты понимаешь, кем ты работаешь в этом доме? – не выдержала Ольга Степановна. – И что это вообще за дом? К Евгении Генриховне приходят гости, и грязь непростительна, совершенно непростительна. В конце концов, ты просто халтурно убираешься! Неужели нельзя тщательно все протереть?

– Ой, да не драматизируйте вы! – пожала плечами Илона. – Каждый раз крик из-за ерунды поднимаете.

– Еще одна такая ерунда, и я доведу до сведения Евгении Генриховны мое мнение о твоей работе.

– Пожалуйста, ябедничайте. Что-то я не очень замечала, чтобы Евгения Генриховна сильно прислушивалась к вашему мнению.

Ольга Степановна даже покраснела от оскорбления. Она уже собиралась ответить, как входная дверь распахнулась и в дом ввалился Мальчик Жора.

– Ольга Степановна, я вас уже десять минут жду! – взмолился он. – О, Илонка, привет! Так мы поедem или нет?

– Поедем, Жора, поедem. Возьми, пожалуйста, большую корзину для фруктов, чтобы не помялись в пакетах.

Ольга Степановна быстро вышла из дома, трясая на ходу седыми кудряшками. Секретарь достал корзину, подмигнул Илоне и заторопился за темно-синим пальто, уже мелькавшим среди деревьев.

Отведя с утра Тимошу в садик, Наташа решила прогуляться и вышла наружу, накинув подаренный Эдиком теплый финский пуховичок. Когда-то она очень хотела шубу, но быстро убедилась, что в Санкт–Петербурге, или в Питере, как фамильярно называли город в семье, в шубе зимой далеко не уйдешь – злой ветер легко проникал под нее, выдувая слабенькое тепло, промораживая до костей. «Вам, рязанским, – смеялся Эдик, – к нашему климату еще привыкать и привыкать». Вот уж правда.

Сейчас ветер стих, и можно было спокойно погулять между старых деревьев, за которыми никто не ухаживал. Английский стиль, решила Наташа, по всей видимости, на сад не распространялся – ни ухоженных дорожек, ни геометрической планировки, ни множества клумб. «Не сезон», – подумал Штирлиц и забросил лыжи в кусты», – вспомнила она известный анекдот. – Какие клумбы, если январь на дворе? Может быть,

летом приглашают садовника».

Наташа обогнула особняк и наткнулась на старика в деревенском тулупе, копающегося в снегу. Его появление так совпало с ее мыслями о садовнике, что Наташа не удивилась бы, увидев в руках дядьки лейку. Но лейки не было. Старик что-то искал в снегу, не замечая ее. Наташа постояла на месте, думая, стоит ли ей подходить.

Сергей Кириллович, с которым ее даже не познакомили, когда они с Тимошей переехали в дом, обитал в глубине сада, и когда Наташа увидела его в первый раз, то чуть не испугалась. Был он невысокого роста, худой, с лицом, покрытым редкой, но длинной седой щетиной, которая клочьями торчала в разные стороны. Потом она спросила у мужа, кого встретила в саду, и он, поморщившись, объяснил: в малом доме живет Сергей Кириллович, которого Евгения Генриховна приютила много лет назад, человек своеобразный, но безвредный. Вот и все.

Сейчас своеобразный, но безвредный человек ковырялся в снегу.

– Здравствуйте, Сергей Кириллович, – громко сказала Наташа. – Вы что-то потеряли? Давайте я помогу!

Старик обернулся и, игнорируя приветствие, проворчал:

– Да так, обронил кое-что, а найти не могу. Ты попусту со мной языком-то не чеши. Да и помогать мне нечего, а то хозяйка твоя рассердится.

– Евгения Генриховна? Почему?

– Потому что по ее хотению я сам тут все должен делать. Ясно? – Он усмехнулся беззубым ртом. – И никто мне не помощник. Все, хватит балаболить, мне дела делать нужно.

Наташа поняла, что ей деликатно предлагают удалиться, попрощалась и пошла обратно. Станный старик. Очень странный. Нужно будет спросить вечером Эдика, почему ему нельзя помогать.

После обеда Ольга Степановна сидела одна в кухне, но тут появилась жена Эдика, и она оживилась, начала хлопотать у плиты, радуясь, что можно отвлечься на разговор.

– А домик-то маленький уже после достроили окончательно, лет через пять, – рассказывала она, ссыпая в кипящий бульон мелко порезанные овощи. – Я уж и не вспомню, зачем он понадобился... По-моему, жил там кто-то из знакомых.

– То есть его не для Сергея Кирилловича строили? – осторожно спросила Наташа.

– Да нет, бог с вами, Наталья Ивановна, он всего лет шесть как у Евгении Генриховны прижился.

– А откуда он вообще взялся?

Ольга Степановна помешала суп, закрыла крышкой и поднесла к носу пучок укропа.

– Укроп хороший, свежий. А то иной раз такую траву купишь, что просто удивление: куда весь аромат делся? Вроде и не старь, а не пахнет почти. Может быть, обрабатывают его чем-то? – Она задумалась, потом вспомнила: – А, так вы про нашего Сергея Кирилловича спрашивали... Не знаю я, сказать честно, откуда он появился. Меня тогда как раз Евгения Генриховна отдохнуть отпускала. Приехала, а домик уже занят. Спрашиваю у нее, а она только смеется и говорит, мол, родственник. Шутит, конечно. Какой он ей родственник! Я так полагаю, что старик – отец кого-то из одноклассниц ее бывших. Евгения Генриховна ведь добрая душа, всем помогает.

Наташу несколько удивили ее слова о новой для нее черте характера свекрови, но спорить она не стала.

– А где вы отдохали, Ольга Степановна? И, пожалуйста, называйте меня просто Наташей!

Женщина мечтательно улыбнулась.

– Ой, Наташа, отдыхала я – вы не поверите! – в Греции. Целый месяц там прожила. Красота неопишная: море синее, небо синее, а между небом и морем церкви белые-белые... – Она смущенно рассмеялась. – Я, наверное, глупо рассказываю, да?

– Что вы, что вы, мне очень интересно! Я за границей никогда не была, только на Украине.

– Да... И море чистое: нырнешь – и дно под собой видишь, а на нем ежи морские и всякие рыбки разноцветные. Я в спокойном месте отдыхала, там ни дискотек никаких не было, ни баров шумных. Днем на набережную выходишь – тихо, только море и сосны шумят...

Воспоминания Ольги Степановны прервало шипение супа, выплеснувшегося из-под крышки на горячую плиту.

– Ах, ты ж боже мой! – Она проворно схватила прихватку и подняла крышку, другой рукой убавляя огонь. – Вот, Наташа, что болтовня со мной делает – все забываю! Отвлеклась – и на тебе, плиту залила. Хорошо, Женечка не видела – вот бы она посмеялась...

– А вы давно у Евгении Генриховны работаете? – спросила Наташа, отметив про себя «Женечку».

– Почти тринадцать лет.

– Ничего себе! Так долго!

– Да, много уже времени прошло. Евгения Генриховна меня, можно

сказать, спасла. Да вы знаете, наверное. Вам ведь Эдик рассказывал?

– Нет, не рассказывал, – покачала головой удивленная Наташа. – Как это – спасла?

– Да вот так. Сестра у меня была, на два года младше, училась в одном классе с Евгенией Генриховной. Дружить они не скажу, чтобы дружили, но дома у нас Женечка появлялась иногда, вместе с другими девочками. И родителей наших она знала, и бабушку... Ну да не в том дело. Я после института инженером работала, а как перестройка-то началась, нас и сокращали. Двести человек на улице оказались: иди куда хочешь, делай что хочешь. А у сестры моей, страшно сказать, рак нашли, и умерла она, за один год сгорела. Пыталась работу найти, да никому я не нужна была со своим дипломом. А ведь нужно было еще родителей кормить – на их-то пенсию особо не разьешься!

– И как же вы устроились?

– Уборщицей, Наташенька, уборщицей я пошла работать. Сначала, знаешь, стыдно было. С высшим образованием, и полы мыть... А потом радовалась, когда меня в магазин взяли. – Ольга Степановна рассмеялась, вспоминая. – Крутиться весь день приходилось, зато перепадало кое-что из продуктов, а тогда как раз время голодное было. Помнишь, как в очередях за молоком и кефиром стояли, номера писали на руке?

– Помню, – кивнула Наташа.

– Ну вот. А я могла иногда пакетик-другой домой унести, директор наш на такое безобразиие глаза закрывал.

– А как же вы с Евгенией Генриховной встретились?

– Да она просто в наш магазин пришла, вот и вся встреча. Узнала сразу же и говорит так строго: что ты, Ольга, тут делаешь? Как будто я выбирать могла... А потом спрашивает: будешь у меня работать, готовить на всю семью? Я, конечно, согласилась. Вот так и живем с тех пор.

Вечером Наташа уложила Тимофея спать пораньше – ей хотелось поговорить с мужем. На втором этаже особняка им были отведены две комнаты – одна для Тимоши, вторая – для них с Эдиком. У нее могла бы быть и своя комната, но она была Наташе совершенно не нужна – вполне хватало и того, что имелось. Детская у Тима просторная, со светлыми обоями, с окнами, выходящими, как и у них, на улицу. Комната же Эдика, которую теперь в доме начали называть семейной, была полностью голубой – голубые обои в мелкий цветочек, постель с покрывалом небесного цвета, бледно-голубые шторы. Просто будуар, а не комната холостяка. Но когда выяснилось, что дизайном занималась Евгения Генриховна, Наташа ничего

не стала переделывать, только сменила шторы на темно-желтые с голубым геометрическим рисунком. Даже их ей не удалось выбрать в магазине: Ольга Степановна, узнав о намерении Наташи, принесла из какой-то дальней комнаты штук пятнадцать отрезков, и Наташа выбрала один из них. Оказалось, что в доме регулярно меняют шторы, например, с летних на зимние. И она, Наташа, тоже поменяет. Конечно, когда потеплее станет.

Сейчас Наташа проводила рукой по бархатистой ткани, глядя за окно, а Эдик валялся на голубом покрывале, листая толстый журнал под названием «Эксперт».

– Слушай, Эдик, – начала Наташа, – мне сегодня Ольга Степановна рассказала, как твоя мама ей помогла. – Чуть не прибавила «Я даже не ожидала», но вовремя сдержалась.

– Это когда она продавщицей в магазине работала? – Эдик отложил журнал в сторону и потянулся до хруста в костях. – Или нет, уборщицей. Помню, помню. Да, мама молодец, конечно. У Полесиных в семье всегда готовить любили. Мне мама еще в детстве рассказывала, как анекдот, сколько всего на стол выставлялось, когда школьницами они к ним домой приходили. И мама, как увидела Ольгу Степановну, поняла, конечно, что той нужно другим делом заниматься. Она еще тогда у меня спрашивала – брать ее к нам в дом или не брать. Мне лет двадцать с чем-то, что ли, тогда было. И я, помнится, страшно гордился, что она со мной решила посоветоваться.

– Посоветоваться? – машинально переспросила Наташа.

– Да, и решили, конечно, нашу прежнюю домработницу заменить. Она Ольге Степановне в подметки не годилась. Согласись, готовит она отменно. Да, Наташ, чуть не забыл – нас Сваровские приглашают в ресторан, отметить день рождения ребенка. То ли в понедельник, то ли во вторник, точно не помню. Пойдем?

Наташа помолчала, собираясь с мыслями.

– Знаешь, – не очень уверенно произнесла она, – мне как-то не хочется Тимку по ресторанам водить...

– Так ведь детское кафе! Во всяком случае, там игровая комната есть. Наташ, ты что-то темнишь, по-моему.

Иногда Эдик проявлял слегка пугающую Наташу пронизательность, и, подумав секунду, она решила сказать правду.

– Если честно, я сама не хочу идти.

– Почему? Тебе Сваровские не нравятся?

– Нравятся. Только они ведь меня знали еще как учительницу их Анжелы...

– Ну и что тут такого? – недоуменно спросил Эдик.

– Эдя, ты такой наивный! – не выдержала Наташа. – Да то, что они меня будут очень внимательно разглядывать и обсуждать, а я не хочу сидеть весь вечер как под обстрелом. Ника человек очень язвительный, хотя и дружелюбный, я не смогу поддерживать беседу на том уровне, который она задаст.

– Да что ты глупости всякие говоришь: уровень... задаст... Там еще будет шесть человек, и никому в голову не придет язвить о чем-то или обсуждать кого-то. А потом, я, конечно, в женской психологии не очень разбираюсь, но, по-моему, люди не придают большого значения нашей с тобой свадьбе. Подумаешь, учительницей ты работала! Один день поговорили – и забыли. А может, и дня не говорили.

– А вот здесь ты ошибаешься, – покачала головой Наташа. – Ладно, пойдем в твой ресторан. Может быть, я и в самом деле преувеличиваю.

– Ну, вот и хорошо! – обрадовался Эдик. – А то ты сидишь дома безвылазно, никуда не ходишь, только с Ольгой Степановной на кухне и беседуешь, бедная моя. Скучно тебе у нас, да?

– Нет, не скучно, – искренне ответила Наташа. – Совсем не скучно.

* * *

Родник действительно был святым, как и обещал Данила. Это чувствовалось сразу и во всем. В дыхании старых деревьев вокруг; в тишине, нарушаемой только плеском воды, падающей из трубы в каменную чашу; в воздухе, пронизанном нежными солнечными лучами, еще не греющими в это время суток. Даже тропинка, по которой они добрались сюда несколько минут назад, была какой-то особенной. Теперь они стояли вокруг чаши с водой.

– Безымянный, дай мне ковш, – негромко попросил Данила.

Один из мужчин расстегнул рюкзак и достал обычный алюминиевый ковш. Девушке даже стало немного обидно за такую прозаичность, но тут она заметила, что на краю ковша видны грубовато выведенные буквы, незнакомые ей. Она удовлетворенно наклонила голову и кивнула самой себе. В Даниле не сомневаются. К тому же какое значение имеет видимая сторона? Главное – содержание.

Учитель набрал воды в ковш и повернулся к ближайшей фигуре. Словно зная, что нужно делать, та опустилась на колени и откинула с головы капюшон. Это была та самая полная женщина, к которой девушка

относилась немного покровительственно, и на секунду ей стало обидно: все-таки первой могла бы быть и она. Но она тут же прогнала от себя нехорошие мысли и попросила у Бога прощения.

Данила отвел руку с ковшом назад и резко выплеснул воду в лицо Безымянной. Женщина слегка дернулась, потом наклонила голову, накинула капюшон. Данила вновь набрал воды и повернулся к следующему Безымянному.

Глядя на то, как ее спутники один за другим опускаются на колени, открывая лица для святой воды, девушка уже в который раз поймала себя на мысли об их уродстве. И опять упрекнула себя за это: ведь только что признала, что внешность – только видимость. Зато каждый из них, кроме немногих, вроде нее и полной женщины, уже проходил этой дорогой. Только последний этап был другим. Она начала было вспоминать, что рассказывал ей Учитель о последнем этапе, пройденном им тогда, когда ее еще не было с ними, но тут Данила остановился напротив нее, и девушка поняла, что подошла ее очередь. Снимая капюшон, стараясь не зажмуриваться в предчувствии холодной воды, она приготовилась, но то, что случилось, застало ее врасплох.

Неожиданно четыре сильных руки подхватили ее сзади и сбоку, подняли и быстро поднесли к чаше. Она открыла было рот, чтобы спросить, но, увидев выражение лица Данилы, передумала. Тот стоял и спокойно смотрел на нее – значит, все в порядке. Кивок Учителя – и ее внезапно подняли вверх. Она так и не поняла, кто именно, – лица были закрыты капюшоном. И тут девушка ощутила, что летит вниз головой в каменную чашу с тихо журчащей водой. Она успела только негромко вскрикнуть, когда ее макнули головой в ледяную воду, тотчас залившую нос, рот и уши, – и ее снова вытащили. Секунда на вдох, который она так и не успела сделать, – и снова головой вниз, в темную глубину. Изо всей силы мотнув головой, девушка попыталась освободиться, но ей резко нажали на затылок, и она опять погрузилась в холод. На сей раз ее держали дольше, и она носом и подбородком чувствовала шероховатость камня. Только это ей и запомнилось. Рывок вверх – и опять вниз. Секунда, другая, третья. Каким-то шестым чувством она вдруг поняла, что происходящее не игра, что ее действительно могут утопить, и отчаянно задергалась, пытаясь освободиться от мертвой хватки безымянных. Напрасно. В голове раздался звон, сначала издали, потом громче, и она вдохнула черную воду, а в следующий момент уже стояла на коленях перед Данилой, задыхающаяся, отчаянно кашляющая, все еще не осознавшая, что ее вытащили в последнюю секунду.

Продолжая кашлять, она повалилась на бок, но ее подняли и стали придерживать сзади. «Вы с ума сошли?» – хотелось ей крикнуть, но язык не слушался. Наконец удушье отпустило ее, и она уже собиралась закричать, когда раздался голос Данилы.

– Мои безымянные братья! Все вы знаете, что проходящие первую ступень подвергаются нескольким испытаниям, и в зависимости от того, как они пройдут их, мы решаем: достойны ли они дальнейшего продолжения Пути или им еще рано и нужно укреплять свой дух. Сегодня первое испытание выпало на долю этой Безымянной, – рука Учителя провела по мокрым, слипшимся волосам девушки, и она почувствовала тепло. – Вы согласны, что испытание было пройдено?

– Согласны, – негромким хором ответили остальные, стоящие вокруг.

– Вы согласны с тем, что она продолжает Путь с нами?

– Согласны.

– Тогда продолжим наш обряд освящения.

Девушку отодвинули в сторону, и следующий Безымянный занял ее место, чтобы принять воду из святого родника. В голове у нее гудело, руки дрожали, но она была счастлива. Испытание. Она прошла первое испытание. Она продолжает Путь.

Глава 3

Кабинет Евгении Генриховны, как и весь дом, был обставлен в английском стиле. Не псевдоанглийском, вошедшем в моду лет пять назад и так же стремительно из нее вышедшем, а настоящем – сдержанном, дорогом, неброском. Стол был, разумеется, подделкой под Чиппендейла, но подделкой такой, которая через десять лет будет стоить ненамного дешевле оригинала. Солидный шкаф из мореного дуба хозяйка лично присмотрела в Англии, хотя можно было заказать и в России. Мягкая мебель удобная, такая же, как в гостиной. Евгения Генриховна не переносила японский минимализм, в последнее время как стиль воцарившийся везде – от недорогих кафе до пафосных бутиков.

В дверь постучали, и вошел Мальчик Жора. Костюм, галстук, гладко зачесанные назад волосы – типичный молодой человек из хорошей семьи с традициями.

– Евгения Генриховна, к вам господин Илюшин. Примете?

– Знаешь, Мальчик, иногда ты напоминаешь мне дворецкого, – усмехнулась Евгения Генриховна. Достала из ящика стола какие-то документы, разложила их на столе.

– Вы мне льстите. Так что, пустить?

– Зачем спрашивать глупости? Разумеется, пустить. Или он зря ехал из Москвы? И перестань корчить из себя шута. Ты недостаточно убедителен.

Мальчик Жора слегка поклонился, так, что было неясно, иронизирует он или исполняет свою роль всерьез, и вышел из комнаты. Через пару минут дверь снова открылась, и вошел молодой светловолосый парень.

Евгения Генриховна смерила его оценивающим взглядом, сделав для себя первые выводы. Двадцать три – двадцать четыре года, спокойный, амбициозный. Пожалуй, неглупый, что нынче редкость среди молодых людей. Вопрос в том, насколько он окажется лучше предыдущих...

– Добрый день, Евгения Генриховна, – вежливо поздоровался вошедший. – Я прошел сканирование?

– Сканирование? – В первый момент она не поняла, о чем он говорит, а потом снова усмехнулась. – Пока я не определилась. Итак, вы...

– Макар Андреевич. Илюшин.

– У вас весьма своеобразное имя, Макар Андреевич. Рискну предположить, что вас дразнили в школе. Присаживайтесь.

Парень со странным для нынешнего времени именем Макар прошел к

столу и уселся на мягкий стул. Задумался на секунду, потом улыбнулся открыто и очень обаятельно.

– Видите ли, Евгения Генриховна, так только кажется на первый взгляд. На самом же деле гораздо проще придумать обидную дразнилку к самому обычному имени, например Максим. Или, еще того хуже, Стас. Особенно в наше время, насыщенное, несмотря на внешнюю терпимость к альтернативной сексуальной направленности, нецензурными словами, характеризующими эту самую направленность.

Евгения Генриховна прищурилась.

– Так вот, – неторопливо продолжил Макар Андреевич, – придумать рифму, да еще и обидную, да еще и короткую, к моему имени достаточно сложно. Если вы попробуете, то сами убедитесь. Поэтому остается безобидное «Макар гонял телят», а также сокращение «Мак». Вот и все. Притом что само имя привлекает внимание и вызывает усмешку.

– Ну что ж, очень интересно и неожиданно...

– Но вы, разумеется, пригласили меня из Москвы не для этого, – закончил за Евгению Генриховну молодой человек.

– Совершенно верно. Я хочу, чтобы вы разыскали мою дочь. Вот здесь, – она подвинула к нему бумаги, – результаты ваших предшественников. Фотография. И еще кое-что, потом посмотрите.

– Так, значит, я все-таки прошел тестирование. – Он не спрашивал, а уточнял.

– Да. По поводу оплаты...

Парень поднял руку, и Евгения Генриховна замолчала.

– Минуточку, госпожа Гольц. Я рад, что соответствую вашим ожиданиям, но пока не уверен, что вы соответствуете моим.

– Что вы имеете в виду? Я вполне платежеспособна, если...

Макар Андреевич поморщился.

– Прошу вас. Я говорю, разумеется, не об этом. Но вы должны понимать, что я работаю с адекватными клиентами, нацеленными не на мифический, а на объективный результат. Я задам вам несколько вопросов. Пожалуйста, отвечайте на них честно.

Евгения Генриховна хотела сказать что-то резкое, но потом передумала и молча кивнула.

– Если я правильно понял, ваша дочь пропала четыре года назад?

– Да.

– Вы с ней ссорились?

– Нет. Да. Подождите, все не так просто... Мы очень любили друг друга, но Элина... я... Наверное, я слишком давила на нее, – словно

выжимая из себя слова, проговорила Евгения Генриховна. – Она старалась освободиться от моей опеки, доказать, что может что-то сама, без меня.

– Она могла?

– Да. Она самостоятельно поступила в институт и хорошо училась. Но при этом Элина... Понимаете, она разбалансированная, сама не знает, чего хочет. Я пыталась ее направлять, но мое вмешательство становилось причиной... разногласий.

– Вы били ее?

– Что? Нет, разумеется!

– Хорошо. Она могла уехать от вас надолго и не звонить вам?

– Нет. Она звонила мне раз в два-три дня, иногда раз в четыре. Но не реже. Или я звонила ей сама.

– О чем вы разговаривали?

– Ни о чем. О том, что все в порядке, что она получила пятерку. Что Эдуард, мой старший сын, нашел себе девушку. Ну, я не знаю... О моих делах, в конце концов.

– Госпожа Гольц... – Макар Андреевич сделал паузу и внимательно посмотрел в черные глаза женщины, сидящей за дорогим столом. – Госпожа Гольц, вы понимаете, что вашей дочери нет в живых?

Лицо Евгении Генриховны изменилось, ноздри раздулись. Но она совладала с собой и произнесла почти ровным голосом:

– Моя дочь жива. Я нанимаю вас именно для того, чтобы вы нашли ее. В каком бы состоянии и где бы она сейчас ни была, она остается моей дочерью, и я...

– Спасибо, госпожа Гольц. – Голос посетителя оказался неожиданно убедительным, и Евгения Генриховна умолкла на полуслове. – Мне жаль, но я не принимаю ваших условий. Приятно было познакомиться. Всего доброго.

Он подвинул к ней бумаги, встал и пошел к выходу. У самых дверей его остановил резкий голос:

– Пойдите. Вернитесь.

Макар Андреевич повернулся и подошел к стулу, но не сел, а остался стоять, держась за изогнутую спинку.

– Евгения Генриховна, – мягко начал он, первый раз назвав женщину по имени, – я уже говорил вам о мифических целях и реальных. Я не работаю для создания и поддержания первых.

– Почему вы считаете, что моя дочь...

– Потому что вы мне рассказали все, что надо. Элина исчезла четыре года назад и за прошедшее время ни разу не связалась с вами. Ни разу не

поступило и требование о выкупе. А ведь она была достаточно домашняя девочка, хоть и считала себя взрослой и умной. Она любила вас. Уважаемая Евгения Генриховна, я работаю достаточно долго, чтобы понимать, что это значит. Мне очень жаль. Вы можете сейчас выкинуть все мои слова из головы, а я скажу вам, что в жизни бывают самые невероятные случаи, и на этом мы расстанемся. Или я начну искать, кто мог убить ее четыре года назад.

Евгения Генриховна что-то тихо сказала, он даже не сразу расслышал.

– Что, простите? – Макар Андреевич наклонился ближе к столу.

– Это почти невозможно, – повторила она шепотом. Лицо ее обвисло и стало совсем старым.

– Да, – согласился он печально, – это почти невозможно. Если произошло случайное убийство, то невозможно вовсе. К сожалению, даже тела мы не найдем. Да вы наверняка предпринимали все мыслимые шаги, искали среди тел...

– Тогда что же...

– Что я собираюсь делать? Видите ли, есть возможность, что исчезновение вашей дочери не было случайным. И тогда должны были остаться следы.

– Какие следы? До вас работало столько человек...

– Не имеет значения. Я работаю лучше. – В его голосе не звучало ни самодовольства, ни похвальбы. – Если что-то осталось, то я смогу их найти. Но вы должны понимать, что мы ищем.

Повисла тишина. Молодой человек терпеливо ждал. Наконец Евгения Генриховна произнесла почти спокойно:

– Могилу. Я хочу, чтобы вы нашли могилу.

– Вы понимаете, что...

– Да. Я понимаю. Если возможно.

– Хорошо.

Он собрал бумаги, попрощался кивком и вышел. Евгения Генриховна осталась сидеть за столом, глядя в окно, за которым летел мокрый февральский снег. «Гонорар, – вспомнила она. – Мы же не обсудили его гонорар». Она хотела позвонить Мальчику Жоре, чтобы он вернул Илюшина, но тут же поняла. Этот юноша специально не стал говорить о деньгах. Пожалуй, она его недооценила.

– Мам, ищи меня, я спрятался! – неожиданно раздался за дверью пронзительный голос.

Евгения Генриховна потерла лоб рукой и подумала, что сегодня стоит забыть о принципах и ретироваться из собственного дома. И тут зазвонил

телефон.

Наташа с Тимом играли в прятки, когда Евгения Генриховна вышла из своего кабинета на втором этаже и быстро прошла мимо них. Наташа как раз нашла Тима, и теперь он радостно барахтался у нее в руках, сопя и повизгивая.

– А я ужасная лисица, я съем маленького крольчонка! – страшным голосом пообещала Наташа, и заметила свекровь: – Ой, добрый день!

– Добрый день, – сдержанно улыбнулась та.

– Тима, что нужно сказать?

– Добрый день, – послушно повторил мальчик. – Мам, а это кто?

Евгения Генриховна остановилась на верхней ступеньке лестницы, ожидая ответа Наташи. Замечательно! Просто замечательно! Чужой байстрюк в ее собственном доме интересуется, кто она такая! Причем его мать уже два месяца проживает здесь с ним, вполне могла бы объяснить своему отпрыску, кто есть кто. Впрочем, что с нее взять...

– Наверное, куница, – прервал ее мысли голос невестки. – А может быть, и белка.

– Нет, не белка! – Пронзительный голос мальчишки заставлял Евгению Генриховну морщиться. Господи, почему он не может разговаривать, как обычные дети? – Я знаю, кто это! Это... это...

– Да? – с улыбкой посмотрела на него Евгения Генриховна. – Ну, Тимофей, скажи, кто я?

– Вы – баба Женя! – торжествующе заявил мальчик. – А вовсе никакая не куница! А я от вас все равно спрячусь, вон за той занавеской.

Он вырвался из рук матери и убежал. Наташа осталась стоять, чувствуя себя крайне неловко.

– Я – баба Женя... – задумчиво произнесла Евгения Генриховна. – Прекрасно. Чем дольше живу, тем больше нового узнаю о себе.

Наташа не сдержалась и хихикнула. Свекровь без улыбки взглянула на нее, кивнула и стала величественно спускаться вниз по лестнице.

– Ты представляешь, Тима твою маму назвал сегодня бабой Женей. – Наташу разбирал судорожный смех.

– Ты что, серьезно? – Эдик недоверчиво взглянул на нее. – Откуда он взял такое?

– Да ты же сам и сказал, забыл?

– А, ну да, точно. Елки-палки, я же не думал, что он при ней скажет...

– Эдя, маленькие дети всегда все повторяют. А потом, как ему еще ее

называть?

– Ну, хотя бы тетя Женя, что ли... Тьфу, тоже звучит как-то... не очень. Наташ, и как мама отреагировала?

– Да, по-моему, с юмором. Во всяком случае, не рассердилась.

Эдик задумался, потом погладил жену по руке.

– Знаешь, пусть называет ее бабой Женей. Есть у меня слабая надежда, что у мамы запустится механизм любви к внукам.

– Но ведь Тима не ее внук, – возразила Наташа.

– Теперь – ее, – решительно сказал Эдик. – Вот пусть и привыкает. Честно говоря, мне кажется, что через год она с Тимошкой так будет нянчиться, что мы ее оторвать от него не сможем.

Наташа в сомнении покачала головой – подобная перспектива казалась ей очень и очень маловероятной. Хотя... чем черт не шутит?

Вечером Евгения Генриховна сидела в своем офисе, куда она приехала час назад. День был переполнен отвратительными Знаками, и вот теперь они начинали подтверждаться: только что сидящий перед ней пожилой мужчина произнес фразу, которую не мог, не должен был говорить: «Боюсь, что нам придется уступить».

– Сергей Давыдович, – заговорила она наконец, побарабанив пальцами по столу, – я вас не совсем понимаю.

– Я сам, Евгения Генриховна, ничего не понимаю, – отозвался тот. – Старый, видимо, стал, раз ничего толком узнать не могу – ни кто он, ни откуда вылез, ни чем занимается. Но вот в одном меня убедили – с ним лучше не связываться.

– Кто убедил? – сухо поинтересовалась женщина.

– Не имеет значения, но, уверяю вас, человек очень и очень осведомленный. – И Сергей Давыдович показал пальцем куда-то в потолок.

В комнате опять наступило молчание.

– М-да, как-то не обнадеживающе год начинается, – пробормотала словно про себя Евгения Генриховна. – Ну что ж, я подумаю. Спасибо, Сергей Давыдович, вы свободны.

Пожилый мужчина вышел, а она подошла к окну, за которым виднелся небольшой заснеженный сквер, и глубоко задумалась. Вот теперь дела действительно пошли хуже некуда. А самое главное – непонятно почему. Хотя, если учесть все Знаки, которые посылала ей судьба...

Против воли Евгения Генриховна вспомнила белобрысого мальчишку, постоянно крутящегося по вечерам в ее гостиной. Конечно, а где же ему еще крутиться – ведь это теперь и его дом, как выразился неожиданно

поглупевший Эдик. Позволить окрутить себя нищей провинциалке с байстрюком – такого она от сына не ожидала. Вот Элина никогда бы...

Евгения Генриховна силой заставила себя выкинуть из головы мысли о дочери. Сейчас ей требуется вся сила, весь ум, потому что под угрозой попало не просто семейное благополучие, а дело, которым она занималась. Но почему же именно сейчас? В памяти ее опять всплыла смеющаяся детская физиономия, и она поморщилась. Мальчик с идиотским именем Тимофей раздражал ее гораздо больше, чем его простоватая мамаша, – хотя, приходилось признать, за последнее время она приобрела некоторый лоск, – раздражал так сильно, что она еле сдерживалась, чтобы не закричать на него или на своего собственного сына, который нянчился с ним по вечерам, как с родным ребенком. Нет, госпожа Гольц ни на кого не повышала голос – она была слишком хорошо воспитана, а кроме того – не возникало надобности. Но, заслышав Тимошу, пискляво выкрикивающего что-нибудь вроде «Мам, иди сюда! Ну, посмотри!», ей хотелось сначала накричать на глупого невоспитанного мальчишку, орущего по всему дому, а потом схватить за белобрысые кудрявые волосы и вытащить за дверь.

«Мерзость какая, – брезгливо сказала самой себе Евгения Генриховна. – В кого я превращаюсь?»

Но как она ни отгоняла от себя мысли о Тимофее, они возвращались. Во-первых, из-за нелепой фразы Мальчика, предположившего, что Эдуард – подумать только, ее родной сын! – вздумает усыновить чужого ребенка. Нет, такого, разумеется, произойти не может, но сама возможность... И, во-вторых, потому что проблемы начались с его появлением в доме. Евгения Генриховна точно запомнила, когда в ее жизни возник вопящий мальчишка, потому что на следующий день появился Степан Затрава.

Внешне он не представлял собой ничего особенного – полноватый, лысоватый хохол с хитровой кошачьей усмешкой, в вечно мятом пиджаке. Подсел нахально к Евгении Генриховне, обедавшей в ресторанчике, и сразу перешел к делу.

– Госпожа Гольц, – голос у него неожиданно оказался не вкрадчивым, а неприятным, чуть дребезжащим, – у меня к вам деловое предложение. Собственно говоря, мои люди вам его уже озвучивали, но вы к нему серьезно не отнеслись. Мне кажется, что вам была предложена хорошая сумма, но если вы настаиваете, я готов ее увеличить. Из уважения к вам.

Евгения Генриховна с некоторым любопытством разглядывала наглеца. Действительно, в ее офисе два раза появлялись какие-то предприниматели и предлагали ей совершенно смехотворную сделку: продажу помещений, в которых располагались ее салоны. Очень смешно.

Евгения Генриховна даже усмехнулась, вспомнив нелепых визитеров.

Ее бизнес строился на том, что все помещения, где находились парикмахерские, были у нее в собственности. Поначалу, когда она выкупала площадь за бешеные деньги, ее отговаривали: зачем платить такие суммы, если можно просто взять в аренду, как повсеместно и делается? Тем более что салонов было не два и не три, а значительно больше. Но Евгения Генриховна, не слушая никого, продолжала выискивать и выкупать по всему городу старые офисы, квартиры на первых этажах, которые можно было расселить, пустующие помещения, на которые еще никто не успел наложить свою лапу. И находила. Сначала говорили о ее везении, потом стало понятно, что везением дело не ограничивается – у госпожи Гольц имелись связи, которые позволяли ей успевать туда, куда опаздывали остальные. Салоны приносили очень хороший доход, но первые пять лет почти вся прибыль шла именно на расширение бизнеса. И в конце концов даже противникам пришлось признать, что Евгения Генриховна добилась своего.

Ее салоны располагались по всему городу, причем ни один не занимал арендованную площадь. Поэтому смена владельцев помещения, рост цен на недвижимость не оказывали на бизнес госпожи Гольц никакого влияния. Собственность – вот что было гарантией ее бизнеса. Помимо самих салонов, она представляла собой капитал, и капитал весьма значительный. Сколько ни предлагали ей уступить, даже на очень выгодных условиях, некоторые помещения, она никогда не соглашалась, и пару раз возникали неизбежные в таких случаях конфликты. Но Евгения Генриховна могла быть спокойна – люди, обеспечивавшие безопасность ее бизнеса, знали свое дело. А Евгения Генриховна знала, за что им платит.

И поэтому, когда появились люди Затравы с предложением выкупить все – все! – помещения, она только усмехнулась. Цена, предложенная ими, была вполне обоснованной, но ведь все прекрасно понимают – дело не в цене. Представители фирмы с бесцветным названием «Максимум» были выставлены за дверь.

А через неделю в одном из районных судов Санкт-Петербурга началось слушание дела по факту незаконного приобретения госпожой Гольц Евгенией Генриховной помещения по такому-то адресу. Оказывается, утверждал истец, муниципалитет не имел права отчуждать его, а посему сделка должна быть признана незаконной.

Дело было шито белыми нитками, и у истцов не было никакой возможности его выиграть. Приобретение было совершенно законным, а то, что Евгения Генриховна хорошо знала главу района, никого не касалось.

И все же процесс она проиграла. Адвокат, начавший составлять жалобу в апелляционную инстанцию, позвонил и отказался от денег. Она нашла другого в тот же день. А на следующий узнала, что лучший мастер парикмахерской «Элина», из-за которой шел спор, был найден избитым в подъезде собственного дома: за его жизнь врачи не опасались, но пальцы на обеих руках у парня были переломаны. В милиции Евгении Генриховне объяснили, что ввиду нетрадиционной ориентации ее работника, а также многочисленных его связей наверняка причиной преступления является ревность, а вовсе не мифический дележ собственности.

Госпожа Гольц решила, что имеет дело с уголовниками, а для таких случаев как раз и существовала «прикрывающая организация», или, говоря открытым текстом, «крыша». «Крыша» у нее была проверенная, милицейская, поскольку частным структурам Евгения Генриховна не доверяла. Инцидент был доведен до сведения нужных людей, и она успокоилась. Как выяснилось, зря: через неделю в другом районе начался судебный процесс, аналогичный первому, а представитель «крыши» развел руками. «На любую дубинку есть своя дубинка, – вспомнила Евгения Генриховна его слова. – В вашем случае мы ничего не можем поделать».

Второй процесс был проигран ею с какой-то невыносимой для российского судопроизводства скоростью, а в ресторанчике, где она любила обедать, появился Степан Затрава и предложил не ссориться, а закончить дележ собственности бескровно. «Вы же все понимаете, Евгения Генриховна, вы же умная женщина, – закончил он. – Зачем зря тратить мое и ваше время? Подумайте, сколько вы хотите за ваше имущество, и мы прекратим столь утомительный балаган. Вот мои телефоны. Всего доброго».

Мысль о том, чтобы рассмотреть предложение Затравы, Евгенией Генриховной даже не обдумывалась, но было понятно, что к этому человеку следует отнестись более чем серьезно. И прежде всего нужна информация. И она занялась ее сбором. Но последний человек, имевший реальную возможность что-то выяснить, полчаса назад сообщил, что ей придется уступить. Сие могло означать только одно – за Затравой стоят люди такого уровня, что ей не имеет смысла с ними конфликтовать – можно потерять слишком многое.

Евгения Генриховна приложила ладонь ко лбу и в очередной раз подумала: непредвиденно возникшие проблемы, которые нужно как-то решать, навлек на нее маленький белобрысый мальчишка с глупым именем Тимофей.

Идти было тяжело. Во-первых, изнуряющий, бесконечный дождь, который шел, почти не прекращаясь, третий день. «Дождик лил, лил и лил», – вспомнила девушка фразу из любимой книжки про Винни– Пуха, которую няня читала в детстве. Но сейчас было вовсе не весело. Зачем нужно идти под дождем, она не понимала, но спрашивать было нельзя. Никто не спрашивал, значит, и она не должна.

Во-вторых, полная женщина, которая, казалось, распухла за время их пути. Она кашляла четвертый день подряд, кашляла долго, надрывно и особенно заходилась по ночам. Ее хрипы слышали все, и, лежа в своей палатке с открытыми глазами, девушка думала: как же выдерживают те, кто спит с ней рядом? Она ведь им мешает.

К концу третьего дня дождь перестал, но дорогу развезло так, что идти стало невозможно. Данила сверился с картой, свернули в лес и сделали привал. Девушка долго отогревалась в палатке, вслушиваясь в кашель толстой Безымянной, и думала, как лучше сказать то, что она хотела.

Перед сном Данила зашел в палатку, взял ее промокшую майку и вышел. Все вещи развешивались над костром, около которого дежурил кто-то из Безымянных, и сейчас во влажном воздухе остро пахло дымом.

– Данила, – несмело обратилась она к Учителю, когда он вернулся, – можно я скажу?

Тот кивнул.

– Тебе не кажется, что Безымянную, которая кашляет, нужно в больницу? Ведь такая погода стоит...

– Завтра будет сухо, – без выражения ответил Данила.

Девушка сбилась с мысли, хотела спросить, откуда он знает, но потом решила не спрашивать.

– Понимаешь, она ведь уже заболела и всем мешает...

– Безымянная, говори за себя, – строго поправил Данила. – Она мешает тебе, правда? Про остальных ты не можешь знать.

Девушка послушно кивнула. Она не представляла себе, как можно спать под такой кашель, но Учитель был прав, говорить нужно только за себя.

– Но я... я беспокоюсь о ней. Мне кажется, что она чувствует себя плохо. И я видела, что у нее распухли ноги.

– Не настолько, чтобы она не могла идти. А самое главное... – Лицо Данилы смягчилось. – Я понимаю твою заботу и разделяю ее, но сделать

мы ничего не можем. Рядом нет больницы.

– Но ведь мы проходили мимо деревни, ее можно, наверное, оставить там... Дать денег или просто попросить, чтобы ее отвезли в райцентр. Мы ведь недалеко отошли от деревни, правда?

Данила посидел молча, потом поднял на девушку синие глаза.

– Гораздо дальше, чем ты думаешь, – покачал он головой.

– Но все-таки...

– Достаточно, Безымянная. Я тебя услышал. Слушай Господа.

– Слушай Господа, – автоматически ответила она.

Данила встал и вышел наружу. В соседней палатке раздался хриплый, резкий кашель.

Наутро встали рано, позавтракали и вышли из леса. Оказалось, что раскисший участок через каких-то двести метров сменяется песчаной дорогой, идущей вдоль поля, и все обрадовались. Идти было хорошо, и, если бы не кашель за спиной, девушка была бы совсем рада. Учитель не рассердился вчера на ее просьбу и даже, кажется, остался доволен. Если так, она готова слушать кашель женщины до конца пути.

– Мои безымянные братья! – обратился к ним Данила, когда они прошли около трех километров и вышли к небольшой речке, неспешно текущей среди зарослей осоки и камыша. – Наш первый приют будет скоро – меньше чем через день пути. Мы выйдем к Церкви апостола Павла, где нам дадут приют. Пусть это вселяет в вас веру. Слушайте Господа!

Полная женщина закашлялась так, что не смогла даже ответить Учителю, и девушка заметила, как один из сильных Безымянных – она привыкла называть их про себя Охранниками – пристально смотрит на нее. Через некоторое время он уже шел рядом с Данилой, негромко разговаривая с ним.

Вечером у костра Безымянная кашляла непрерывно, и в конце концов Данила встал, отозвал в сторону Охранников и коротко переговорил с обоими. Вернувшись, он объявил:

– Безымянные братья, я принял решение. Эта Безымянная, – он показал рукой на хрипящую женщину, – должна покинуть нас. В том нет ее вины. Она попадет туда, где ей окажут помощь.

– Спасибо, Учитель, – ответила женщина, утирая выступившие от кашля слезы. – Мне жаль, что я не выдержала путь, но надеюсь, у меня будет возможность пройти его с тобой в другой раз.

– Попрощайтесь же с нашей Безымянной сестрой, – предложил Данила. – Она сейчас покинет нас в сопровождении этих Безымянных, – он

кивнул на Охранников. – Они проводят ее и вернутся. Идти недалеко, они хорошо знают дорогу.

Один за другим паломники начали подходить к полной женщине и что-то негромко говорить, наклоняясь к ней. Девушка не знала, есть ли какая-то особая процедура в таких случаях или она может сказать что-то свое, а Данила не подавал никакого знака. Когда подошла ее очередь, она наклонилась близко к опухшему лицу женщины и сказала тихонько:

– Выздоровливай, Безымянная. Выздоровливай скорее.

Женщина подняла на нее глаза, и девушка впервые заметила, что они красивого темно-серого цвета. Странно было видеть на оплывшем, уродливом, в общем-то, лице такие глаза.

– Вера, – неожиданно прошептала Безымянная.

– Что? – не поняла девушка.

– Меня зовут Вера. Запомни, меня зовут Вера.

Удивившись, девушка попыталась что-то спросить, но сзади уже подходила следующая Безымянная в надвинутом до глаз капюшоне, и она отошла в сторону. Слегка ошарашенная, девушка наблюдала со стороны за прощанием, за тем, как Безымянная поцеловала ладонь Учителя и наконец, кашляя через каждые три шага, торопливо пошла с двумя сопровождающими между деревьев туда, где виднелся просвет.

– Безымянная, сегодня ты дежуришь у костра, – сообщил ей кто-то из проходящих мимо. – Тебя разбудят в два часа, так что ложись скорее, чтобы успеть выспаться.

Ночью ее растолкали, она оделась и вышла наружу. Ночь стояла теплая, звездная, и она подумала, что сидеть у костра в такое время – одно удовольствие. Можно было бы даже спать не в палатке, а прямо на земле. Где-то в глубине леса ухала птица, а из травы неподалеку раздавался стрекот, то громкий, то приглушенный. В одной из палаток громко храпели. От срубленных сосновых веток возле костра остро пахло смолой. Девушка привалилась к стволу дерева и незаметно задремала.

Проснувшись она от того, что ей захотелось в туалет. Часов ни у кого из Безымянных не было, но, оглядевшись спросонья, она поняла, что еще очень рано, часов пять утра. В лесу было очень тихо. Осторожно, стараясь никого не разбудить, девушка встала и пошла в глубь леса.

Зайдя за густой куст, она присела, чувствуя себя очень неловко – все-таки сказывались городские привычки изнеженной барышни. К тому же мысль о том, что кто-то из Безымянных может проснуться, пойти за той же надобностью и наткнуться на нее, заставляла девушку чутко прислушиваться и постоянно оглядываться. Слева ей почудился негромкий

треск, она торопливо вскочила и стала внимательно всматриваться в предрассветную мглу.

Никого. Показалось. Девушка облегченно вздохнула, но решила зайти подальше в лес, куда наверняка никто из ее спутников не сунется. После долгих поисков она нашла наконец достаточно укромное место. «Пора перестать быть такой стыдливой, – сказала девушка самой себе, застегивая молнию на джинсах, – который день идем, а я по-прежнему за два километра бегаю по любой нужде». Она засмеялась сама над собой и огляделась. Позади нее была небольшая полянка, заросшая густой, ровной зеленой травой, из которой торчали высокие сиреневые цветы. Девушка наклонилась над одним из них, но лепестки цветка были почти сомкнуты и запаха не ощущалось. Она попыталась сорвать его, но стебель оказался неожиданно прочным и не хотел поддаваться. Тогда она потянула сильнее... и не сразу поняла, что произошло. Вместе со стеблем сдвинулась трава. Девушка нахмурилась, потянула еще раз, и большой пласт травы, на краю которого рос цветок, отошел от земли, открывая то, что было под ним. Земля, сплетение корней, что-то белое...

Девушка склонилась над тем, что лежало в земле, не понимая, как *это* могло здесь очутиться. Как может под травой быть маска, да еще такая... Внезапно она поняла. В первую секунду она пристыла к земле, а во вторую одним прыжком отскочила от того невозможного, что лежало перед ней. Из желудка поднялась отвратительная волна и выплеснулась на кусты. Девушка вытерла рот дрожащей рукой, постояла и медленно подошла к «маске».

Стараясь не притрагиваться к земле, осторожно потянула на себя травяное одеяло, и оно подалось, постепенно открывая лежащее под ним тело. У девушки подкосились ноги, и она опустилась на колени рядом с белым лицом женщины, которая просила запомнить, что ее зовут Верой. На лице была земля и травинки, но оно было спокойным, только чуть удивленным. Девушке показалось, что одна щека дернулась, и она чуть было не закричала, но тут увидела, что вокруг щек, и губ, и носа, и рта копошатся маленькие букашки и муравьи. Она издала негромкий звук, как будто ей не хватало воздуха, и начала быстро, очень быстро закрывать травой и тело, и лицо, и волосы. Ей показалось, что трава легла неровно, и тогда она отломила ветку, поправила ею траву.

Когда она вышла из леса десять минут спустя, у костра никого не было. Все спали. Девушка села на подстилку, бессмысленно глядя на тлеющие огоньки в золе и повторяя про себя: «Вера. Запомни, меня зовут Вера».

Глава 4

Раздражение. Вот самое точное слово для обозначения того состояния, к которому постепенно переходила Наташа от своей первоначальной растерянности. В конце концов, кем бы она ни была раньше, сейчас она – жена Эдуарда Гольца. При регистрации брака Наташа взяла его фамилию вместо прежней, Зинчук, и ей очень нравилось, как это звучит: Наталья Гольц. Конечно, несколько портило «мелодию» простецкое отчество Ивановна, но не всем же быть Генриховнами.

Поскольку сама Наташа сейчас не зарабатывала, Эдик предложил вполне разумный, с его точки зрения, вариант: половину того, что зарабатывает, он отдает ей. Расходы на обучение Тимоши несет Эдик, так же как и все расходы по содержанию дома. Наташе такое распределение не понравилось – получалось, что сам Эдик остается ни с чем. Но он объяснил: помимо доходов из банка у него есть еще кой-какие средства, приносящие выгоду. Акции, например. И наследство, оставшееся от бабушки и до сих пор хранившееся в неприкосновенности. Так что за его финансовое благополучие Наташа может не беспокоиться.

Так и получилось, что весьма значительную сумму она могла теперь почти полностью тратить на себя. Осознав это, Наташа записалась в салон красоты и, выйдя оттуда, решила, что теперь будет за собой ухаживать, раз появилась такая возможность. Она купила несколько вещей, которые ей нравились, но от «недельного шопинга», как выразился Эдик, отказалась – ей было немного стыдно тратить столько денег на одежду. Послала приличную сумму родителям, а остальное отложила «на черный день».

Теперь она одевалась дома так же, как все остальные члены семьи, – в одежду, в которой можно было бы встречать гостей или ходить на работу, если бы она работала. Юбки, тонкие джемпера, обязательные туфли. Легкий макияж, уложенные волосы. Ей уже не казалось странным, что можно весь день, как Игорь Сергеевич, просидеть в кресле, почитывая Бальзака, но для Наташи это было скучно. Эдик обещал, что в августе они поедут на море, и она с нетерпением ждала лета, а пока занималась собой. А что, хорошее выражение, ведь раньше-то она занималась только другими.

Но никто в доме, кроме Эдика, не оценил произошедших с ней изменений! Вот то, что вызывало у Наташи вполне закономерное раздражение, которое она всячески старалась скрывать. Однако не всегда получалось. Особенно выводили ее из себя надменные манеры

рыжеволосой Аллы Дмитриевны.

Как-то раз, заметив Тима, копошащегося около дивана, Алла Дмитриевна обратилась к Наташе:

– Будьте добры, уберите ребенка с ковра. Он имеет большую ценность в глазах Евгении Генриховны.

«Имеет большую ценность... в глазах...» – передразнила про себя Наташа странную, какую-то книжную фразу госпожи Бобровой, а вслух заметила:

– Вы думаете, ребенок может его испортить?

– Ну, не знаю, – брезгливо повела плечами Алла Дмитриевна. – Вдруг описается, или его стошнит, или еще что-нибудь подобное... Вам лучше знать своего сына.

От этой брезгливости, от интонации, как будто речь шла о противном насекомом, Наташу охватило бешенство. Но она сдержалась.

– Мой ребенок, – с еле сдерживаемой ненавистью сказала она, глядя в холодные зеленые глаза, – писает и какает исключительно в отведенном для этого месте, причем с полутора лет. А стошнить его может...

«Стоп!» – сказал внутренний голос. «Не смей!» – прикрикнул внутренний голос. «Закончи фразу иначе!» – рявкнул внутренний голос. Но было поздно.

– Исключительно от вас, – закончила фразу Наташа, не слушая его разумных советов. И присела рядом с Тимкой собирать пирамиду из кубиков.

– Вы дурно воспитаны, моя дорогая, – раздался спустя некоторое время спокойный, высокомерный голос. – Будем надеяться, это ненадолго.

Что хотела сказать последней фразой Алла Дмитриевна, Наташа не знала и не хотела знать. Но теперь, после неприятного инцидента, присутствие Аллы Дмитриевны в комнате заставляло Наташу слегка поеживаться, как если бы в ней была открыта форточка.

А вот от подруги Аллы Дмитриевны, проводившей в особняке Гольц много времени, становилось жарко. Наташа так до конца и не уяснила себе статус Елены Семеновны, которая чувствовала себя здесь, по всей видимости, очень свободно, но всегда старалась исчезнуть до прихода Евгении Генриховны. Полная блондинка с короткой стильной стрижкой, она была представлена Наташе Игорем Сергеевичем как подруга семьи. Со временем стало ясно, что под семьей имеются в виду исключительно Бобровы – со всеми остальными, включая Эдика, Елена Семеновна почти не общалась. Как-то раз, проходя мимо комнаты младшего братца, как Наташа называла про себя Игоря Сергеевича, она услышала приглушенный

женский смех. Все бы ничего – подумаешь, женщина смеется в доме! – но смех произвел на Наташу впечатление чего-то... несколько ненормального, что ли. Она и самой себе не могла толком объяснить, что именно не понравилось в том смехе. Истерический он был, неправильный. И самое главное – смеялись две женщины, а не одна.

Жарко же Наташе от присутствия милейшей, чуть колыхающейся на ходу, как медуза, Елены Семеновны становилось по следующей причине. Месяц назад, случайно заглянув после обеда в гостиную, Наташа наткнулась на нее и на Игоря Сергеевича. Младший братец представил их друг другу и тут же вышел, вспомнив про какие-то дела. Женщины остались одни.

– Наслышана, наслышана о вас, – склонив голову набок, приветливо сказала Елена Семеновна. – Значит, вы – новая пассия нашего дорогого Эдика.

– Вас неверно информировали. Я не новая пассия, а его жена, – так же приветливо отозвалась Наташа.

Елена Семеновна замолчала и спокойно, если не сказать бесцеремонно, стала рассматривать Наташу. Небольшие голубые ее глаза изучили лицо, обежали фигуру... и вот тут-то Наташа ощутила то самое стеснение, которое всегда появлялось у нее и после, когда она сталкивалась с подругой Бобровых. Елена Семеновна неожиданно легко встала с кресла, подошла к Наташе вплотную и остановилась, не говоря ни слова. На лице ее по-прежнему играла легкая улыбка. Наташа почувствовала себя очень глупо и не нашла ничего лучше, как спросить:

– А вам этот дом нравится?

– Нравится, – после небольшой паузы протянула Елена Семеновна. – Мне и то, что в доме, очень нравится. Вот, например, вы мне нравитесь.

Обычная фраза, которую Наташа от любого другого человека восприняла бы как искреннее изъявление симпатии, в устах Елены Семеновны звучала несколько двусмысленно и как-то... неприятно. Словно на самом деле про себя она говорила совсем другое.

– Спасибо, – ответила Наташа, собираясь уходить. – Всего доброго, мне уже пора...

– Куда вы собрались так рано, Наташа? – удивилась Елена Семеновна, словно невзначай взяв Наташу за руку.

Прикосновение ее пальцев оказалось неожиданно горячим, так что Наташа даже вздрогнула.

– Э-э, милочка, да вы никак меня боитесь! – расхохоталась женщина. – Ну что вы, я вовсе не страшная. Вы в этом скоро убедитесь. Вот,

посмотрите-ка на меня.

Она приблизила к Наташе свое лицо, и той внезапно стало не по себе.

– Простите, мне нужно идти. – Наташа силой вырвала руку из цепких полных пальчиков и почти бегом выскочила из гостиной. Вслед ей донесся негромкий довольный смех.

– Эдик, кто такая Елена Семеновна? – спросила вечером Наташа после того, как уложила Тимку.

– Елена Семеновна? А, Петровская... Она школьная подруга Аллы. Или институтская, точно не помню. А что, ты с ней уже успела познакомиться?

– Да, успела, – пробормотала Наташа. – Она какая-то странная, знаешь...

– Типичная лесбиянка, по-моему. Надеюсь, она к тебе не приставала? – улыбнулся Эдик. – Вообще-то милая женщина, улыбчивая такая. Да бог с ней, расскажи, как у вас с Тимом день прошел.

Рассказывая о пустяках, накопленных за день, Наташа не могла отделаться от ощущения, что с Еленой Семеновной что-то не в порядке. И дело было не только в том, что, по выражению Эдика, она была «типичной лесбиянкой». О последнем-то Наташа начала догадываться и сама. Было еще что-то, что-то другое... Какая-то мысль на секунду промелькнула у нее, но тут же исчезла. «Действительно, бог с ней», – подумала тогда Наташа и выкинула Елену Семеновну из головы.

Игорь Сергеевич сидел, по своему обыкновению, в гостиной, когда в дверях появилась Илона.

– Здравьте! – поздоровалась она. – А я тут сейчас убираться буду, так что попрошу, Игорь Сергеевич, перейти в другое место.

– Илона, – промурлыкал Бобров, – ну зачем же так официально? Я ведь просил называть меня Игорем. Ты сегодня просто сногсшибательна.

Он встал, подошел к девушке, протиравшей подоконник. Рука его невзначай скользнула по тонкой талии, спустилась ниже... Илона глянула из-под длинных опущенных ресниц и, слегка улыбнувшись, отвела руку Боброва.

– Ну что ты, что ты, красавица моя, – зашептал ей в ухо Игорь Сергеевич, – мы же с тобой договаривались... ты же сама обещала... Ну Илона!

– Вы, Игорь Сергеевич, что-то путаете, – усмехнулась девушка, отстраняясь. – Что я вам такое обещала? Или, может, мы с вами договор подписывали?

– Ну как же, Илона... – начал было Бобров, и тут лицо его изменилось. Обернувшись в ту сторону, куда он смотрел, Илона увидела стоящую в дверях Аллу Дмитриевну.

– Здравствуйте, Алла Дмитриевна, – улыбнулась она, взяла с подоконника тряпку и стала небрежно водить ею по раме.

Не ответив, та прошла мимо девушки, остановилась напротив мужа и пристально посмотрела на него.

– Аллочка, а ты что сегодня так рано? – удивился Бобров, пытаюсь обнять ее и увести из комнаты. Алла Дмитриевна стояла неподвижно. – Да что ты молчишь? Случилось что-нибудь?

– Случилось? – Тонкий накрашенный рот искривился, и лицо Аллы Дмитриевны приобрело настолько неприятное выражение, что Игорю Сергеевичу, как обычно в подобных случаях, стало очень и очень не по себе. – Ничего не случилось. Сделай мне массаж, я устала, – повелительно бросила она и направилась к выходу.

Бобров нашкодившей собачонкой потрусил за ней, даже не посмотрев на Илону.

Оставшись одна, девушка походила по комнате, рассеянно протирая то шкаф, то полки, полила цветы и остановилась около окна.

– Скучаем? – раздался сзади вкрадчивый голос.

Илона рассмеялась.

– Что нас так насмешило, дорогая моя кудесница тряпки и веника? – Мальчик Жора неслышно подошел сзади и обнял ее.

– Да вы, кобели, – огрызнулась Илона, освобождаясь. – Проходу не даете.

– Кто ж виноват, дорогая моя, что ты у нас такая сексуальная! Просто пройти мимо тебя невозможно.

– А ты и не ходи, сиди в хозяйкиной комнате и делом занимайся.

– А я уже позанимался одним делом, теперь хочу позаниматься другим...

– Жора, иди к черту, я сказала! Не хочу я сейчас!

– Да что на тебя нашло? – разозленный Жора отошел от девушки и плюхнулся на диван. – Пыли, что ли, много скопилось? Или тебя престарелый козлик достал?

Илона огляделась вокруг и покрутила пальцем у виска.

– Ты че, с ума сошел, что ли? – негромко сказала она. – А если тебя услышит кто и хозяйке скажет? Придется ведь другое место искать.

– Вот уж, лапушка моя, не твоя забота. Еще вопрос, кому мадам больше поверит: мне или злобным клеветникам.

Илона нахмурилась, потом на лице ее отразилась какая-то мысль. Она усмехнулась.

– Что, орел, оприходовал хозяйку, что ли? – тихо спросила она, подходя к Жоре, вольготно раскинувшемуся на диване, вплотную. Тот заерзал и отодвинулся. – Ну, говори уж.

– Чего тебе говорить? Я тебе уже все сказал и повторять не буду, – так же тихо отозвался тот. – И вообще, если ты не настроена сегодня, то занимайся своей уборкой.

Он встал и пошел к дверям, но на полпути обернулся и заметил, как бы между прочим:

– Да, кстати, будь так любезна, протри в кабинете пол. Я там сок разлил.

Илона дернулась, словно от пощечины, хотела что-то ответить, но Мальчик Жора уже вышел из гостиной. В воздухе остался запах туалетной воды «Фаренгейт», и Илона вспомнила флакон из-под нее – с темно-красной, почти багровой полосой.

В первое воскресенье марта Наташа решила куда-нибудь выбраться с мужем и Тимофеем, но Эдик воспротивился – семейный ужин никто не отменял. То была одна из традиций семьи Гольц – собираться всем вместе за общим столом, в столовой и чинно трапезничать за неспешной беседой, оценивая плоды искусства Ольги Степановны. Наташа уже пару раз участвовала в таких посиделках. Как ни странно, но родственники, не проявлявшие вообще-то особой любви друг к другу, за столом действительно вели светскую беседу, и даже Алла Дмитриевна была любезна и приветлива. И все равно ужин в семейном кругу Наташу не прельщал.

– Милая, в нашем доме это традиция, – обычно мягкий Эдик был непреклонен. – Мы и так слишком часто последнее время пропускали воскресный семейный ужин, а сходить куда-нибудь с Тимом мы можем и на неделе.

«Это не традиция, – подумала Наташа, – а прямо-таки ритуал, как бы подтверждение: вот, мы все вместе, мы красиво общаемся в красивом доме, и у нас все красиво».

– Когда я был маленький, – неожиданно печально сказал Эдик, – и когда была еще Элина, то за ужином мы все сидели и болтали. А мама рассказывала столько вещей интересных! Я просто дождаться не мог, когда же наконец будет воскресенье. И потом, когда мы уже выросли, все равно собирались. Пока Элина не уехала. Тогда мама некоторое время не могла

смотреть на пустой стул, и я, конечно, прекрасно ее понимал. Но потом мы с ней решили возобновить совместные ужины. Ты понимаешь почему?

Наташа кивнула. Она понимала. И еще она понимала, что и в следующее воскресенье никуда не потащит Эдика, а останется на семейном ужине. Для ее мужа он имеет большое значение, а значит, будет иметь и для нее. И для Тима. В конце концов, ему предстоит расти в этом доме.

Ужин удался на славу. Евгения Генриховна была в хорошем настроении и почти обаятельна, Игорь Сергеевич шутил, Эдик поддерживал разговор с Аллой Дмитриевной. Наташа посадила Тима за маленький столик рядом с собой, и он с удовольствием ковырялся вилкой в запеканке, предвкушая пирожное на третье. Он вообще очень быстро привык к вкусностям Ольги Степановны и, едва проснувшись, бежал не к маме с дядей Эдиком, а на кухню.

– Но, Эдуард, согласишься, что галерея Кромана вычурна, – говорила, поправляя рыжие волосы, Алла Дмитриевна. – И потом, нельзя так смешивать стили... Я там работала со светом и могу сказать: они рассчитывают на массовую публику, но ошибаются.

– Игорь, передай мне паштет, будь любезен. Наша Ольга Степановна сегодня превзошла саму себя.

– Пожалуй, что так. А знаешь, Женя, как вспомню тот ее отпуск, так меня всего передергивает.

– Почему?

– А ты разве не помнишь, какую дамочку прислало агентство? И как она тридцать дней морила нас тушеной морковью?

– Ну, Игорь, зря ты так, – зазвучал тягучий голос Аллы Дмитриевны. – Морковь ей как раз удавалась на славу.

– Не знаю, не знаю. Я предпочитаю что-нибудь эдакое мясное, да с кровью.

– А вот я морковь тоже не запомнила. Но помню, мне сама женщина не понравилась.

– Мам, я хочу еще соку!

– Не соку, а сока, говори правильно, – поправила Наташа.

– Ну сока...

– Доешь запеканку, будет сок.

– И пирожное.

– Нет, вот пирожного точно не будет. И не убирай салфеточку, ты ей потом губки вытрешь.

– Наташ, давай я ему сок принесу из кухни. Какой? Яблочный?

Евгения Генриховна слушала разговор невестки с сыном с неприязнью. Что за сюсюканье? «Салфеточку», «губки»... Нужно сказать Эдику, чтобы не распускал ребенка, потому что тот избалован. Да еще вид у ребенка совершенно ангельский – волосики белые, губки пухлые, щечки розовые, просто картинка, а не мальчик. Нет, нужно что-то придумать, чтобы справиться с раздражением...

Вернулся Эдик со стаканчиком темно-золотистого сока.

– Наташ, держи.

– Эдик, забыла сказать, – повернулась к нему Евгения Генриховна. – Нашла новое место, совсем недавно.

– Ты имеешь в виду, под салон?

– Да. И расположено хорошо, в Ивановском переулке. У нас там недалеко третий салон. Ты представляешь, где это?

– Да, я тот район хорошо помню. А что за помещение?

– Пока не знаю, завтра поеду посмотреть, но, судя по описанию, вполне подходящее. Мне только сегодня Виктор позвонил и сообщил. И к тому же был подходящий Знак.

– Женя, а как же те бизнесмены, о которых ты мне рассказывала? – осторожно спросил Игорь Сергеевич. – Ты все-таки планируешь расширяться?

– Разумеется, – пожала плечами Евгения Генриховна. – А что изменилось?

– Ну, все-таки уже два салона...

– Игорь, решение этой проблемы – только вопрос времени. Извини, но я не хотела бы обсуждать за ужином дела. Наташа, скажите, вы уже встречались со Сваровскими?

– Нет пока, Евгения Генриховна, – быстро ответила Наташа. – Они нас пригласили во вторник. Только пока еще не решили, куда – или в кафе, или к ним домой.

– Для вас, конечно, предпочтительнее было бы второе. Согласись, Эдик?

– Что? А, про Сваровских... Да, у них в доме интересно, конечно.

– Почему? – спросила Наташа.

– Потому что их дедушка, Михаил Ефремович, был путешественником, и вся квартира просто уставлена интереснейшими вещами, которые он привозил из поездок, – объяснила Евгения Генриховна. – В свое время, когда я у них бывала – конечно, не у младших, а у старших Сваровских, – Михаил Ефремович показывал мне засушенную голову пигмея. Он, по-моему, очень ей гордился. Отталкивающая вещь,

должна признаться.

– Но сейчас-то, когда в квартире ребенок... – начал было Эдик, но тут дверь в гостиную распахнулась с громким стуком, и на пороге появился старик Сергей Кириллович в наспех накинутой на плечи дубленке.

– Сергей Кириллович, добрый... – Евгения Генриховна не успела договорить – ее прервал дрожащий от ярости голос старика.

– Что, издеваться надо мной вздумали?! Вы за кого меня тут держите, а?! За игрушку? Я вам всем покажу игрушку! Не жилье, а публичный дом получается!

– Сергей Кириллович, что происходит? – холодно поинтересовалась Евгения Генриховна. – Вас кто-то обидел? Будьте любезны...

– Нет, не буду любезен! Слишком долго был, а теперь не буду! Думаете, раз купили меня, – он сделал шаг к столу, и Алла Дмитриевна невольно отодвинулась на стуле подальше, – так можете вытворять, что хотите? И непотребство всякое? Нет, не можете!

Он подошел к столу вплотную и стукнул по нему кулаком.

– Я вам всем покажу голый зад! А тебе, – он повернулся к Игорю Сергеевичу, – а тебе, сукин ты сын, падаль гнусная, Иуда, – в первую очередь!

– Сергей Кириллович, да что случилось? – Эдик попытался подняться, но старик рывкнул:

– А ты сиди, я не с тобой разговариваю! Все, все вам выскажу, мерзавцам, не уйду отсюда! Хотели меня в психушку запихать? Не выйдет! – И он потряс жилистым кулаком прямо перед носом Аллы Дмитриевны.

– А ну убери от нее руки! – с неожиданной злобой воскликнул Игорь Сергеевич.

– Что?! Ты со мной еще разговаривать смеешь, тля ты эдакая! – завопил старик. – Да я твоей стерве...

Договорить он не успел. Бобров быстро вскочил со своего места, обогнул стол, схватил орущего и брызгающего слюной во все стороны старика за шкурку и потащил к выходу. Наташа с изумлением наблюдала, как он буквально продернул его, упирающегося, через дверной проем и исчез в холле. Брань на секунду затихла, потом хлопнула входная дверь, и ругань возобновилась в отдалении. Через пару минут Игорь Сергеевич вернулся в гостиную. Весь красный, но спокойный.

– Вот это да! – проговорил наконец Эдик. – Дядя Игорь, как вы его! Но что с ним такое приключилось сегодня?

– Мам, а почему дядя кричал? – тихо спросил притаившийся около

Наташи Тимофей, крепко держа ее за руку.

– Потому что он заболел, – растерянно ответила Наташа.

– А он больше не придет?

– Нет, милый, не придет. Кушай пирожное.

Эдик и все остальные члены семьи обсуждали произошедшее.

– Ты, Женя, как хочешь, но я с ним церемониться больше не буду, – сказал все еще красный Бобров, и Наташу поразила ненависть, прозвучавшая в его голосе.

– Я сама удивляюсь, он такого никогда себе не позволял, – пожалала плечами Евгения Генриховна. – Его что-то серьезно вывело из себя. Только что? Мы все сидим здесь, к нему никто не выходил... Странно.

В этот момент Наташа отвернулась от Тимофея, чтобы взять салфетку, и взгляд ее упал на Аллу Дмитриевну, до сих пор не сказавшую ни слова. На лице ее было странное выражение. Удовлетворение, подумала Наташа. Она испытывает удовлетворение. Заметив Наташин взгляд, Алла Дмитриевна отвернулась и через секунду заметила:

– По-моему, он становится просто опасным. Ребенок не очень испугался?

– Кажется, нет, – сдержанно ответила Наташа. – А вы, мне кажется, вовсе не испугались.

– Я? С чего я должна его бояться?

– Не знаю. А мне стало не по себе в первые мгновения. Он такой агрессивный был... Могу вам только позавидовать. Мне показалось, что он больше вас боялся, хоть и кричал, а не вы его.

В комнате повисло молчание. Эдик немного смущенно опустил глаза, Бобров быстро переглянулся с Евгенией Генриховной, его жена безучастно разглядывала свой фужер.

– Просто я лучше вас могу контролировать свои эмоции, – улыбнулась наконец Алла Дмитриевна, оторвав взгляд от стеклянной поверхности.

Ужин продолжился, и вскоре все стали беседовать как ни в чем не бывало. Наташа хотела спросить у Эдика вечером, что означало неожиданное дружное молчание после ее вполне безобидных слов, но забыла.

Макар Илюшин уже просмотрел все документы, касающиеся исчезновения Элины Гольц и попыток ее разыскать. Как он и полагал, несмотря на приличное вознаграждение, работа была проведена формально. Конечно, сотрудники частных агентств работали добросовестно, но они действовали по шаблону, десятки раз опрашивая

одних и тех же соседей, одних и тех же однокурсников, одних и тех же знакомых Элины. Один из наиболее дотошных детективов нашел и расспросил бомжей, облюбовавших территорию около дома, где девушка снимала квартиру, но это ничего не дало. Элина словно растворилась.

Илюшин еще раз проглядел воспоминания очевидцев о том дне, когда она исчезла. Была с утра на лекциях... собиралась пойти домой... ничего особенного никто не заметил... Продавец магазина возле дома запомнил Элину – она покупала продукты, по всей видимости, себе на обед. Подруга вернулась в квартиру только вечером, поэтому, как девушка провела дальнейшее время, было неизвестно. Логично было предположить, что она все-таки пришла к себе, пообедала, а потом...

Здесь начиналась область догадок. Макар полагал, что Элина вечером вышла на улицу, поймала машину и наткнулась на убийцу. В таком случае, думал он, ее точно не найти, поэтому отложим версию как непродуктивную. Будем исходить из другого – что ее исчезновение не было случайным. Итак, что там рассказывают осведомленные одноклассники? Хм, не такие уж и осведомленные, оказывается. Где проводила время, не знают, с кем встречалась – тоже. А что подруга? Странно, и подруга утверждает то же самое. Но так не бывает! Две девушки живут в одной квартире, они должны откровенничать, обмениваться помадой и одалживать друг другу прокладки. А Катя Евдокимова заявляет, что Элина просто сообщала ей, что уходит гулять, и все. Что-то здесь не так... Надо бы хорошенько побеседовать с милой девушкой Катей Евдокимовой, которая утверждает, что практически ничего не знает о жизни и смерти своей подруги Элины Гольц.

С фотографии, которую Илюшин взял с собой в Москву, на него смотрела улыбчивая славная девочка, темноволосая и темноглазая. За прошедшие четыре года Катя не изменилась, только под глазами залегли темные круги. Что ж, подумал Макар, вполне объяснимо, учитывая, что коляска у нее – на двойняшек.

– Неужели опять все начинается сначала?

Они сидели на скамеечке, на которой Катя разложила предусмотрительно захваченный пакет.

– Что вы имеете в виду, Екатерина Максимовна?

– Можно просто Катя. Понимаете, я уже сбилась со счета, сколько раз меня спрашивали. – Она покачала коляску. – Очень жаль, но ничем не могу помочь. Я действительно не знаю, что делала Элина в тот день.

– Вы были подругами?

Девушка замялась.

– Знаете, формально – да...

– Извините, что значит «формально»? – перебил ее Макар.

– Это значит, что мы вместе жили, не ссорились, а на первом курсе даже вместе посещали всякие клубы и все такое...

– А на втором?

– А на втором Элина с головой ушла в учебу. Она и на первом курсе училась хорошо – старалась доказать своей маме, что у нее все получится. Так что всякие совместные посиделки прекратились, с мальчиками на нашем факультете она больше не встречалась. Говорила, что они еще маленькие. Да, сказать честно, она и ко мне относилась немножко так... ну, не то чтобы свысока... просто не очень откровенничала.

Немножко помолчав, Макар негромко спросил:

– Катя, а из-за чего вы с ней поссорились?

– Что? – собеседница недоуменно взглянула на Илюшина. – Мы не ссорились. С чего вы взяли?

– С того, что на первом курсе вы с Элиной везде ходили вместе и были в курсе, с кем она встречается. А на втором картина неожиданно изменилась. Причем, как я понял, начиная примерно с октября. Что случилось в то время? Вы же понимаете, как это важно, – добавил он.

Катя встала, склонилась над коляской, поправила одеяльце.

– Представляете, – сказала она, покачав головой, – я ведь до самых родов не знала, что у меня двойня будет. С меня бабушка взяла обещание, что я УЗИ не буду делать, вот я и не делала.

– А живот? – неожиданно спросил Илюшин.

– Что живот? – удивилась она.

– Разве живот не должен быть больше, если в нем два плода?

Катя усмехнулась.

– Откуда, интересно, вы такие слова знаете? Или у вас уже ребенок есть? Вы же еще совсем молодой.

– Молодой... – кивнул Макар. – Можно, я пококетничаю немного? Вот как вы полагаете, сколько мне лет?

Девушка наклонила голову, оценивая светловолосого парня. «Симпатичный-то какой, – мелькнуло у нее в голове. – И улыбчивый».

– Ну... двадцать два, – предположила она, прибавив год для солидности.

Макар усмехнулся.

– Уважаемая Екатерина Максимовна, мне тридцать один год. – Заметив, как недоверчиво она вглядывается в него, добавил: – Могу

паспорт показать. Как вы думаете, может мужик дожить до тридцати одного года и абсолютно не научиться разбираться, когда девушка говорит правду, а когда лукавит?

– Не надо паспорт, – помолчав, сказала Катя. – Я вам верю. Живот у меня был небольшой, а с Элиной мы поссорились вот почему. Я на все лето после первого курса уезжала из Москвы, а когда приехала, Элина здорово изменилась. Она начала меня наставлять на путь истинный, как она это понимала. Делала замечания. Я помню самый первый раз: когда я в сентябре Элину в клуб позвала, она ответила мне как-то не зло, но обидно. В том смысле, что в клубе тусуются только те, кому больше занять мозги нечем. Я решила, она не всерьез говорит, но потом все повторилось, только применительно к чему-то другому. По-моему, собиралась вечеринка, а Элина мне сказала, что не хочет уподобляться тем, которые сначала налагаются водкой, а потом спариваются, как лошади. Я тогда удивилась ужасно, потому что она так никогда не выражалась. Понимаете? Как бы вам сказать... фраза была как бы не ее, не из ее лексикона. Она ведь воспитанная, даже матом почти не ругалась.

Макар усмехнулся про себя, отметив словечко «почти», и спросил:

– Вы после этого и поссорились?

– Да ссоры-то как таковой не было, просто я перестала с ней ходить. А потом она неожиданно стала такие странные вещи говорить, по самому безобидному поводу...

– Например?

– Ну вот, например, я купила новый комплект белья, стала ей хвастаться. А Элина начала доказывать, что такое белье нужно только для того, чтобы грудь казалась больше и выше, чтобы подходить под общий шаблон, который господствует в нашем обществе, и что-то там еще. В общем, пурга полная. Тут я не выдержала и накричала на нее. Она сама без конца себе новые шмотки на первых порах покупала, а тут – шаблон!

– А Элина?

– Она, кажется, ничего мне не ответила. А отношения у нас стали прохладными.

– Но почему же вы не съехали с квартиры?

– По очень банальной причине, – пожалала плечами Катя. – Из-за цены. Мы квартиру сняли очень дешево по московским ценам, нам просто повезло. А у меня, знаете ли, родители не такие были состоятельные, как у Элины, для меня пятьдесят долларов совсем не лишние. И я подумала: если Элину что-то во мне раздражает, пусть тогда она переезжает. Ну вот так и остались почти до следующего лета.

– Ну что ж, – помолчав, заметил Макар, – спасибо вам большое, Катя.
– Да за что спасибо? Я же вам ничем не помогла.
– Помогли, Катя, очень даже помогли. Всего доброго. Здоровья вашим ребятишкам.

Он кивнул, поднялся и не торопясь пошел по скверу. Девушка смотрела ему вслед, покачивая коляску. «Тридцать один год! Елки-палки! А выглядит младше Сережки...»

Один из близнецов захныкал, а за ним сразу проснулся и другой.

– Тихо-тихо-тихо... – успокаивающе заворковала Катя. – Мы уже кушать хотим? Сейчас поедem домой, покушаем молочка, поиграем в ладушки... Тихо-тихо-тихо...

Через пять минут в сквере уже было пусто, только лежал на скамейке забытый пакет с улыбающимся Санта-Клаусом, желавшим много-много счастья в Новом году.

Глава 5

Макар Илюшин начал с того, что обошел вокруг двенадцатиэтажного дома, в котором снимали четыре года назад квартиру Элина Гольц и Катя Евдокимова. Здание обычное, в просторечии именуемое свечкой за соотношение ширины и высоты. Райончик чистый, позади дома площадка, от нее вдоль аккуратных блестящих коробочек гаражей идет тропинка. С другой стороны гаражей – дорога.

Осмотрев местность, Макар решил прогуляться от дома до станции метро. Во всяком случае со стороны это выглядело именно как прогулка студента, который приехал с занятий и теперь неторопливо бредет куда-то, разглядывая старые дома и уютные дворики с детскими площадками. В одном месте его заинтересовал маленький магазинчик, торгующий пряжей, и он даже заглянул внутрь и ознакомился с ассортиментом, а заодно и с матроной, быстро постукивающей спицами за прилавком. В другом присмотрелся к выкрашенной желтым цветом двери на первом этаже жилого дома, табличка возле которой сообщала, что здесь находится колледж международного права. Макар даже попрыгал, стараясь заглянуть в окна первого этажа, но они были закрыты жалюзи. Да и сама дверь не поддавалась, несмотря на все приложенные усилия.

– Сынок, они ж уехали все, – мягко сообщила ему бабушка, сидящая около соседнего подъезда.

– Как уехали? – растерянно обернулся к ней Макар. – А я учиться собрался.

– Ну так поздновато ты решил начинать – закрылись пять месяцев назад. Говорят, то ли магазин теперь будет тут, то ли парикмахерская. Видно, не окупилась.

Заинтересованный такими познаниями, Макар подошел к старушке поближе.

– А что, разве здесь площадь дорогая?

– Вот чего не знаю, того и сказать тебе не могу. Но быстро как-то все закрываются: раз – и нету. То банк тут был, потом фирма туристическая, потом вот колледж.

– А у вас тут еще магазинчик с пряжей есть хороший, – непоследовательно сообщил Макар.

– Ой, хороший, хороший, – оживилась бабушка. – Я вот и внучке столько всего навязала, и дочери, и уж смеха ради Патрику комбинезон

сделала. Патрик, Патрик! – громко крикнула она. – А, вот ты где, прохиндей.

Макар посмотрел вниз. Прямо около его ног, обнюхивая ботинки, крутился маленький черный пудель в ярко-желтом комбинезоне. «Да ты, дружок, у нас просто ходячая реклама», – усмехнулся про себя Макар, поглаживая песика по загривку. Тот поднял остренькую мордочку и быстро облизал руку мокрым языком.

– Его большие собаки не обижают?

– Бывает, собираются, да я их отгоняю. – Бабушка показала на посох, стоящий рядом с ней.

Макар с некоторым удивлением оглядел его, пытаюсь понять, зачем такой милой старушке столь мощное орудие – посох был высокий и, по всей видимости, тяжелый.

– Какая у вас палка необычная, – совершенно искренне сказал он. – А это что за дерево?

– Честно сказать, дерево-то я и не помню. Племянник говорил, да я забыла. Все ж память у меня уж не такая хорошая, как в молодости. А посох он мне привез, когда с паломниками своими ходил.

– С паломниками? По святым местам?

– Да, да, по святым местам, – подтвердила старушка. – Он у меня такой набожный, к нему люди сразу тянутся, чувствуют. Вот он раз в год и водит их, то в одно место, то в другое. И люди-то, я смотрю, все больше молодые, или среднего возраста, а чтоб постарше, вроде меня, так и вовсе нет. Вот и хорошо, думаю, значит, в Бога больше люди верить начали, и не так, чтобы в церковь сбегал раз в месяц – и домой, а серьезно. Ты подумай – километров двести, а то и все триста, а то и поболее по России ходить – для того ведь веру надо крепкую иметь. Ты как полагаешь?

Макар хотел ответить, что да, конечно, крепкую, но тут заметил, что бабка смотрит на него испытующе. Помолчал немного, потом негромко произнес:

– Не знаю насчет веры. Я сам агностик, за себя-то решить не могу, а про других говорить – и подавно не стану. Может, люди паломничество рассматривают как поход, только в таком вот... религиозном обрамлении.

Старуха покивала, видимо, удовлетворенная ответом. «Хм, а бабуля-то у нас не простая, – прикинул Макар, – и далеко не глупая». Он выждал, потом спросил:

– А как ваш племянник паломников набирает? В церкви?

– Нет, не в церкви. Да сейчас уже и не набирает, уехал он куда-то. В Ленинград, что ли. А вот раньше каждое лето ходил. Я толком и не знаю,

кажется, люди сами к нему приходили. Он неподалеку от меня жил, но сейчас квартиру продавать собрался и в другой район переезжать, от центра подальше. Данила ведь у меня не такой, как все, – особенный. – В ее голосе отчетливо звучала гордость.

Макару понадобилось еще десять минут, чтобы очень аккуратно выяснить, в каком именно доме жил Данила, и еще пять, чтобы закончить разговор. Наконец он попрощался со старушкой, пообещав поступить в какой-нибудь другой колледж в ближайшее время, и отправился в сторону метро. Выйдя из поля зрения женщины, он свернул и быстро пошел к тому дому, где раньше обитал ее странный племянник, водящий паломников по России.

Стоя перед обычной серой пятиэтажкой, Макар внимательно оглядывал окна и балконы. В глаза ничего не бросалось, но он знал, что вытянул нужную карту. «Молодец, удачлив, – одобрительно заметил Илюшин сам себе, но в следующую секунду усмехнулся. – Удачлив, как же! Я заметил странную палку бабки, а потом, сам того не понимая, неосознанно сделал все, чтобы она со мной заговорила. Пройди по моему маршруту двадцать человек из тех, кто копал раньше, ни хрена бы у них не получилось».

Удовлетворенно констатировав данный факт, Макар записал улицу и номер дома и собрался ехать к себе. На сегодня все, что можно было узнать, он уже узнал. Его, правда, немного настораживало то, что он добился желаемого с такой легкостью. По опыту он хорошо знал, что за этим должна последовать полоса неудач. С другой стороны, хорошо уже то, что он знает причину внезапного изменения характера Элины Гольц. Макар готов был поставить всю имеющуюся у него наличность вкуче с кредитной картой на то, что возмущение красивым нижним бельем подруги – следствие хорошей прочистки мозгов. А кто может лучше прочистить молодой девушке мозги в таком направлении, если не мужчина, сильно подвинутый на религии? «Паломников он водил... Интересно, почему перестал. И что за места такие, если его тетушка ни одного назвать не смогла? При том, что сама явно верующая...»

Макар обошел дом по кругу и вышел на припорошенную снежком тропинку. Взгляд его пробежал по тропинке и уперся в «свечку», на десятом этаже которой раньше жила Элина Гольц.

Сегодняшний день прошел просто замечательно – Эдик не пошел на работу, и они с Наташей несколько часов гуляли по Питеру, заходя во все подворачивающиеся магазинчики и симпатичные кафе. С прогулки

вернулись только вечером, и Наташа, быстренько попив чаю и оставив Эдика дома, побежала за Тимошей. Детский садик, в который мальчика приняли без всяких вопросов и даже без предъявления обязательной медицинской карты, был всего в пятнадцати минутах ходьбы от особняка, и Наташе хотелось прогуляться одной по тихой улочке, вдоль которой стояли небольшие коттеджи.

В шесть часов было сумрачно, но фонари светили исправно, а тротуары были расчищены, и легко можно было бы представить, что находишься в каком-нибудь аккуратном европейском городке, если бы не ветер, пронизывающий насквозь. Он задувал со всех сторон – сырой, недружелюбный, мартовский ветер Питера, и от него не спасал даже спортивный пуховичок, подаренный Эдиком. «Надо было на машине Тимку забрать, – пожалела Наташа, – зря я отказалась».

В садике было тепло и уютно. Пока Наташа одевала сына, к ней подошла воспитательница и подробно рассказала, как прошел день у Тимоши, какой он хороший мальчик и как замечательно общается с другими детьми. Это была еще одна вещь, к которой Наташа не могла привыкнуть, – садик был не просто платный, а очень платный, и отношение к родителям и их детям здесь было соответствующее. Но Наташе постоянно казалось, что за всеми улыбками и вежливыми словами скрывается что-то нехорошее, какая-нибудь страшилка в духе голливудских ужасиков, где за чудесным фасадом уютного городка прячутся извращения Стивена Кинга. Она успокаивала себя, мол, у нее разыгралась фантазия, ведь Тимофей ходит в садик с удовольствием и его там, по всему видно, никто не обижает, но торопилась забрать его. А сегодня, несмотря на день, проведенный с Эдиком, Наташа еще почему-то нервничала и чувствовала себя не в своей тарелке.

Наконец они вышли на улицу и двинулись в сторону особняка. Ветер дул им в лицо, и они закрывались от него, поворачивались спиной, из-за чего шли слишком медленно. Сама не понимая почему, Наташа волновалась больше и больше и торопилась, таща за собой упирающегося сына.

– Мы сегодня сказку читали про Винни-Пуха, а я ее уже знал, – громко рассказывал Тим, стараясь перекричать ветер. – А Аня не знала, и Кирилл не знал, и Витя тоже! А еще мы из пластилина слепили Кенгу и ей в кармашек поклади разные вещи!

– Не поклади, а положили.

– Положили. А потом закрыли глаза, стали доставать их из мешочка и отгадывать.

– Из пластилина стали доставать? – рассеянно спросила Наташа.

– Нет, не из пластилина. Нам Ирина Петровна сделала настоящий мешочек, из тряпочки, и сказала, будто бы это карман...

Тимка весело болтал, но Наташа перестала вслушиваться. Они почти дошли до дома. Внезапно повалил мокрый снег, и у нее появилось странное ощущение – словно сквозь снежную пелену на них кто-то смотрит. Она остановилась у дороги, крепко сжав руку Тимофея, и быстро оглянулась. Никого. Позади была совершенно пустая улица, освещенная желтыми фонарями. Неожиданно они показались Наташе зловещими. Какой там европейский городок? Это Санкт-Петербург, город с непроносимым для детей названием! То ли дело ее родная Рязань... Изань, как говорил совсем маленький Тимоша.

– А потом Витя сказал, что нужно делать по-другому...

Ощущение взгляда стало таким отчетливым, что Наташа поежилась. «Господи, побыстрее бы дойти до дома! Почему я Эдика не подождала?»

– И Ирина Петровна ему сказала...

– Тима, пойдем быстрее! – Наташа потянула мальчика за руку. Дорога была совершенно пустой, им оставалось пройти до ворот каких-то пятьдесят шагов. – Тима, быстрее, быстрее!

– Мам, ты чего? Мам, мне больно! – захныкал малыш. – Чего ты меня тащишь, нет же машин!

Он потянул руку на себя, стоя посреди дороги. Мордашка его, облепленная мокрым снегом, выражала возмущение и недовольство, но Наташа, охваченная тревогой, дернула его за локоть и прикрикнула:

– Не останавливайся на дороге, иди скорее! Господи, Тим, да быстрее же!

Мальчик удивленно взглянул на нее, замолчал и быстро пошел, неуклюже переваливаясь в своем толстом комбинезоне. Им оставалось сделать несколько шагов до тротуара, когда из-за поворота вылетел черный джип.

Расширенными от страха глазами Наташа смотрела, как машина стремительно приближается к ним, но в следующую секунду опомнилась, схватила Тима на руки и кинулась бежать. Она добежала до тротуара, но споткнулась о высокий бордюр и упала, подвернув ногу. До дома было совсем близко, и Наташа, собравшись с силами, оттолкнула Тима от себя и отчаянно закричала:

– Беги к воротам! Беги к воротам!

Малыш растерянно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на черную машину за маминой спиной, личико его искривилось, и он заплакал. Потом

подбежал к Наташе и зарылся лицом в ее куртку. За спиной взвизгнули тормоза, раздалось какое-то шипение, и громкий голос с акцентом спросил:

– Слюшай, тебе помочь, а? Что случилось, ногу сломала?

Наташа обернулась. Из открытого окна на нее недоуменно смотрел небритый мужик, а с пассажирского сиденья таращилась совсем молоденькая девчонка, лет восемнадцати.

– Нет, спасибо, – сказала Наташа, чувствуя жгучий стыд пополам с облегчением. – Я просто ударилась, вот и все.

– Ну, сама дойдешь? – поинтересовался водитель.

Наташа торопливо закивала и махнула рукой в сторону особняка.

– Мы уже почти пришли, спасибо большое.

– Ладно.

Окно с шипением поднялось, джип сорвался с места и исчез за следующим поворотом.

Наташа сидела на снегу, потирая ушибленную ногу, а рядом ревел Тимофей.

– Ну, что ты реवेशь? – грустно спросила она. – Не реви, ты уже большой мальчик. Стыдно реветь.

– Да-а, а я знаешь как испуга-ался!

– Знаю. Я тоже испугалась. Ну все, хватит сопли размазывать. Пойдем скорее домой, там дяде Эдику расскажем, какие мы глупые с тобой. Ну все, все, поднимайся.

Она вытерла сыну зареванную мордочку и подумала, что ей нужно попить успокоительное. «Господи, чего я так испугалась? Подумаешь, машина из-за угла выехала! Даже Эдику рассказывать не буду, стыдно».

Человек, смотревший на женщину и ребенка из окна дома, сжал губы. Он испытал слабое удовлетворение, увидев, в какую ситуацию они попали. С другой стороны, женщина чего-то испугалась, и интуиция подсказывала человеку, что она испугалась не просто так. Может быть, что-то почувствовала... говорят, у матерей обостренная интуиция. Человек поморщился. Это усложняет дело. Но всегда можно найти подходящий вариант, особенно в создавшейся ситуации. А теперь просто необходимо.

Сидя в старенькой, ободранной хрущевке, пропахшей дешевым куревом и тем особым сиротливым запахом, по которому безошибочно определяется жилище старого холостяка, Макар ругал себя за небрежность. Серега Бабкин, давно работавший с Макаром, сделал все по первому разряду, причем быстро: не только нашел человека, ходившего с Данилой

Солонцевым по святым местам, но и вычислил, когда тот бывает дома, и принес Макару адрес на блюдечке с голубой каемочкой. И вот Макар сделал ошибку: приперся к мужику в новом свежем свитере и голубых джинсах. «Ладно еще догадался не побрызгаться туалетной водой», – злобно обругал сейчас сам себя Макар. Но и так было понятно, что с первого слова контакта не будет: мужик с простым именем Иван Иванович Кордыбайлов косился на Илюшина, чувствовал себя не в своей тарелке и явно недоумевал, что нужно от него этому молодому парнишке из богатеньких. Легенду о написании дипломной работы по теме, связанной с паломничеством, мужик пропустил мимо ушей как непонятную. Да для него и не имело значения, зачем нужна информация. И отвечал неожиданному визитеру скупно и неохотно.

– Да что тут рассказывать-то... Ну, ходили, было дело.

– Только один раз?

– А зачем больше-то?

– И что было в походе?

– Да ничего особого и не было. Дошли до святыни, поклонились и обратно пошли.

«Содержательно, – подумал Илюшин. – Дошли, поклонились, пошли обратно».

Он глянул на Кордыбайлова повнимательнее – тот сидел и безучастно смотрел на стол, усыпанный хлебными крошками. Не старый еще мужик, но выглядит на все шестьдесят – морщинистый, лицо унылое, щеки обвисшие.

– Голубей бы тебе держать, – неожиданно сказал Макар, переходя на «ты».

– Чего? – не понял паломник.

– Голубей, говорю. Что у тебя, тряпки нет дома? Или тебя ломает лишний раз со стола стереть?

– Ты о чем?

– Да о том! Сидим, как свиньи, все в крошках. Смотреть противно.

– А ты не смотри, – покорно заметил мужик, и Илюшин понял, что из дома его не выгонят. – Слушай, тебе чего вообще надо от меня, а?

«Ну слава богу, проснулся», – поздравил себя Макар. А вслух сказал:

– Можешь ты мне нормально, по-человечески рассказать, что у вас с паломничеством было? И не пудри мне мозги, ради бога!

– А ты не заливай про студента, – огрызнулся Иван Иванович.

Он встал, открыл сопротивляющуюся дверцу холодильника и достал бутылку. Макар содрогнулся, но выбора у него не было.

– Закусить есть? – спросил он, стараясь, чтобы голос не звучал обреченно.

– А то! – обиделся Кордыбайлов. – У нас все есть.

Крошки полетели на пол, а на изрубцованной порезами ножа скатерти появились два стакана и запотевшая бутылка. Из пакета, висевшего на спинке стула, Кордыбайлов достал половинку ржаного и разломил ее пополам.

– Держи закусь.

После второго стакана дело пошло на лад. Иван Иванович в подробности не пускался, но и того, что он рассказывал, Макару пока было достаточно.

– Ходил я с Данилой один раз только, – говорил Кордыбайлов, вертя в мозолистых руках пустой стакан. – И то не больно далеко – в Дивеевский монастырь. Учение, оно ведь что говорит: в каждой святыне православной есть другая, от большинства людей скрытая. Или не главная. Ну, вот как в том самом монастыре. Нас Данила учил, что попы вроде как украли священные вещи, но сами ими особо пользоваться не могут и только рядом с ними что-нибудь свое пристраивают, вроде чтоб и им силы хватило.

– Не понял: как украли?

– Ну, не украли, а просто своими объявили.

– А чьи они на самом деле?

– На самом деле общие, и от них любой человек может к Богу стать ближе. А если вера у него правильная, то и вообще чуть ли не святым. В общем, в Дивеевском монастыре это береза старая, на которой лик Богоматери явлен.

– Вырезан, что ли?

– Да ну тебя! При чем тут вырезан? Явлен, говорят тебе. И не перебивай меня! Давай-ка по третьей...

Дали по третьей.

– Короче, не суть. Ходили мы туда, поклонились святому месту, Данила молитву прочитал – и обратно побрели. Ну, имена всем дали.

– Что за имена?

– Да твое же имя тебе возвращается. Смысл в чем: имя человеку просто так не дается, а нужно его заслужить. Вот для того и идешь по святым местам, а в пути...

Кордыбайлов неожиданно замолчал и помрачнел.

– Что – в пути? – осторожно спросил Макар. – Иван Иваныч, ты «а» сказал, теперь «бэ» говори.

– Да ладно, не агитируй. Короче, в пути разные испытания проходишь.

Типа того, что к святому месту каждый человек прийти может, а только не каждый того достоин. Ну Учитель и проверяет.

– Учитель – это Данила?

– Он. Вообще-то его паломники по многу раз ходят, они так к Богу ближе делаются, но всякий раз новичков с собой берут – одного-двух, а со мной вот и трое ходило. Ну, в смысле, кроме меня, еще двое.

– И ты испытания проходил?

– Проходил, – неохотно согласился Кордыбайлов. – Сначала пугают тебя, вроде как душат или еще чего в таком роде. Потом на выносливость проверяют. Потом... В общем, разное делают. Если выдержал – значит, свой, тебя в другие походы берут. А не выдержал... Оставляют, короче.

– Где оставляют? – не понял Макар. – Дома, что ли? Как тебя?

Кордыбайлов поднял на него неожиданно трезвые глаза и шепотом проговорил:

– Щас! Дома! Там же и оставляют. Понял? Там же! Слышал ты меня, сыщик гребаный? Запиши себе куда-нибудь! Там же они их и оставляют!

Голос хозяина сорвался на хриплый крик. Он отбросил стул, выскочил из кухни, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

– Иван Иваныч! – позвал Макар, подбежав секундой позже. – Открой! Хватит дурить, я тебе плохого ничего не сделаю!

В ответ раздалась ругань и предложение убираться из дома.

– Да открой ты, чудак-человек! Что ты как с цепи сорвался?

За дверью молчали, и по этому молчанию Макар понял, что миссия его завершена. Он потоптался еще немного у двери, чувствуя себя довольно глупо, вздохнул и вышел из квартиры. Было совершенно ясно, что больше Кордыбайлов говорить с ним не будет.

Вечером в квартире они обсуждали с Бабкиным результаты встречи.

– По большому счету, – втолковывал Макар, усевшись на стол и болтая ногами, от чего сходство со студентом еще больше увеличивалось, – ничего нового мы не узнали. Было и так очевидно, что с этим Данилой дело нечисто. А с какой подоплекой они в свои паломничества идут – дело десятое.

– Слушай, одного не пойму. – Грузный Бабкин задумчиво помешивал чай с шестью ложками сахара в кружке с надписью «Мы – монстры!». – Почему ты решил, что девчонка с ним пошла?

– Интуиция, Сереженька, интуиция! И потом, ведь в такую версию все укладывается.

– Да, может, ее маньяк за мусорными баками зарезал, а тело съел. И

паспорт заодно.

– Нет, господин Бабкин, не зарезал и не съел. Твой мифический маньяк не объясняет, почему у девочки поменялись характер и привычки, понимаешь? А вот Учитель Данила очень даже объясняет.

– Ну, допустим. И как ты собираешься свою версию проверить?

– А ты не догадываешься? Мне нужно найти тех, кто ходил с ним в поход четыре года назад, или хотя бы выяснить маршрут. Должны же были остаться какие-то свидетели, согласись!

Бабкин шумно отхлебнул горячий чай и покачал головой.

– Слушай, Макар, если ты такой умный, объясни мне фишку.

– В смысле?

– Зачем он это делает? Ведь у девчонки ничего не пропало – ни деньги, ни вещи какие-то ценные... Я понимаю, если секта квартиру на себя заставляет переписать, они в огромном большинстве только затем и существуют, но здесь-то явно дело в другом!

– В другом, – озабоченно сказал Илюшин и спрыгнул со стола. – Что мне больше всего и не нравится. У мужика того, у Кордыбайлова, и сейчас брать нечего, и пять лет назад, я уверен, тоже было нечего. То есть дело вовсе не в наживе, потому все значительно усложняется. Как я понимаю, их Учитель реально во всю свою ерунду верит и им несет слово просвещения. Его действия непредсказуемы, основываются только на его религии. Черт его знает, что случилось с Элиной, но что-то мне подсказывает, что ничего хорошего. Ладно, давай работать.

* * *

Люди уже начали выходить из палаток, а девушка все еще не успела принять решение. Машинально кивая в ответ на приветствия Безымянных, она судорожно пыталась понять, что же случилось с Верой и нужно ли ей говорить о своей находке Учителю. И если с Верой, в общем-то, все было ясно, как ни гнала она от себя столь жуткие мысли, то вот с Учителем...

Данила вышел из палатки, потянулся у входа и подошел к ней.

– Не замерзла ночью, Безымянная? – ласково спросил он. – Земля еще не просохла после дождей.

Девушка посмотрела на него и решилась.

– Учитель, мне нужно поговорить с тобой, – тихо сказала она.

– Хорошо, после трапезы...

– Сейчас. Пожалуйста! – умоляюще прибавила она, видя удивление в

его глазах. – Это очень важно для... для всех Безымянных.

Секунду Учитель смотрел на нее, потом кивнул.

– Пойдем.

Они вышли на опушку леса. Данила присел на пенек и начал водить веточкой по земле, пока девушка, запинаясь и чуть не плача, рассказывала о том, что обнаружила в лесу. Сейчас ее больше всего пугало не само воспоминание о ночном кошмаре, а ожидание – какотреагирует Учитель.

– А потом я ее закрыла и убежала. И все, – закончила она. К горлу подкатила тошнота, как три часа назад, но она сглотнула и заставила ее отступить. – Учитель, что... что там произошло? – почти шепотом проговорила девушка.

Данила поднял на нее глаза, в которых было безмерное удивление.

– Неужели ты думаешь, Безымянная, что я – Господь Бог? Я не мог даже представить, что случится подобное. Сейчас мы с тобой пойдем обратно, и я прошу тебя никому ничего не говорить.

Девушка торопливо закивала, а он продолжил:

– Когда вернутся те двое безымянных, которые провожали несчастную в больницу, я расспрошу их. Но ты пока постарайся не выдать им своих чувств. Хорошо? И умойся как следует, у тебя заплаканные глаза.

Когда они приблизились к лагерю, девушка увидела двоих мужчин, зашедших в палатку.

– Они вернулись! – вцепилась она в рукав Данилы, не понимая, что делает.

– Успокойся, – строго приказал он, – и возьми себя в руки. Иди, помоги остальным.

Он направился к палатке, негромко спросил что-то, наклонившись ко входу, и скользнул внутрь.

Через десять минут Данила подошел к девушке, собирающей вещи, тронул ее за плечо и укоризненно покачал головой, когда она вздрогнула.

– Я поговорил с провожавшими ее, и они рассказали мне, что случилось. Они бы рассказали об этом, как только пришли, но нас с тобой не было. Большая женщина начала кашлять недалеко от деревни, приступ был очень сильный, до удушья. Они прошли несколько шагов, но им пришлось остановиться, потому что Безымянная опять закашлялась. К сожалению, третий приступ закончился удушьем и смертью. Мне жаль, но сейчас она – с Именем у Господа. Вознесем молитву за нее.

Он наклонил голову, шевеля губами.

– Но почему же... – растерянно спросила девушка, – почему же они... зарыли ее там, как... как собаку? Почему не позвали на помощь, не пришли в деревню? Зачем нужно было закапывать в лесу? И ни креста нет, ни надписи, ничего!

– Ты действительно не понимаешь? – удивился Данила. – Ты идешь с нами столько времени, ты прошла первое испытание и задаешь мне такие вопросы?

Девушка молчала, с отчаянием глядя в ясные голубые глаза.

– Я объясню тебе, хотя твоя недогадливость меня тревожит. Ты знаешь, что в нашем государстве поддерживается только одна религия – православие. Или, точнее сказать, то, что именуется православием, хотя таковым и не является. Любая истинная вера искореняется, когда на нее навешивают ярлык «секта». Точно так же поступят и с нами, если кто-нибудь узнает об истинной цели нашего паломничества, о наших заповедях и правилах. Так неужели ты думаешь, Безымянная, – он повысил голос, но на них никто не оглянулся, – неужели ты думаешь, что мы можем показать местным властям тело той несчастной Безымянной и, не объясняя ничего, уйти? Неужели ты думаешь, что нас не остановят, не прервут наш Путь, хитростью или силой? Ты так думаешь?

Голос его гремел у девушки над головой так, что она съежилась. Конечно, конечно, Учитель прав, тысячу раз прав, и с ее стороны было просто преступлением не подумать об этом! А ведь она уже собиралась обвинить двух провожатых бог знает в чем!

– Прости меня, Учитель, – прошептала она сквозь слезы раскаяния. – Я действительно не подумала. Я слишком глупа.

– Богу так же не нужна твоя гордыня, как и твое унижение, – ровным голосом произнес Данила. – Ты не глупа, но запомни: кроме тебя, здесь все уже проходили Путь. И они прошли его до конца. В этот раз они получают свои имена, и ты тоже! И дела каждого из них чисты, так же как и помыслы. Ступай, молись. И я буду молиться за тебя.

Она наклонилась к руке Учителя, мысленно вознося молитву. И не заметила, каким внимательным взглядом обменялись над ее головой Учитель и один из провожатых.

Глава 6

Обычно, возвращаясь домой, Эдик звонил в дверь – ему нравилось, что Наташа встречает его. Но сегодня он открыл своим ключом, помня, что жена ушла за Тимофеем в садик.

В холле стояла Евгения Генриховна, нервно сжимая под горлом шелковый черный палантин с красными разводами, подаренный ей Аллой Дмитриевной.

– Мама? – удивился Эдик. – Ты же собиралась в офисе остаться подольше...

– Мне с тобой нужно поговорить. – Голос Евгении Генриховны звучал напряженно.

– Что-то случилось?

– Мне нужно с тобой поговорить, – повторила мать. – Пойдем ко мне.

Быстро войдя в комнату, она плотно прикрыла дверь и зачем-то выглянула в окно. Эдик бросил пиджак на спинку кресла и подошел к матери. За окном по снегу, казавшемуся в сумерках серо-синим, неприкаянно ходил Сергей Кириллович, рассматривая ветки, и время от времени грозил кому-то кулаком.

– Совсем старый он стал, – рассеянно проговорила Евгения Генриховна, – надо что-то с ним придумать. Ты знаешь, что он на днях на Илону набросился?

– На Илону? – поразился Эдик. – Нет, не знаю. За что?

– Без причины. Во всяком случае, видимой.

– Знаешь, мам, при том, как ведет себя твоя уборщица, – Эдик подчеркнул слово «твоя», – я бы ничему особенно не удивлялся. Он что, ударил ее?

– Да нет, она в дом забежала. Но, согласись, некоторая тенденция просматривается...

– Почему бы тебе не решить этот вопрос? – негромко спросил Эдик.

Евгения Генриховна промолчала, но переспрашивать он не стал, потому что ответ был известен. Сергей Кириллович, помимо всего остального, был *хорошим Знаком*. И постоянно подкидывал такие Знаки госпоже Гольц.

– О чем, собственно, я с тобой хотела поговорить... – Евгения Генриховна поморщилась и потерла лоб. – Эдик, последнее время некоторые Знаки были очень нехорошими. У меня такое ощущение, будто

что-то случится. Причем вот-вот.

Эдик глубоко вздохнул, стараясь не раздражаться. Мать заводила с ним подобный разговор в третий раз.

– Мама, я тебе уже говорил – перестань так воспринимать Наташу. Я понимаю, что она, как ты выражаешься, человек не нашего круга. Но, в конце концов, она моя жена! Сколько можно говорить об одном и том же? Хочется тебе видеть в ней плохой Знак – пожалуйста, но я не хочу это обсуждать!

Евгения Генриховна внимательно посмотрела на взволнованного сына и отстраненно подумала, что раньше он никогда не выходил из себя так быстро.

– Эдик, ты меня не понял. – Она подошла к столу и машинально поменяла местами часы и портрет Элины. – Я вовсе не о твоей жене. Во всяком случае, надеюсь, что дело не в ней.

– Тогда о чем?

Евгения Генриховна глубоко вздохнула и оглянулась в поисках подходящего Знака. Ничего. Ну что ж, придется говорить все, как есть.

– Кто-то ворует информацию о бизнесе, Эдик. Один из тех, кто живет в доме.

Выйдя из кабинета через полчаса, Эдик подошел к лестнице, собираясь спуститься вниз, и остановился. Внизу щебетал Тимоша, но Наташа, против обыкновения, не чирикала вместе с ним что-то незамысловатое, а отмалчивалась, изредка вставляя «да-да» или «конечно-конечно». С внезапно обострившейся интуицией он догадался – что-то не в порядке, но задумываться над тем, что может быть не так, ему не хотелось. Того, что сообщила мать, было вполне достаточно для обдумывания на всю ближайшую неделю.

– Да мало ли кому ты говорила о помещении на Ивановской, – убеждал он Евгению Генриховну двадцать минут назад. – Неужели ты можешь всех помнить?

– Я сказала о нем только один раз – тогда, за воскресным ужином, – возразила она, – и больше тема ни с кем не обсуждалась. Эдик, твои возражения бесполезны. Я сама уже все обдумала сто раз и вынуждена признать, что других вариантов нет.

Эдик помолчал, нервно потирая пальцы об ладонь. Из рассказа матери следовало, что к хозяину площади, которую он собирался продать госпоже Гольц, неожиданно появились незнакомые люди и вежливо «уговорили» его продать собственность не ей, а им. Собственник был давним знакомым

семейства Гольц и полагал, что оказывает большую услугу, предлагая Евгении Генриховне почти семейную сделку. То, что информация вышла за пределы семьи, привело его в такую ярость, что он отказался сообщать Евгении Генриховне подробности встречи с новыми покупателями и принимать от нее извинения. Она смогла от него добиться только одного – чтобы он назвал имя нового владельца. Степан Затрава.

– Не понимаю, почему они не используют подставных владельцев. – Эдик оставил в покое ладони и принялся тереть подлокотники кресла, в котором сидел.

– Специально, – отозвалась мать. – Специально, Эдик, чтобы у меня не оставалось никаких сомнений. Они собираются давить на меня, пока я не уступлю во всем.

– А ты не думаешь, что Варганов сам случайно кому-то проговорился? И утечка информации не имеет к нам никакого отношения.

– Не думаю. И ты не думаешь. И оставь, пожалуйста, кресло в покое.

Эдик замер в кресле, зажав ладони между колен. Мельком взглянув на него, Евгения Генриховна подумала, насколько от Элины было бы больше пользы.

– Проблема имеет две стороны, – неожиданно произнес сын, глядя в пустоту перед собой. – Первая – как решить вопрос с Затравой и его экспансией. Я не сомневаюсь, что если ты наконец решишь прибегнуть к помощи... ты сама знаешь, о ком я... В общем, проблема вполне решаема. Вторая сторона – шпион в доме. Ты абсолютно уверена, что он в доме, а не в офисе?

Евгения Генриховна кивнула.

– Тогда все гораздо хуже, – так же невыразительно продолжил Эдик. – Как ты собираешься его искать?

– Это не я буду решать, а безопасники, – пожала плечами Евгения Генриховна. – В любом случае будет прослушиваться дом, я думаю.

– Но ты сама кого-нибудь подозреваешь?

Эдик первый раз за все время разговора взглянул на мать прямо. Несколько секунд Евгения Генриховна молча смотрела на него, потом отвернулась и опять подошла к окну.

– Лично я первым делом грешил бы на твоего Мальчика Жору, – сказал сын.

– Почему на него?

– Потому что он мне не нравится. Еще мне не нравится твоя Илона, но она не была на ужине.

– Она была в доме и могла подслушать. И ты забываешь, что Мальчик

Жора тоже не был на ужине.

– Но у него есть доступ ко всем твоим документам, мама! И, по-моему, все, что ты говоришь нам, ты сообщаешь и ему. Разве не так?

Евгения Генриховна, не отвечая, сняла с плеч палантин и протянула его Эдику.

– Положи в холле, будь любезен. И не говори никому о нашем разговоре.

Эдик укоризненно взглянул на мать и покачал головой.

– Могла бы и не предупреждать.

Когда дверь за ним закрылась, Евгения Генриховна произнесла, обращаясь к оконному стеклу:

– Кто тебя знает, дорогой?

Переодев Тимофея, Наташа оставила сына в комнате, а сама пошла на кухню. Эдик их не встретил, и вообще дом производил сейчас какое-то странное впечатление. Было пусто и тихо, словно все попрятались по своим комнатам, но в любой момент могли выйти. Не сидел в гостиной, раскинувшись по-барски и оттягивая щеки в разные стороны, Игорь Сергеевич; не слышно было Мальчика Жоры, не ходил по двору старик Сергей Кириллович. О том, что в доме кто-то есть, говорили только доносящиеся из кухни запахи жаренной с какими-то приправами рыбы. Наташа еще в своей комнате набрала номер мужа, но телефон у Эдика был отключен. Заходить в комнату свекрови ей не хотелось, к тому же Евгения Генриховна собиралась сегодня вернуться поздно. Поэтому Наташа решила поздороваться с Ольгой Степановной, а заодно и выяснить у нее, где же все домочадцы.

Она спустилась по лестнице и прошла через холл, мельком оглядев себя в зеркалах и отметив, что хорошо выглядит. Нежный джемпер золотистого цвета, подаренный Эдиком, выгодно подчеркивал темные глаза и волосы, а фигурка в нем казалась миниатюрной. Джинсы, испачканные на дороге, Наташа сменила на тонкие бежевые брючки, и теперь даже Алла Дмитриевна не могла бы сказать, что она выглядит плебейски.

Только она о ней подумала, как тут же услышала голос Аллы Дмитриевны и остановилась в коридоре около окна, плотно занавешенного тяжелой зеленой гардиной. Общаться с госпожой Бобровой, несмотря на джемпер и брючки, не было желания. Но голос звучал как-то странно, и Наташа подошла поближе, прислушиваясь. Коридор заворачивал направо, и, дойдя до угла, Наташа остановилась. Она не собиралась подслушивать, но было что-то непривычное в том, как говорила Алла Дмитриевна, и

захотелось разобраться, что же именно.

– Пошла отсюда вон! – раздался почти у двери в столовую отчетливый голос Ольги Степановны – негромкий, но очень рассерженный.

Наташа оторопела.

– Что-то вы раскомандовались, Ольга Степановна, – издевательски произнесла Алла Дмитриевна откуда-то из глубины столовой. – Забыли свое место, как я посмотрю. Хотите, напомню?

– Я тебе сказала, бесстыдная твоя душа: уйди с глаз моих, чтобы я тебя не видела больше!

– Посмотрим еще, кто откуда уйдет! Понятно вам?

Неожиданно Наташа осознала, что слышит вовсе не Аллу Дмитриевну. Говорила Илона.

– Я вам, Ольга Степановна, так скажу: уходили бы вы сами. А не то... Да вы сами знаете, что будет. Не позорьтесь.

Послышались шаги, и Наташа поняла: уборщица идет к выходу. Быстро метнувшись назад, Наташа шмыгнула за темно-зеленую гардину и застыла, прижимаясь спиной к подоконнику. Шорох каблуков по ковру – и в коридоре стало тихо. Наташа подождала еще минуту, потом осторожно высунула голову. Никого.

Подумав, она опять пошла к столовой, собираясь выяснить у Ольги Степановны, что вдруг так разошлась наглая девчонка. Но ее опять остановили звуки – на сей раз другие. Не нужно было обладать прекрасным слухом, чтобы понять, что происходит, – в трех шагах от нее, не сдвинувшись с того места, с которого пять минут назад она отчитывала зарвавшуюся Илону, безутешно плакала Ольга Степановна.

Наташа постояла пару секунд, повернулась и бесшумно пошла прочь от столовой.

Быстро поднявшись наверх и убедившись, что Тимоша спокойно складывает паззлы на ковре, Наташа чмокнула его в беленькую макушку и еще раз набрала номер Эдика. Странно, телефон был по-прежнему отключен. Но, в конце концов, куда же все подевались?

– Тима, ты поиграй тут, а я схожу вниз и поищу дядю Эдика.

– А зачем ты его поищешь? Он потерялся? – Тимофей задумчиво вертел яркий кусочек картона, прилаживая его то так, то эдак.

– Да, почти потерялся. Ты вот так попробуй. – Наташа положила паззл, и получилась львиная голова.

– Не надо, я сам! – Тимоша сердито оттолкнул ее руку и надулся. – Ты неправильно делаешь!

– Ну ладно, ладно, делай сам. Самоделкин ты мой!

Еще раз проведя рукой по нежным светлым волосикам, Наташа вышла из комнаты. Она подумала, что стоит еще раз заглянуть в гостиную – может быть, Игорь Сергеевич появился. Конечно, логичней было бы просто дойти до его комнаты, но Наташа предпочла окольный путь. «Вот посмотрю в гостиную, – сказала она себе, – а если там никого нет, то зайду к Бобровым».

Уже спустившись вниз, Наташа услышала негромкие голоса из гостиной. Дверь была прикрыта, но неплотно. «Больше никакого подслушивания», – решила Наташа, вспомнив, как стояла за шторой, и потянула дверь на себя. Дверь распахнулась, и она остановилась в дверях, удивленно взирая на открывшуюся ей картину.

Игорь Сергеевич и Алла Дмитриевна стояли около ближнего окна, выходящего в сад, и внимательно изучали что-то, невидимое Наташе. Около них пристроилась подруга Аллы Дмитриевны, Елена Семеновна, в очередной раз напомнившая Наташе ядовитую медузу. Одна рука ее обнимала Боброву, другая нежно поглаживала по спине ее супруга.

– Но, вообще-то говоря, девочку не мешало бы поощрить, – произнес Игорь Сергеевич в тот самый момент, когда Наташа собиралась поздороваться.

– По-моему, мы ее уже поощрили, – заметила Алла Дмитриевна, не поворачиваясь. – Тебе не кажется, что получится перебор с поощрениями?

– Аллочка, ну почему бы и нет? – промурлыкала Елена Семеновна. – Она так хорошо справилась. Можно было бы и еще раз...

Наташа подумала, что нужно выйти из комнаты и снова зайти, но что-то ее удержало. Какое-то непонятное ей самой желание показать Бобровым и их подруге, что она слышала часть разговора, явно не предназначавшегося для чужих ушей. Наташа сделала шаг вперед и громко сказала:

– Добрый вечер. Простите, вы Эдика не видели?

Выражение лиц обернувшейся тройцы с лихвой компенсировало Наташе те неприятные ощущения, которые она испытывала, сталкиваясь с Аллой Дмитриевной. Растерянность и... испуг, да, испуг – вот что они выражали. Первой взяла себя в руки Елена Семеновна.

– Здравствуйте, Наташа, – улыбнулась она. – Как вы поживаете?

– Спасибо, хорошо. Игорь Сергеевич, так Эдик не заходил?

– Н-нет, не заходил, – промычал Игорь Сергеевич, вдруг утративший всю свою барственность. – А... а где он?

– Я не знаю, где он, – удивленно отозвалась Наташа. – Поэтому и спрашиваю. Я подумала, может быть, он с вами.

– Нет-нет, его с нами не было, – поспешно сообщил Бобров.

– Ну хорошо, спасибо.

Наташа кивнула головой и собралась выйти, но сзади раздался напряженный голос Аллы Дмитриевны:

– Наташа!

– Да?

– Вы знаете... – Алла Дмитриевна хотела что-то сказать, но внезапно передумала. – Впрочем, нет, ничего. Я хотела сказать, что Эдик может быть с Евгенией Генриховной, но потом поняла, что вряд ли. Она ведь сегодня задерживается.

– Спасибо, я знаю.

Прикрыв за собой дверь, теперь плотно, Наташа остановилась в некоторой растерянности. Происходило что-то непонятное. Сначала скандалистка Илона довела до слез Ольгу Степановну, теперь вот Бобровы с их неприятной подругой продемонстрировали преувеличенную реакцию на Наташино появление. Непонятно, чего они так испугались? Сегодня слишком много непонятного. И в доме, и вообще...

«Когда Евгения Генриховна что-то не понимает, она пользуется Знаками, – вспомнила Наташа, стоя в холле. – Собственно говоря, почему бы и не попробовать? Итак, вопрос: что же означают все эти странные разговоры?»

Она огляделась вокруг в поисках того, что можно было бы истолковать как Знак Судьбы. Ничего. Может быть, белые хризантемы в вазе? Нет, не то. Наташа прислушалась к своим ощущениям. Совершенно, ну совершенно никаких эмоций не вызывали у нее цветы, кроме желания их понюхать – хризантемы Наташа любила. «Ну что ж, значит, сегодня Судьба не хочет со мной общаться», – улыбнулась она, подходя к высокой вазе, стоящей на столике рядом с зеркалом. Хризантемы отражались в нем, и букет казался огромным.

Наклонившись к цветам, Наташа с удовольствием вдохнула нежный осенний запах и прикрыла глаза. Господи, как хорошо, когда ты – состоятельный человек! Ты можешь весь год покупать какие угодно свежие цветы! Вспомнив, что поначалу ее просто шокировало невероятное количество денег, выкинутых на ерунду, Наташа чуть не рассмеялась. Это не ерунда, вовсе нет! Это – образ жизни. И елочные шары, купленные ею к Новому году, действительно были безвкусыными, сейчас она понимала. Хризантемы, стоящие в воде в конце зимы и пахнущие, как осенью, – просто счастье, и прекрасно, что такое счастье можно купить. Наверное, хризантемы и стоит понимать как Знак Судьбы, а не выискивать всякую

ерунду вроде... Хотя, почему бы и не выискать, в конце концов. «Решено, – подумала она, поглаживая пальцами тонкие длинные лепестки, – вот на что сейчас посмотрю, то и будет Знаком. Чем не святочное гадание?»

Наташа подняла голову, собираясь повернуться и как следует поискать что-нибудь подходящее. Но ничего искать не пришлось. Знак отражался в зеркале прямо за ней. Наташа с недоумением смотрела на кровавые пятна, растекавшиеся по какой-то черной тряпке, лежавшей на точно таком же столике за ее спиной. Потом повернулась и разглядела палантин Евгении Генриховны – черный с алыми разводами. Сделав шаг, приподняла край палантина и задумчиво положила обратно. Ерунда какая. Наташа опять повернулась к зеркалу возле хризантем.

В нем отражалась черная тряпка, густо политая кровью.

* * *

К вечеру вышли к селу. Солнце опускалось за лес, подсвечивая золотистым крыши домов. Высокая колокольня церкви Николая-угодника казалась нежно-розовой. По пыльной дороге торопливо шел пастух, покрикивая на небольшое стадо коров цвета топленого молока. Девушка раньше никогда таких не видела и теперь остановилась, рассматривая красивых животных.

– Благодать, правда? – спросил Данила, останавливаясь рядом с ней и обводя взглядом село. – Хорошо дошли – как раз и разместиться успеем с толком, и выспимся. А завтра с утра пойдем к святыне.

Девушка искоса взглянула на него. Как и все паломники, Данила переделался в обычную одежду – джинсы, майка. Но и в таком виде он отличался от остальных. Сразу было видно, что он особенный, что он... Учитель. Данила повернулся к девушке, и она ощутила какое-то странное чувство. Ласково глядя на нее своими светло-голубыми глазами, он чуть улыбнулся и негромко попросил:

– Когда хозяин нас размещать будет, ты в комнате не оставайся. Хорошо?

– Хорошо, – улыбаясь, кивнула она. – А где?

– На сеновале он тебя положит. Спала раньше на сеновале?

Она помотала головой, так же счастливо улыбаясь.

– Вот и узнаешь, каково это. Давай-ка догонять наших, а то отстали мы с тобой.

Девушка знала, что в селе Кравцево будет их первая ночевка в доме.

От других паломников, уже ходивших по избранному Пути, она слышала, что один из сельчан – сам бывший Безымянный, и потому он предоставляет приют всем, кого ведет Данила. Зачем нужно проводить ночь в деревне, она не понимала – ведь они прекрасно ночевали и в палатках, но раз Данила так задумал, значит, все правильно.

Со стороны Безымянные не были похожи на монахов, что было и странно, и одновременно как-то успокаивающе. Просто идут люди, не то туристы, не то паломники, и у каждого за плечами большой рюкзак. А что молчат, и так понятно – вечер уже, а они только дошли. Устали люди, не до разговоров им.

«Интересно, а почему мы так мало общаемся друг с другом? – неожиданно подумала девушка. – Ведь никакого запрета нет. Данила беседует с каждым, а между собой никто, кроме тех двух Безымянных, которые провожали Веру, не разговаривает». Воспоминание о Вере заставило ее поежиться, но девушка заставила себя думать о другом. «Данила мне все объяснил. Данила мне все объяснил...» Повторив фразу несколько раз, как заклинание, она ускорила шаг, догоняя остальных.

Идя рядом с последним Безымянным по песчаной дороге, поросшей на обочинах высоченной, в человеческий рост, крапивой, она осторожно рассматривала каждого из попутчиков и пыталась объяснить самой себе, почему ей даже и не хочется заводить с ними разговоры. «Наверное, дело в том, что наш Путь не должен сопровождаться какой-то болтовней, – наконец решила девушка. – Молчание – как-то более торжественно».

Идущий около нее безымянный повернулся, словно подслушав ее мысли, и со странной усмешкой взглянул девушке в лицо. Это был мужчина лет сорока, сутулый, с сероватым лицом, на которого она никогда не обращала внимания. Он почти всегда шел последним. Девушка первый раз оказалась так близко от него, и до нее донесся запах, исходящий от Безымянного, – кисловато-терпкий запах немытого мужского тела. Она вздрогнула и быстро прошла несколько шагов вперед, но запах остался с ней, и даже пыль, поднявшаяся от остальных паломников, не могла заглушить его. Женщина, с которой поравнялась девушка, тоже бросила на нее косой взгляд, но тут же отвернулась. Высокая, очень худая, с висящими по бокам заостренного лица черными волосами, она напонила девушке дохлую ворону, которую та как-то в детстве нашла в бабушкином саду и почему-то страшно ее испугалась. Испугалась настолько, что расплакалась, и дед успокаивал ее, глядя маленькой сухой ладонью по спине, пока она не перестала заикаться от слез. Она так и не сказала родным, что перепугало ее, но сейчас, идя рядом с Безымянной, отчетливо вспомнила тот случай.

Подумав об этом, девушка внезапно поняла, почему она не хочет разговаривать ни с кем из своих попутчиков. Дело было вовсе не в торжественности молчания.

Просто они ей не нравились. Никто. Ни один из них.

Изба оказалась очень просторной и чистой. Молчаливый бородатый хозяин, которого Данила назвал Андреем, четверых Безымянных оставил в доме, а остальных отвел в большую пристройку на заднем дворе. Там вдоль стены стояли длинные узкие кровати, видимо, соструганные самим хозяином, и на каждой лежало шерстяное покрывало.

– Так, одному не хватает, – хмуро сказал Андрей, пересчитав Безымянных. – Кто нынче на сене спать будет?

– Ой, а можно мне? – встрепенулась девушка.

Хозяин обернулся, смерил ее взглядом и кивнул.

– Ладно, только чур не орать ночью, если что. Ну там, шорох мышиный услышишь или, может, что другое...

– А что – другое? – с интересом спросила она, начиная догадываться, почему Данила попросил ее спать на сеновале.

– Сама увидишь. Ну, пойдем.

Когда они вышли во двор, хозяин неожиданно попросил:

– Послушай, добеги до баньки, скажи хозяйке моей, что гости прибыли. А я пока тебе приготовлю все.

Девушка не поняла, что можно готовить на сеновале, но послушно пошла к маленькому строению с одним светящимся окошком далеко в огороде. Поблизости переругивались собачонки, и на дальнем конце села какой-то пес отвечал им злым басовитым рыком.

– Хозяюшка, – позвала девушка, подойдя к бане.

– Ай? – отозвался из предбанника низкий женский голос.

– Вам Андрей просил передать, что гости у вас.

– А-а, паломники-то? Иду я, сейчас иду. Выхожу уже.

Девушка поспешно зашагала обратно, глядя под ноги, чтобы не споткнуться на тропинке, и чуть не врезалась в самого хозяина.

– Куда торопишься-то так, пряткая? Ну, сказала?

– Сказала. Она говорит, что уже выходит.

Андрей завел девушку в сарай, щелкнул выключателем на стене, и тусклая лампочка осветила деревянную лестницу, ведущую под крышу.

– Забирайся. – Он сунул ей в руки одеяло.

– Спокойной ночи, – пожелала она, с любопытством оглядываясь вокруг.

– И тебе того же.

Дождавшись, когда она поднимется, он крикнул снизу:

– Ну что, готова?

– Да, спасибо.

Щелкнул выключатель, проскрипела дверь, и она осталась одна. В кромешной темноте.

Усевшись на корточки в ворохе сена, девушка закуталась в одеяло и принялась ждать. В том, что ей предстоит очередное испытание, она не сомневалась – не зря же Данила отправил ее сюда. Наверное, опять будут чем-нибудь пугать. И хозяин предупреждал... Ничего, первое она прошла – и второе пройдет!

Сидеть в сене было тепло и приятно. Сухие травинки немного покалывали через одежду. Пахло почему-то не так сильно, как она ожидала, и к аромату сухой травы примешивались еще какие-то непонятные запахи – то ли дерева, то ли животного, то ли того и другого сразу. Внизу что-то тяжело вздохнуло, и раздалось фырканье. «Коровы, – сообразила она. – У них же здесь коровы или еще кто-то. Овцы, может быть?» Теперь она отчетливо ощущала запах, поднимающийся снизу – тяжелый, щекочущий ноздри. Что-то тихо шуршало то в одном углу, то в другом, и девушка вспомнила про мышей. Подняв голову, она увидела щели в потолке, сквозь которые пробивался слабый свет. «Ночь лунная. Все хорошо будет видно. Значит, не так страшно».

На самом деле страшно ей не было вовсе. Тогда, у родника, ее застали врасплох, но сейчас было совсем по-другому. Даже интересно: что же случится на этот раз? Девушка легла наконец на сено, натянула одеяло, хотя оно было совсем не нужно, и стала прислушиваться.

Ей показалось, что прошло не меньше получаса, когда дверь внизу заскрипела. Резко сев, она сбросила одеяло и стала вглядываться вниз. Какой-то человек поднимался по лестнице. Когда показалась голова, девушка узнала Данилу и вскочила, но он приложил палец к губам, и она опять опустилась на мягкое сено. Так, значит, никакого испытания не будет! Он просто хотел побыть с ней этой ночью!

– Ты не замерзла здесь? – приглушенно спросил Данила, подойдя вплотную, и она почувствовала, что он улыбается.

– Нет, Учитель, – тихо ответила девушка, прижимаясь к нему.

Его руки провели по ее волосам, потом ощупали лицо, и она поняла, что он еще не привык к темноте. Сама она видела все хорошо. Осторожно взяв его ладони в свои, она положила их себе на грудь, потом медленно начала опускать одну руку вниз, к расстегнутой пуговице на джинсах.

Данила, ни слова не говоря, разделся сам, потом стянул с нее джинсы и майку. Сегодня он был неожиданно неласков и настойчив, но это только сильнее возбудило ее. Господи, какое у него тело! Ей хотелось подольше гладить его, ощущать его руки на своем теле, но Данила потянул ее вниз, на колючее одеяло, и усадил верхом на себя. Размеренно двигаясь, она закинула голову вверх и увидела прямо над собой через щель в крыше ярко-белый диск луны. Все вместе – запах сена и животных, темнота вокруг, постанывания мужчины, далекий лай собак и луна над головой – вдруг сложилось в такую нереальную картину, что девушка замерла на мгновение, но напористые движения Данилы заставили ее продолжать. Однако ощущение неправдоподобности происходящего не оставляло ее. Пробормотав что-то сквозь зубы, Данила вскочил и рывком развернул ее спиной к себе. Шерстяное одеяло натирало локти и колени, она попыталась вывернуться, но он крепко держал ее двумя руками. Его движения уже начали причинять ей боль, когда он наконец тяжело выдохнул и опустился на сено.

Лежа рядом с ним, она смотрела вверх и испытывала блаженную радость. Он пришел к ней. Она ему нужна. Девушка повернулась к нему, но тут из дальнего угла раздался шорох. Она чуть не вскрикнула, но вспомнила предупреждение хозяина и сдержалась.

– Здесь, наверное, полно мышей, – проговорила она тихо, улыбаясь.

Данила промолчал. Шорох повторился, но уже с другой стороны. Девушка прижалась к нему поближе, но Данила отстранился от нее, встал на ноги и натянул майку. Поняв, что он собирается уходить, она подняла на него огорченное лицо, но тут третий шорох, совсем рядом, заставил ее вздрогнуть.

– Господи, да сколько же их здесь... – начала она, вглядываясь в темноту, и тут заметила на копне сена, лежащей всего в трех шагах от нее, какое-то шевеление. Девушка наклонилась вперед, рассматривая то, что лежало перед ней, и вдруг увидела лицо. Из сена на нее смотрел человек. Серые глаза моргнули, и, словно проснувшись, она закричала, отпрыгнула, инстинктивно зашарив вокруг рукой, чтобы найти одежду. Но ни вещей, ни одеяла рядом не было. В панике обернувшись к Даниле, она увидела, что он стоит в стороне, около лестницы, и без выражения смотрит ей за спину. Девушка проследила за его взглядом, и глаза ее расширились: от стен, отслаиваясь, словно тени, один за другим отходили Безымянные, поднимались из сена, отряхивая траву, и приближались к ней. Мужчина с серым лицом, на которого она не обращала внимания до сегодняшнего дня, лежал ближе всех. Сейчас он встал и смотрел на нее, не мигая,

выцветшими бесцветными глазами.

Как затравленный зверь, оглядывая подходящих к ней людей, девушка метнулась в одну сторону, в другую, потом остановилась на месте. Внезапно до нее со всей остротой дошло, что они были здесь все время. И тогда, когда она сидела одна, привыкая к месту, и тогда, когда пришел Данила, и позже. И все это время ОНИ СМОТРЕЛИ НА НЕЕ! Господи, они смотрели на нее все время, пока они занимались любовью с Данилой, и видели ее целиком, смотрели молча, как звери на охоте. И мужчина, от которого так отвратительно пахло, и женщина, похожая на дохлую ворону, – все они!

По телу девушки пробежала дрожь, она почувствовала, что крыша сарая наклоняется куда-то влево, так же как и фигуры Безымянных. Уже не глядя на людей, безмолвно смыкающих цепь вокруг нее, она повалилась на сено. Его запах ударил ей в нос, но не душистым ароматом сухой травы, а каким-то отвратительным гнилостным духом, и ее стало неудержимо рвать.

Глава 7

С утра у Тимоши начался насморк, поэтому было решено оставить его дома, под присмотром Ольги Степановны. Последнее время та практически каждый день оставалась ночевать в доме Гольц – на первом этаже для нее, так же как и для Мальчика Жоры на втором, была отведена своя комнатка. И Евгения Генриховна уже обсуждала с Эдиком вопрос о повышении ее зарплаты. Учитывая, что новых хлопот у «метрдетеля» прибавилось из-за мальчика, которого Наташа частенько сдавала на ее попечение, оплачивать разницу должен был Эдик. Наташа не возражала: на кухне Тимоша мог провести часа два, совершенно не скучая. Он играл на коврике, пока Ольга Степановна, готовя очередное блюдо, рассказывала ему что-то своим мягким, чуть напевным голосом. Игорь Сергеевич, застав как-то вечером такую сцену, предложил звать ее Ариной Родионовной, но шутка не прижилась.

Сегодня была суббота, и Наташа с Эдиком собирались съездить за покупками: Наташе нужны были ботинки и кое-какая одежда. Вообще-то говоря, обувь на весну у Наташи была, но Эдик объяснил ей, что сапожек должно быть минимум пять пар. Точнее, даже не объяснил, а выразил искреннее недоумение по поводу того, что его жена сама не понимает таких простых вещей.

– Милая моя, ведь ты едешь не на машине! Со временем, конечно, какую-нибудь тебе купим, только сначала права получи. А по слякоти, по грязи тебе придется менять обувь раз в полдня! Поэтому даже обсуждать мы с тобой не будем, нужна обувь или нет, хорошо? И я сам тебе ее покупаю, из своих денег.

Наташа внутренне улыбнулась. Собственно, именно к тому она и подводила Эдика, когда начала разговор о том, что двух пар стареньких сапожек ей вполне достаточно. На самом деле обувь была нужна – в конце концов, она просто не могла надеть некоторые новые вещи с ношенными, вышедшими из моды сапогами. Правда, сама она ограничилась бы покупкой одной пары практичных ботинок, а остальные деньги потратила бы на что-нибудь другое. А так... что ж, решила она, раз Эдик настаивает – пусть он и платит.

В то время как они мотались по магазинам, придирчиво выбирая модели, Тимоша сидел под кухонным столом, слушая «тетю Олю», и складывал домик из конструктора «Лего».

– Вот возьмут тебя мама с папой, и полетишь ты с ними на большом самолете в страну, которая называется Греция, – рассказывала Ольга Степановна. – Знаешь, как там тепло и хорошо? Даже и не рассказать.

– Как под одеялом?

– Нет, гораздо теплее. И там море есть, ты будешь купаться.

– А я не хочу купаться!

– Ну, значит, будешь на песочке сидеть, куличики лепить. Там песочек мягкий, чистенький, желтенький... И сосны высокие шумят. Сидишь на песочке – а вокруг тебя сосны...

Она замолчала, и Тимоша вылез из-под стола посмотреть, в чем дело. Тетя Оля стояла, не двигаясь, глядя на стену. Он посмотрел туда же: пустая стена, только шкафчики висят с другой стороны.

– Ты куда смотришь? – недовольно спросил он.

Ольга Степановна вздрогнула и чуть не выронила ложку.

– Господи, да никуда я не смотрю! Играй, играй, мой хороший.

Мальчик опять залез под стол и засопел оттуда. Некоторое время в комнате были слышны только постукивания железной колотушки, которой Ольга Степановна отбивала мясо. Наконец из-под стола опять послышался тонкий голосок малыша:

– А знаешь что? Папа с нами не полетит.

– Почему не полетит? – удивилась Ольга Степановна, отложила колотушку и присела на корточки.

Прямо на нее глянули два больших голубых глаза, и она в который раз подумала, что мальчонка на мать ну совсем не похож.

– Потому что папа говорил, что я ему не нужен. И я его с собой не возьму!

– Как не нужен? – ахнула Ольга Степановна. – Ты что такое говоришь? Не мог тебе папа такое сказать! Ты посмотри на себя... – Она схватила мальчика под мышки и подтянула к себе. – Посмотри: вот ручки беленькие. Беленькие?

Тимоша кивнул.

– Вот щечки розовые. Розовые? Вот глазки синие-синие. Вот волосики вьющиеся. Как же такой мальчик может быть не нужен? Да он всем нужен!

Он чмокнула ребенка в макушку, нежно пахнущую ромашковым шампунем, и покачала головой. Ай да Эдик! Надо ж было додуматься – при детке сказать такую плохую вещь.

– А хочешь, а тебе один секретик скажу? – прошептал Тимоша ей на ухо.

– Хочу, – тоже шепотом ответила она.

– Только ты никому не говори, а то это секрет! А если скажешь, я с тобой больше играть не буду.

– Хорошо, никому не скажу, – пообещала Ольга Степановна, наклоняясь к мальчику.

Он помолчал, потом прижал губы к ее уху так близко, что у нее мурашки побежали по коже от щекотки, и прошептал:

– А папа мне на самом деле не родной. Меня другой папа родил с моей мамой.

Ольга Степановна отодвинулась и, открыв рот, посмотрела на Тимофея.

– Господи, а ты откуда это знаешь? – выдавила она.

– Папа на маму кричал, а я слышал. А потом мы с мамой уехали. Вот. Только ты никому не говори – ты обещала. Я бабушке с дедушкой один раз сказал, а они ругаться начали. Ты не будешь ругаться?

– Боженька святой, да за что ж на тебя ругаться, ягодка ты моя! – крепко обняв Тимошу, Ольга Степановна прижала его к себе и начала торопливо гладить по головке. – Мальчик мой чудесный, лапушка моя, крохотка моя ненаглядная, как же на тебя можно ругаться!

Она еще бормотала что-то ласковое, пока Тимоша, доверчиво прижавшись, сидел у нее на коленях, но в голове у нее крутилось другое. «Так, значит, он про отца своего говорил, а вовсе не про Эдика нашего! Дура я, дура, могла бы и сразу догадаться. Теперь понятно, с чего Наташа с первым мужем развелась. Принесла, значит, от другого. Ну и ну!»

– Бедняжечка ты моя! – сказала она вслух. – Ну ничего, у тебя теперь другой папа есть – дядя Эдик. Правда?

– Правда!

– А что ты на ужин хочешь? Может, рыбку тебе пожарить?

– Нет, лучше ты мне листик дай капустный. Я в него пряник положу и буду как зайчик.

Умилившись, Ольга Степановна достала пряник и протянула Тимофею.

– На, до ужина далеко еще. Погрызи, зайка.

Мальш схватил пряник и спрятался под столом. «Крошки нужно будет не забыть подтереть, – автоматически отметила Ольга Степановна. – Интересно, а Женя-то знает, что мальчонка неизвестно от кого? А Эдик? Хотя... что уж тут такого... дело житейское, как говорится».

Покачав головой, Ольга Степановна аккуратно сложила отбитые кусочки мяса в маринад и убрала в холодильник. Заварила себе чай и уселась за стол, время от времени поглядывая себе под ноги. Но Тимоша

сидел тихо, грыз пряник по кусочку и даже не очень крошил.

Выскочив из машины, Наташа предоставила Эдику разбираться с многочисленными пакетами, а сама побежала к дому – ветер задувал такой, что в легкой курточке ее тут же продуло насквозь. Конечно, зайти внутрь можно было бы и из гаража, но тогда пришлось бы ждать, пока Эдик развернется, загонит машину... «Надо в самом деле на права сдать, – пришло ей в голову. – Куплю себе маленькую красивую машинку, буду Тимошку катать по городу». Наташа улыбнулась и ускорила шаг, но вдруг рядом с ней выросла, словно из-под земли, сутулая фигура в неприменном ватнике.

– Ой! – чуть не подпрыгнула она от испуга. – Господи, Сергей Кириллович, что же вы так людей пугаете!

– А у тебя что, совесть нечиста? – проскрипел старик, с ухмылкой поглядывая на нее. – Ишь, чисто как коза подскочила.

– Подскочишь тут с вами, – пробормотала Наташа, успокаиваясь. Привычка Сергея Кирилловича передвигаться по саду совершенно бесшумно всегда действовала ей на нервы. – Под вами даже снег не скрипит. Вы случайно не охотник?

– Какой я охотник! Никакой я не охотник. Я знаешь кто? – Он наклонился к Наташе, вглядываясь ей в глаза.

– Кто?

– Я – добыча!

Он выпрямился и торжественно поднял вверх обветренный указательный палец с заскорузлым желтым ногтем. Наташа смотрела на некрасивый, неэстетичный палец и никак не могла отвести глаз. «Гляди ему в глаза», – приказала она самой себе и с усилием перевела взгляд. Сморщив в ухмылке лицо, от чего оно стало похожим на сушеную ягоду клюквы, старик покачивал головой.

– Да, добыча. Хотят они меня извести окончательно. Да только кто им позволит? Никто не позволит. Думаешь, я позволю? Или, может, хозяйка, а? А ведь они для нее стараются, понимаешь какое дело, для нее!

Ухмылка стерлась с его лица, и теперь перед Наташей стоял старый, очень расстроенный чем-то человек.

– Сергей Кириллович, а... а что случилось? – осторожно спросила она. – Почему вы добыча?

Старик вытер слезившиеся глаза, вздохнул и покачал головой.

– Вот я тебе сейчас скажу, а ты, может, с ними заодно, – рассудительно сказал он. – И пойдешь, донесешь, куда надо.

– Да кому надо?!

– Ладно, не твоего ума дело, – махнул рукой Сергей Кириллович. – Я ведь что тебе сказать-то хотел: иди, попроси кухарку вашу лекарства мне купить. Вот, я тут на бумажке все написал.

Он полез в карман и достал тетрадный листок с аккуратно выведенными словами.

– Держи. – Старик сунул Наташе листок и опять помахал пальцем у нее перед носом. – Не потеряй, смотри! А может, сама сходишь, а? Кости, понимаешь, прихватило по весне – аж на стену лезу. Будь добра, сделай одолжение.

Недоуменно посмотрев на листок с названиями лекарств, Наташа хотела что-то сказать, но, когда она подняла голову, было уже поздно: Сергей Кириллович торопливо ковылял по тропинке в сторону своего домика. «Никогда бы не подумала, что он ко мне так тихо подкрался пять минут назад, – пришло ей в голову. – А может, я просто задумалась?»

Аккуратно сложив листок и сунув бумажку в карман, Наташа пошла к особняку, по дороге пытаюсь разобраться в своих ощущениях.

Да, что-то тут не в порядке. Зачем, спрашивается, передавать листок ей, когда можно дойти до кухни и самому вручить его Ольге Степановне? Зачем поджидать ее на тропинке? Почему именно ее, в конце концов, а не кого-нибудь другого? Вон, Игорь Сергеевич целыми днями сидит в кресле у окна, его даже на улице ловить не нужно. Тут Наташа вспомнила про сцену, разыгравшуюся месяц назад во время воскресного ужина, и сообразила, почему старик не захотел обращаться за помощью к Игорю Сергеевичу. «Все равно странно. Как говорила Алиса, становится все страньше и страньше».

Задумавшись, Наташа не заметила, как дошла до дома. У самого порога ее догнал Эдик.

– Я тебя зову-зову, а ты как в прострации. Наташ, ты чего?

– Да ничего. Так, задумалась. – Наташе почему-то не захотелось рассказывать мужу о просьбе Сергея Кирилловича. – А почему ты не через гараж прошел?

– Воздухом подышать захотелось, – махнул рукой Эдик. – Пока шел, меня чуть не сдуло в залив. Пойдем скорее, а то все кости за одну минуту проморозило.

Он достал было ключи, но Наташа толкнула дверь, и та открылась.

– Ничего себе! – удивилась она, входя в дом и отряхивая капли влаги с пуховика. – Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь. Кто у нас такой рассеянный?

– Наверное, Ольга Степановна. – Эдик торопливо подхватил у Наташи курточку. – Случается с ней такое, забывает дверь запираться. На самом деле ничего страшного. Какой дурак с улицы пойдет в дом?

– Ну, знаешь... – Наташа скользнула в домашние туфли – мягкие, замшевые, идеально подобранные по ноге. – Пойдем-ка посмотрим, все ли в порядке. И вообще, надо все проверить.

Но тут из столовой выскочил с криками Тимоша и повис на Эдике, болтая ногами, следом за ним заторопилась Ольга Степановна, рассказывая, как они провели время, и про открытую дверь как-то забылось. Все вместе перебрались в столовую, где уже стоял на столе, покрытом красивой скатертью, салат с зелеными веточками укропа, где поднимался ароматный пар от супницы, где побулькивала в крошечной кастрюльке очередная подливка, на которые Ольга Степановна была большая мастерица. Накладывая Эдику салат, глядя на оживленного, вертящегося Тимошу, Наташа не могла отделаться от мысли, что вот сейчас, вчетвером, им гораздо лучше, чем «всей семьей Гольц», и всегда будет лучше. О чем-то хлопотала Ольга Степановна, Эдик показывал Тимке, как нужно правильно стелить салфетку, и прежняя жизнь казалась Наташе если не сном, то чем-то ушедшим безвозвратно, растаявшим за оградой особняка. Вспомнила, как она замазывала бесцветным лаком «стрелки» на колготках, чтобы они не бежали дальше, и чуть не расхохоталась. Три пары колготок! А для четвертой нужно было отчаянно выкраивать деньги из бюджета. Причем одновременно в голове ее были правильные мысли о том, что ей нечему завидовать, что не в деньгах счастье, что нужно ценить то, что имеешь... Правильно отец всегда твердил – училка она и по образу жизни, и по образу мыслей. С другой стороны, а что ей еще оставалось внушать себе, пока она была замужем за Олегом? Только то, что на рынках вещи дешевле, а качество то же, что и в дорогих магазинах. Наташа вздохнула и покачала головой, отгоняя призрак прежней жизни. Он ей не нравился. Он был ей ни к чему больше. А вот шторы в столовой, подумала она мельком, можно было бы и сменить – бежевый цвет больше пошел бы к этим обоям.

Евгения Генриховна стояла в дверях, глядя на сына, сидящего в окружении кухарки, маленькой черноволосой женщины и белобрысого мальчишки. От этого Тимофея было столько шума, что она услышала его вопли со второго этажа. Быстро, с математической точностью ум Евгении Генриховны расставлял по местам и трактовал те Знаки, которые она сейчас видела перед собой. А это, несомненно, были Знаки и ничто иное! Ольга Степановна, забыв о своем положении, сидит за столом и смотрит в

рот Тимофею. Эдик наклонился к своей жене, хотя та ничего не говорит, а сидит со странной, мечтательной полуулыбкой на маленьком личике. Слева от Эдика возится на месте, ноет и всячески привлекает его внимание мальчик – интереса Ольги Степановны ему недостаточно.

– Ну, дядя Эдик! Ну, посмотри! – Тимофей желал показать дяде Эдику, как он сам разломил картофелину вилкой на четыре части.

«Не смотри, – мысленно приказала Евгения Генриховна. – Твоя жена что-то начала говорить тебе. Не смотри на мальчишку. Он не твой сын».

Обернувшись к Тимоше, Эдик заглянул в его тарелку и ласково потрепал мальчика по голове. Что-то сказал ему, но Евгения Генриховна не расслышала. Зато она отлично расслышала вопль ребенка, обернувшегося к дверям:

– Ой, баба Женя пришла! А мы уже все съели!

После того как внезапно появившаяся Евгения Генриховна увела чуть смутившегося Эдика за собой, Наташа немного поболтала с Ольгой Степановной, но на душе стало беспокойно. Интересно, что у них там такое случилось? Она заглянула в гостиную, но в комнате было пусто. Даже Илона, вечно оказывающаяся в самых неожиданных местах, уже закончила работу и ушла из дома. Поднимаясь по лестнице наверх, Наташа столкнулась с Мальчиком Жорой – первый раз за день.

– Добрый вечер, Наталья Ивановна, – кивнул Мальчик Жора, и что-то в его интонациях ей не понравилось. – Добрый вечер, Тимофей... Кстати, какое у тебя отчество, я что-то подзабыл?

Наташе показалось, что наглые карие глаза секретаря сканируют ее сына.

– Отчество у него Олегович, – мягко сообщила она. – Но вы можете называть его просто – господин Гольц-младший.

Несмотря на опыт многочисленных битв с Евгенией Генриховной, Мальчик Жора не смог скрыть мгновенно промелькнувшего выражения на лице. Правда, оно тут же исчезло, сменившись любезной полуулыбкой. «Не хватает еще, чтобы он мне сейчас поклонился», – промелькнуло у Наташи в голове. Но секретарь, чуть наклонив голову и улыбнувшись еще шире, бархатным голосом произнес:

– Все-таки Тимофей Олегович как-то проще выговаривать, вы не находите?

И, кивнув по своему обыкновению, стал неторопливо спускаться по лестнице.

Держа Тимофея за руку и не прислушиваясь к его вопросам, Наташа

пошла к детской. Выражение ненависти, появившееся на секунду у Мальчика Жоры и тут же исчезнувшее, было слишком очевидным, чтобы можно было его проигнорировать. «Елки– палки, да он же нас обоих ненавидит! – сообразила Наташа. – Особенно Тима. Но за что?!» Она остановилась перед дверью и поглядела сверху на беленькую макушку сына.

– Тимоша, тебя никто не обижает? – неожиданно спросила она.

– Что? – Мальчик поднял голову вверх и взглянул на Наташу большими синими глазами. – Что, мам?

– Тебя никто не обижает? – Она присела на корточки, вглядываясь в чистое детское личико. Тимоша вытянул губки вперед, как делал всегда, когда не мог чего-то понять. – Может быть, тебе здесь, в доме дяди Эдика, что-то не нравится?

Она понимала, что задает бессмысленные, даже вредные вопросы, но ничего не могла с собой поделать. Ее охватила тревога сродни той, что она чувствовала тогда, на дороге, когда убегала от черной машины.

– Мне все нравится, – охотно сообщил Тим. – А ты мне велосипед купишь?

Помолчав пару секунд, Наташа поднялась и толкнула дверь в детскую.

– Куплю. Вот будет тепло, тогда и куплю.

Степан Затрава ходил по кабинету – от стола к окну, чуть потоптаться около подоконника и обратно. И опять – от стола к окну, потоптаться, обратно. Оба помощника сидели в креслах и напряженно смотрели на босса. Затраву за глаза называли только так, и в этом не было ни малейшей иронии.

Затрава в очередной раз остановился около стола и вытянул руки вперед, сцепив пальцы. Раздался неприятный хруст. Степан поводит головой влево-вправо, разминая шею, поморщился и наконец посмотрел на своих помощников.

– Хребтина что-то побаливает, – пожаловался он. – К дождю, наверное. Вообще говоря, пора бы уже – весна на улице. Как там... – люблю грозу в начале мая...

Один из помощников счел своим долгом улыбнуться, второй, более опытный, сидел без всякого выражения на лице.

– А ты чего лыбишься, Коля? – уставился на первого Затрава. Голос его был дружелюбным и заинтересованным, но Коля тут же перестал улыбаться. – Нет, ты мне скажи: что ты лыбишься?

– Да вы про грозу сказали, Степан Михайлович, – пробормотал,

оправдываясь, Коля.

– И что?

– Смешно.

Затрава перевел взгляд на второго мужчину, неподвижно сидевшего в кресле, и на лице его появилось страдальческое выражение.

– Выйди-ка, Коля, – попросил он мягко, и парень тут же торопливо выскочил из кабинета. – Алексей Алексеевич, ты где мне таких ослов находишь? – повернулся босс к оставшемуся в комнате помощнику. – Скажи, вот как с ним работать, а?

– Какого ты попросил, такого я тебе и нашел, – спокойно отозвался мужчина, не глядя на Затраву. – Ты хотел Аркадьичу удружить – вот и удружил. А то, что у него сынок такой раздолбай, так извини – не я его жене Аркадьича заделал.

– Правда, не ты? – На лице Затравы появилось такое искреннее изумление, что Алексей хотел было ответить, но быстро закрыл рот. Затрава удовлетворенно ухмыльнулся и уселся за стол. – Ладно, черт с ними, с раздолбаями. Что нам с этой сукой делать, вот скажи мне?

Алексей Алексеевич наконец посмотрел на босса. Тот легонько барабанил пухлыми пальцами по столу, покачивая в такт головой.

– Трам-тира-лира-пам, трам-пам-пам-пам. Козлов, ты не молчи, ты давай мозговой штурм какой-нибудь устрой, что ли. С юристами там посоветуйся. За что они такие бабки получают?

– Свои бабки они отрабатывают. Не в юристах дело, ты сам прекрасно понимаешь.

Затрава понимал. Дело действительно было не в юристах. Дело было в том, что отличная, отлаженная схема, отработанная уже не один раз в разных регионах, дала сбой. И причиной тому были неожиданно обнаружившиеся связи Евгении Генриховны Гольц.

– Черт, ну вот откуда у стервы выход на Мамонова, а?! – не выдержал Затрава, шарахнув кулаком по столу. – Нет, ты скажи мне, откуда? Какого хрена Ботвинник твой проворонил, когда про нее выяснял?

Козлов не стал говорить, что Ботвинник, отвечающий за сбор информации, был вовсе не его, а самого Затравы, – босс это и так отлично знал. Да и ругаться у него были основания: Евгения Гольц надавила на такие рычаги, что в положении осажденного оказался сам босс со всей компанией вместе.

– Степ, может, ну ее куда подальше? – негромко предложил Козлов, догадываясь о реакции босса. – Геморроя с ней слишком много, тебе не кажется? У ребят других проектов полно, возьмем еще какой-нибудь.

Затрава поднял на помощника маленькие глазки с опухшими веками и пару раз мигнул.

– Ты тут не моргай, как крокодил, – раздраженно посоветовал Козлов, первый раз проявляя признаки нервозности. – Лучше обмозгуй хорошенько: какого черта в бочку-то лезть, а? А с Мамоновым что делать? Извини, Степ, но он – малость не наш с тобой уровень.

Босс поцокал языком, не сводя глаз с помощника.

– Ой, Леша, Леша... Ну вот как тебе объяснить... Не можем мы с тобой это дело бросить, понимаешь? Слишком много туда вложили. Ты что, хочешь полгода работы да псу под хвост? Нет, так не пойдет. Ну, подключила она Мамонова, ну, поймали нас слегка... – При воспоминании о последнем Затрава помрачнел. – Нельзя так себя порядочным людям вести. Огорчила она меня, Леш. Ой, огорчила! Ну вот как с такими людьми работать, опять-таки я тебя спрашиваю? Разве что учить, учить и еще раз учить.

– Ты чему ее учить собрался? – поинтересовался Козлов, глядя на паясничающего босса.

– Как чему? Порядочности, Леша, порядочности! Мы с ней похорошему, а она на нас «Мамонта»?! Придется, Леша, прибегнуть к активным мерам. Зови сюда и Ботвинника с его ребятами, и этого... австралопитека. Знаешь, все-таки он на тебя похож немного. Шалун ты у нас, Козлов, ой шалун!

И очень довольный своей немудреной шуткой Затрава расхохотался. Помощник, выходя из кабинета, только головой покачал – босс веселится вовсю, значит, жди репрессий. Надо Ботвинника предупредить. Хотя хрен с ним, пускай сам выкручивается.

Ловко маневрируя на «Ниве», Макар объезжал глубокие, присыпанные снегом лужи и тихо матерился. Ему удалось приблизительно узнать маршрут, по которому четыре года назад ходила группа Учителя, то есть Данилы Солнцева, но что с того толку, если он по такой дороге три раза уже застревал накрепко. И, главное, совершенно впустую! Ни в одном из тех сел, в которых он уже побывал, слыхом не слыхивали ни про каких паломников. Макар уже начал подозревать, что информация, которую надыбал Серега Бабкин, пустышка, но тут вдалеке показались крыши домов, от которых поднимался в пасмурное небо серый дымок. Макар остановился и сверился с картой. Село Кравцево. Правильно. Ну что ж, посмотрим, как у нас живет народ в Кравцеве.

Народ жил небогато, но хлебосольно. Спустя полчаса после въезда в

деревню Макар сидел за столом, покрытым такой пестрой клеенкой, что у него рябило в глазах, и рассматривал фиалки в горшочке на подоконнике. На столе между тем появлялись тарелки, хозяйка выставила запотевшую бутылку, в которой на дне бултыхались темно-зеленые веточки, и, заметив в глазах Макара вопрос, с гордостью пояснила:

– Наша собственная, на можжевельнике.

– Спасибо, Наталья Семеновна, мне нельзя – я за рулем, – огорченно развел руками Макар. – А то бы с удовольствием.

– Ну, тебе нельзя, а нам можно, – подмигнул Макару хозяин, развалившийся на стуле напротив него. – Наташ, поставь-ка мне рюмашку-то поболее!

– Иди! – жена махнула на него полотенцем, и тот с преувеличенным ужасом закрылся рукой. – Поболее ему! Ты лучше вон расскажи человеку, что он просит, пока еда разогреется.

Слушая рассказ хозяина, Макар все больше убеждался, что в очередной раз промахнулся. Для вида он старательно записывал что-то в маленький блокнотик, поскольку представился студентом факультета журналистики, которому злобный преподаватель дал задание написать статью об их селе. Поохав над тем, как такого молоденького парнишку да в такую глушь отправили, хозяева немедленно усадили Макара за стол и принялись наперебой рассказывать все, что знали сами, но ничего ценного из их рассказа Макар не выведал. Ясно было одно – паломники через село не проходили. Ни в этом году, ни в прошлом, ни четыре года назад.

– Странно, – заметил Макар, словно в задумчивости. – У вас тут такая церковь красивая, и к ней паломники не ходят?

– Да таких церквей на всю матушку-Расею, знаешь, сколько наберется? – усмехнулся хозяин, прихлебывая густой борщ. – С полтыщи, а то и больше. Чего в ней особенного-то? Поп разве что заложить любит, так то ж не редкость.

– Ой, ну вот что плетешь, а? Что плетешь? – накинулась на супруга хозяйка. – Вы его не слушайте, – обратилась она к Макару. – Батюшка у нас хороший. И хозяйство свое все в чистоте держит, хотя овдовел уж лет восемь назад, и за кладбищем ухаживает. Много же стариков-то у нас в Кравцеве умирает, а дети далеко живут, приезжать часто не могут. Да многие и не хотят приезжать, правду-то говоря. Так вот батюшка все могилы в порядке держит – где оградку подправит, где сорняки выполет... Ему за одно это спасибо сказать надо, а то – «заложить любит»...

– Ладно, ладно, не гунди, – отмахнулся муж. – Хотя, по правде-то сказать, Иван Михалыч мужик и впрямь хороший, много такого делает...

что от сердца идет, что ли. Не знаю, как и сказать. Вон у нас случай был три года назад: пацаны летом нашли труп в лесу. Женщину мертвую. Милиция понаехала, понятное дело, сразу о маньяке заговорили... Я не о том. Тело-то так и не опознал никто, дело потом закрыли. Так вот Иван Михалыч наш, который батюшка при церкви, ходил куда-то, выпрашивал все какие-то разрешения. И что ты думаешь? В конце концов похоронил ее около церкви, в ограде, все как полагается. И отпел, и за могилой ухаживает. Наталья верно говорит.

– В лесу нашли? – Макар смотрел на хозяина, не веря своей удаче. – Она, что же, прямо на земле лежала?

– Да нет, присыпана была немного. А ребята начали шалаш себе строить да травой обкладывать, лопатой копнули пару раз и наткнулись. Крику, конечно, было!

Макар судорожно размышлял, как расспросить мужика обо всем, не вызывая подозрений, но тут до него дошло: три года. Три года назад труп Элины уже должен был превратиться в косточки – со времени ее исчезновения прошло почти четыре года. Опять не то! Волна разочарования охватила его, и тут раздался голос хозяйки, ставящей перед ним на стол тарелку с картошкой:

– Ты, Петь, путаешь чего-то. Три года назад Милка померла, а тело нашли не тогда, а на год раньше. В общем, выходит неполных четыре года. В августе, по-моему, это было. Сейчас март, ну вот и считай – почти четыре года прошло.

Макар уже не слушал, что отвечал Петр жене. Быстро проглотив обжигающую картошку и поблагодарив хозяев, он объяснил, что хочет поснимать окрестности, натянул сапоги, припрятанные в багажнике «Нивы», и пошел вдоль по улице, утопая в талом снегу. Из облаков проглянуло солнце. Выйдя за околицу, Макар сделал для вида пару фотографий и остановился у края леса. Где-то с этой стороны, как следовало из слов Петра, нашли тело женщины, сейчас похороненной на маленьком кладбище за церковью. Макар выбрал самую сухую, как ему показалось, дорогу и побрел обратно, поглядывая на высокий синий купол, над которым сверкал золотой крест.

Спустя сорок минут он стоял уже около простого деревянного креста, с перекладины которого свисали, подтаивая под мартовским солнцем, коротенькие сосульки. «Кап, кап», – говорила каждая капля, падая в маленькие лужицы, оставшиеся от предыдущих. Капели Макар не слышал. Он смотрел не отрываясь на единственную надпись, вырезанную на кресте. «? – Июль 1999 года».

«Июль 1999 года, – повторил он про себя. – Ну что ж, пора идти знакомиться с бабушкой».

Глава 8

С утра в пятницу у Наташи были большие планы – поискать для Тимоши развивающие игры, купить несколько хороших книг и съездить наконец в Кунсткамеру. «Стыдно жить в Питере, – укоряла она себя, – и не знать толком ни одной достопримечательности. Тоже мне, бывшая учительница». Однако, возвращаясь из детского садика, Наташа решила, что одной в музей идти скучно, да и погода сегодня на редкость неподходящая. Подходя к дому, определилась окончательно: никуда она сегодня не поедет, а будет балбесничать весь день и читать что-нибудь эдакое... интеллектуальное. Или не интеллектуальное, а просто для своего удовольствия. Детектив, например. Причем не особенно заумный.

Ветер трепал ей волосы, слабое мартовское солнышко почти не грело, и Наташа уже представляла, как пролежит полдня на кровати в теплой комнате, а потом сладко поспит после обеда. «Елки-палки, а ведь я так превращусь в подобие господина Боброва», – неожиданно пришло ей в голову. Представив себя оттягивающей щеки в разные стороны, Наташа расхохоталась, так что на улице на нее удивленно обернулся какой-то прохожий. «А ведь и правда, я совершенно ничем не занимаюсь, – думала Наташа, подходя к двери, – и, самое интересное, получаю массу удовольствия. Просто от безделья! Хотя, конечно, со временем это пройдет».

Она вставила ключ в замочную скважину, но дверь неожиданно подалась под нажимом и открылась. Наташа покачала головой. Все-таки Эдик не прав: подобная забывчивость к добру не приводит. «Заходи кто хошь, бери что хошь», – приговаривала в таких случаях ее рязанская бабушка. Быстро раздевшись, Наташа поднялась на второй этаж и уже собиралась уйти в свою комнату, но тут ее внимание привлекла открытая дверь в конце коридора. Именно в той дальней комнате, где жили Игорь Сергеевич Бобров со своей супругой Аллой Дмитриевной.

Осторожно, почти на цыпочках подойдя поближе, Наташа заглянула внутрь. В этой комнате ей не приходилось бывать раньше. Странные кресла с изогнутыми ручками и неудобными спинками, маленький диван, покрытый черным пледом с белыми иероглифами, современный столик со стеклянной столешницей – в обстановке явно чувствовалось влияние Аллы Дмитриевны. «Понятно, почему Игорь Сергеевич предпочитает проводить время в гостиной», – пришло в голову Наташе. Неожиданно она заметила,

что слева от входа есть еще одна дверь – а ей и в голову не приходило, что здесь смежные комнаты. Осторожно толкнув ее, Наташа просунула голову в щель, увидела краешек кровати и... быстро высунула голову обратно, застыв на месте. Почему-то ей было совершенно ясно, что именно она увидит в соседней комнате. В том, что на кровати сейчас лежит мертвое тело, Наташа нисколько не сомневалась, вопрос был только в том, чье это будет тело. Собравшись с духом и глубоко вдохнув, она толкнула дверь и одновременно услышала низкий женский голос:

– Я полагаю, мы можем придумать что-то еще, но, по-моему, девочка прекрасно себя зарекомендовала. А потом, ты оценила его реакцию?

– Да уж, непосредственно на себе, – второй голос принадлежал Алле Дмитриевне. – Откровенно говоря, повторения мне не хотелось бы, но если для пользы дела, то почему бы и нет.

Одним взглядом охватив обстановку комнаты, Наташа увидела пустую кровать, покрытую желтым покрывалом с цветами, и две женские фигуры у окна – Аллы Дмитриевны и Елены Семеновны. Не дожидаясь, пока ее заметят, она выскочила за дверь в коридор и остановилась. Щеки горели так, что Наташа приложила к ним ладони, но это не помогло. «Стыдно. Мало того что подслушала чужой разговор, так еще и нафантазировала какой-то бред. Господи, мертвое тело! А еще собиралась детектив читать!» Она пошла в свою комнату, на ходу доставая ключи из кармана джинсов и решая, что именно выбрать на сегодня из чтения. Пожалуй, пойдет «Дон Кихот» или «Тартюф». И никаких детективов!

Провожая Наташу взглядом, стоявший за углом Мальчик Жора ухмыльнулся, но ухмылка получилась больше похожей на гримасу. Смешно! Нет, ей-богу, смешно! В этом доме все только и делают, что подглядывают друг за другом – кухарка за Илоной, Бобровы за стариканом, а теперь еще и чернявая стервозина за самой Аллой Дмитриевной. Судя по тому, с каким лицом она выскочила из комнаты, услышала что-то весьма неприятное. Да, а для полноты картины надо приписать сюда саму Мадам, которая, похоже, прослушивает все телефонные звонки. Ухмылка исчезла с красивого лица Мальчика, оно стало озабоченным. Однако с лезущей не в свои дела женошкой нашего обожаемого Эдика нужно бы что-то сделать, а то она что-нибудь не то узнает. Если уже не узнала. Поразмыслив, Мальчик Жора подошел к комнате Бобровых и постучался. Прошло не меньше двадцати секунд, прежде чем дверь распахнулась и в проеме появилась Алла Дмитриевна, с легким недоумением вззирающая на секретаря сверху вниз.

– Добрый день, Алла Дмитриевна, – обаятельно улыбнулся тот.

– Здравствуй. Я могу тебе чем-нибудь помочь?

Интонация ее ясно давала понять Мальчику, что от него требуется как можно скорее изложить свое дело и оставить госпожу Боброву в покое.

– Алла Дмитриевна, к вам сейчас в комнату заходила супруга Эдика. – Секретарь сделал небольшую паузу, чтобы смысл сказанного дошел до женщины. – И пробыла у вас, как я понял, достаточно долго. Она не сказала, случайно, куда направляется? Мне нужно ее найти, а сотовый телефон у нее недоступен.

Высокомерие на лице Аллы Дмитриевны сменилось удивлением, затем взгляд скользнул в сторону. «Вспоминай, вспоминай, – злорадно подумал Мальчик, – что вы тут такого обсуждали с подругой в последние десять минут».

– Скажи мне, Жора, – задумчиво проговорила наконец Боброва, – а ты не заметил, как долго мы с... с женой Эдуарда разговаривали?

– Точно не могу сказать, Алла Дмитриевна, – отрапортовал секретарь. – По-моему, минут пять–десять. Может быть, восемь. Да, пожалуй, восемь. С другой стороны, может, и семь. Хотя восемь все-таки ближе.

Алла Дмитриевна собиралась сказать что-то резкое, но передумала и пристально взглянула на Жору. Тот стоял перед ней с идиотской улыбкой серванта, которого только что перед всем строем похвалил генерал.

– Спасибо, Жора. Нет, я не знаю, куда она пошла. В любом случае... спасибо.

Последнее слово много значило для Мальчика Жоры. Продолжая улыбаться, он попрощался и вернулся в кабинет Евгении Генриховны. Приобрести как минимум одного союзника в доме – это очень, очень неплохо, особенно если союзник не кто иной, как Алла Дмитриевна. В том, что она верно оценила его визит, Жора не сомневался.

В то время, как Наташа стояла перед приоткрытой дверью, гадая, чей труп она увидит на кровати, Эдик Гольц решил сделать небольшой перерыв, отпросился с работы на два часа и отправился в магазин выбирать своей жене подарок. Повода для подарка не было, но Эдик собирался его придумать – дарить Наташе всякую ерунду доставляло ему огромное удовольствие. В конце концов, если нашелся человек, который заботится о нем после смерти Элины, то он может и должен отплатить ему тем же. В раздумьях бродя по торговому центру и наблюдая свою бледную физиономию, многократно отраженную в сверкающих витринах, Эдик размышлял о том, как же ему повезло с Наташей. С ее появлением в его

жизни такая неловкая, в общем-то, вещь, как постель, превратилась для Эдика в источник удовольствия, и он мог спокойно делать что угодно, не боясь гневного или, еще того хуже, презрительного окрика. С Наташей все было просто. Подумав об этом, Эдик улыбнулся, выбрал подчеркнута простую и очень дорогую модель часов и пошел оплачивать приобретение.

Ольга Степановна с утра соорудила салат из обжаренной трески (как любит маленький – без лука), сварила бульон с фрикадельками и сообразила, что фрукты на десерт у нее закончились. Можно было бы попросить Мальчика Жору съездить за ними, но Ольга Степановна захотела прогуляться сама, благо хороший магазин находился недалеко. Пока Эдик вдумчиво рассматривал витрины с часами, Ольга Степановна не менее придирчиво изучала содержимое прилавков с фруктами. «Бананы для Тимошеньки... и яблочек можно бы для него взять, только ведь они нехорошие... а Жене виноградику побольше».

Наконец фрукты, необходимые для всего семейства Гольц, были сложены в тележку, и Ольга Степановна предалась более приятному занятию. С такими же чувствами, с какими любящая бабушка выбирает подарок внуку, она подержала в руках мохнатые киви, убедилась, что они незрелые, исследовала чахлый сморщенный авокадо, поморщилась и купила манго. По вкусу – как крыжовник с елкой, но, говорят, полезно. Мальчик хоть и здоровенький, тьфу-тьфу-тьфу, но весной витамины нужны.

Добравшись до дома, Ольга Степановна обнаружила: уходя, она опять забыла закрыть за собой дверь. И обрадовалась, что Евгения Генриховна сегодня весь день на работе, а то задала бы ей жару за такую забывчивость. Женечка, конечно, человек добрый, но если что не по ней – то боже упаси.

Ольга Степановна прислушалась. Тишина. Нет, кажется, никто ее оплошности не заметил. Напевая негромко себе под нос, Ольга Степановна разобрала пакеты с продуктами и обнаружила, что оставила в кармашке сумки желатин.

– Ой, старею я, старею, – сообщила она самой себе, слегка кокетливо поглядывая, как в зеркало, на стеклянную дверцу шкафа с посудой. В ней отражалась моложавая крепкая женщина с аккуратно уложенными седыми волосами и маленькими морщинками вокруг глаз.

Поправив совершенно не выбившуюся прядку, Ольга Степановна надела фартук и пошла в прихожую за желатином. Там никого не было, но у Ольги Степановны появилось ощущение, словно кто-то недавно проходил здесь. Она удивленно огляделась, не понимая, что это значит. То ли слабый запах витал в воздухе, то ли герберы в вазе стояли как-то

иначе... Непонятно. Вытащив из сумки пакетик с желатином, Ольга Степановна собиралась вернуться на кухню, но что-то ее остановило. Медленно и как-то неохотно она подошла к тяжелой резной двери в гостиную. Ни голосов, ни каких-либо звуков из-за двери не доносилось, но у Ольги Степановны сложилось четкое впечатление, что ей сто́ит войти в комнату. Сопrotивляясь неожиданно возникшему глупому желанию, она хотела повернуться и пойти обратно в кухню, но дверь притягивала, манила, настойчиво просила открыть ее и заглянуть. Сжимая в руке гладкий бумажный пакетик, Ольга Степановна дотронулась до витой металлической ручки и чуть не отдернула пальцы – ручка оказалась вдруг теплой. Наконец она потянула дверь, та открылась, и Ольга Степановна вошла в гостиную.

Комната была пустой. Собственно, этого и следовало ожидать. Но какое-то неопределимое внутреннее чувство заставило женщину подойти к окну и внимательно осмотреть сад. Никого. Ни старика, ни даже прохожих за оградой не было. Ольга Степановна глубоко вздохнула и повернулась. В ближнем кресле, повернутом к окну, лежала Илона, подвернув ноги под себя, а на шее у нее вздулась багровая полоса с таким синеватым оттенком, какой бывал много лет назад у советских куриц. Эти куриные тушки с неожиданной четкостью встали перед глазами Ольги Степановны, заслонив на секунду лицо девушки с отвалившейся челюстью и высунутым неправдоподобно далеко сиреневым языком.

Мертвая Илона смотрела куда-то на гардины, и Ольга Степановна чуть не обернулась, чтобы посмотреть туда же. Остановило ее что-то, валявшееся на полу у кресла и приковавшее ее взгляд. Пряди черных обстриженных волос Илоны, а на них – ножницы. Ольга Степановна перевела взгляд на труп, заметила криво искромсанные волосы вокруг лица и дико закричала.

Звонок застал Макара, когда он возвращался к машине. Растерянно захлопав себя по карманам, Илюшин тихонько выругался – он думал, что здесь мобильник уже не будет работать, вот и спрятал его черт знает куда. Неизвестный названивал долго и упорно. Наконец Макар нащупал телефон и прижал его к уху.

– Да, я слушаю.

Пауза.

– Господин Илюшин?

– Да, я. С кем я разговариваю?

– Это Евгения Генриховна. Господин Илюшин, мне нужна ваша

помощь.

Вот так. Без предисловия, без «как ваше здоровье?». Впрочем, деловая женщина, что с нее взять.

– Чем я могу помочь? – вежливо поинтересовался Макар.

– В моем доме произошло убийство. Два часа назад.

Макар охнул про себя и тут же собрался с мыслями.

– Кого убили? – быстро спросил он.

– Илону, мою помощницу по дому. Ее задушили и оставили тело в гостиной.

Макар тут же вспомнил высокую черноволосую девушку, при встрече зазывно махнувшую было в его сторону тощеватым бедром, но быстро оценившую, что с ним ей ловить нечего. Он еще тогда подумал, что девушке лучше убирать волосы в прическу – они ей явно мешали. Интересно, что голос у Евгении Генриховны почти не изменился – непохоже, что она волнуется. Сильная женщина.

– Вы вызвали милицию, я надеюсь?

– Разумеется. Она сейчас в доме. Излишне объяснять, что я не рассчитываю на профессионализм ее сотрудников. И не думаю, что они раскроют преступление.

– А вам нужно, чтобы преступление было раскрыто? – не удержался Макар. И пожалел о своем вопросе – телефон вполне может прослушиваться, даже если госпожа Гольц звонит с сотового. Да и вопрос неумный.

Евгения Генриховна помолчала секунду – Макар услышал в трубке тихий скрип открываемой двери – и негромко, но очень резко сказала:

– Мне нужно, чтобы вы нашли убийцу.

– То есть вы хотите, чтобы я вернулся? – ответил Макар вопросом на вопрос. – Вы хотите, чтобы я прервал выполнение своего задания?

В трубке повисло молчание, на сей раз куда более долгое. В конце концов госпожа Гольц приняла решение:

– Нет, не хочу. Но я прошу вас помочь. В любом случае – вы же детектив.

«А вот это очень по-женски, – усмехнулся Макар. – Действительно, я же детектив. Правда, нахожусь за тысячу километров от места преступления, но все-таки...»

– Евгения Генриховна, – проникновенно сказал он. – Помочь вам я сейчас могу только одним: посоветовать другого хорошего детектива. Все остальные варианты требуют моего присутствия. Если вы хотите, я тотчас развернусь и поеду в Питер. Если нет, то запишите телефон Сергея

Бабкина. Он в Москве. Вот все, чем я могу вам помочь. Хочу предупредить: если вы выберете Сергея, то больше не обращайтесь ко мне за помощью в данном вопросе – вмешиваться я не буду. Я занимаюсь тем, чем занимаюсь, и ничем другим. Что вы выбираете?

– Диктуйте телефон, – не раздумывая, ответила Евгения Генриховна. – И будьте любезны, позвоните вашему другу, предупредите его.

Через пять минут, поговорив с Бабкиным, Макар уселся в машину и начал, по выражению Сергея, «морщить извилины». Любопытно, любопытно. Может статься, что убийство вообще не имеет отношения к исчезновению девушки – даже скорее всего, что не имеет, но может быть и наоборот. В любом случае, пока известна только личность убитой. В отличие от той несчастной, которая похоронена под простым деревянным крестом около деревенской церкви. Правда, рассказ батюшки кое-что прояснил, но не все. В частности, самого главного – где Элина Гольц. Но Макар уже был уверен, что дорога Элины закончилась не здесь.

Он завел машину, посмотрел на карту и тронулся с места. Через пять минут в зеркале перед его глазами отражался только позолоченный крест, но скоро исчез и он.

Сидеть в кресле Сергею было неудобно, но он не показывал виду. Он вообще не любил кресла, особенно такие мягкие, предпочитая устраиваться на полу, но позволить себе расположиться на ковре в чужой гостиной не мог. Интересно было наблюдать за реакцией людей, стоящих в комнате, – никто из них не садился. Тело уже увезли, милиция уехала час назад, никого, разумеется, не задержав, и теперь у Сергея была, как выразилась Евгения Генриховна Гольц, полная свобода действий. Возникал один закономерный вопрос – как ей распорядиться, этой свободой.

Бабкин еще раз оглядел людей в комнате – ему нравилось почему-то называть их персонажами. Итак, персонажи... Три дамочки разного возраста, из которых одна, самая старшая, потихоньку утирает глаза платочком, вторая нервно тербит рыжий локон, а третья, с бледным взволнованным лицом, к чему-то прислушивается. У мамы Бабкина была своя классификация всех особ женского пола, и сейчас он без труда определил видовую принадлежность каждой из присутствующих. Утирающая глаза платочком – безусловно, «хозяйюшка». Рыжая бледная кобылка – «стерва рациональная». Маленькая брюнеточка с лохматой гривкой – «замухрышка».

Теперь с мужиками. Евгения Генриховна успела познакомить Сергея со своим сыном, Эдуардом, но сейчас того не было в комнате. Впрочем,

даже если бы и был... По своему опыту Бабкин знал, насколько непредсказуемыми могут оказываться такие бесцветные, неплохо зарабатывающие мужики, воспитанные сильной и успешной мамой. Про Эдуарда Гольца он слышал еще от Макара, но тот о нем собственного мнения составить не успел. «Ну что ж, и мы не будем торопиться», – решил Сергей и перевел взгляд на вальяжного мужчину в замшевом коричневом пиджаке. «Ага, брат Евгении Генриховны, по совместительству муж рациональной стервочки. Пожалуй, самый собранный из всех присутствующих. И стоит в такой позе... ненапряженной, и к супруге со словами утешения не подходит». Только Сергей это подумал, как рыжая дамочка, нервно мотнув головой, подошла к супругу и негромко сказала что-то. Тот не отозвался. Дамочка повторила, наклонившись к мужу поближе, и тогда тот ответил. Что именно, Бабкин, конечно же, не расслышал, но зато увидел, как женщина дернулась и резко отошла от мужа. Постояла секунду, словно в нерешительности, и вышла из гостиной. Бабкин бросил взгляд вокруг себя, но никто не обратил внимания на то, что произошло: все стояли, задумавшись, по разным углам комнаты и со стороны представляли собой довольно занимательную скульптурную группу. А вот еще фигура – темноволосый парень лет тридцати, «смесь Джеймса Бонда и жиголо», как определил его для себя Бабкин. С него он и решил начать.

– Слушай, – Бабкин неуклюже поднялся с кресла и сделал шаг к Бонду, – подсоби, будь другом: надо бы стульев принести. Из кухни, там, или еще откуда.

Прежде чем ответить, парень помолчал пару секунд, изучая непонятого толстяка, глыбой нависшего над ним, но потом решил:

– Пойдемте, из столовой принесем. Действительно, все стоят, как памятники...

Он не договорил, но Бабкина позабавило сходство их ассоциаций. Не торопясь он вышел за парнем из гостиной и свернул в длинный коридор.

– Меня, кстати, Сергеем зовут, – негромко напомнил он о себе, когда они дошли до столовой. Парень встрепенулся:

– А меня Жорой. – И пожал Бабкину руку. – Извините, я со всеми этими делами даже не представился.

Бабкин неопределенно махнул рукой – дело, мол, обычное, убийство на всех так действует. Вместо того чтобы взять стулья и перенести в гостиную, Жора сел и потер лоб рукой.

– Черт, никак в себя не приду. – Он помотал головой, точь-в-точь как недавно рыжая кобылка. – Утром с Илонкой болтали, а через час...

– Ее нашли вы?

– Нет, метрдотель наша закричала как резаная, и я прибежал. А она в кресле лежит... – На лице Жоры явственно отразилось воспоминание о том, что он увидел.

– Не понял, кто это – метрдотель?

– Та бабулька с седыми волосами. Она в доме за всю еду отвечает, вот и зовем ее метрдотелем. По-хорошему, надо бы ее кухаркой называть, только вот ей не понравится.

– Хорошо, когда для тебя еду готовят, – протянул Бабкин, присев наискось от Жоры. – У вас ведь семья большая.

– У них, – поправил его парень. – Я-то, к сожалению, не семья. – Он усмехнулся, но ухмылка получилась неестественная. – Я, так сказать, золотая рыбка. Которая на посылках.

«А старуха у нас, значит, госпожа Гольц, – хмыкнул про себя Бабкин. – Любопытное распределение ролей». А Жора продолжал, не обращая на него внимания:

– Семья тут состоит из двух человек – из Евгении Генриховны и нашего маленького Эдика. А все остальные – так сказать, обслуживающий персонал.

– Опять не понял, – помотал головой Бабкин. – Вот женщина, рыжая такая, и ее муж – они разве не родственники? И еще одна, с черными волосами, помладше. Мне показалось, она родня хозяйки.

Жора помолчал немного, разглядывая свои ногти (с маникюром, как отметил Бабкин), потом тоном легкого превосходства протянул:

– Понимаете, Сергей, жизнь наша так устроена, что формально можно быть в родстве, а фактически... А фактически – удовлетворять чьи-то потребности. И терпеть вас будут только в том случае, если вы хорошо их удовлетворяете. Если же плохо – попросят вон в любой момент. А это, по моему, и есть главный признак обслуживающего персонала.

«Самоуверенный дурак, – поставил диагноз Бабкин. – Причем со склонностью к заумствованию. Будет трепаться до посинения обо всех и забудет, как меня зовут, к концу своего монолога. Ну что ж, это и хорошо – пускай поет». Только Сергей открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, как Жора прекратил рассматривать свои ногти, перевел на него глаза и неожиданно спросил:

– Ну что, господин детектив, понесем стулья страждущим или вы еще не все узнали?

...Спустя полчаса в кабинете Евгении Генриховны Сергей говорил:

– Собственно говоря, что вы ожидаете от меня услышать? Кроме того, что ваш секретарь отличается редкостной проницательностью, я вам пока ничего сообщить не могу. Да и то не исключаю, что информацию он получил от вас.

– Нет, – отмела его предположение хозяйка, – Мальчику я, разумеется, ничего не говорила. Да и дело вовсе не в том... просто... Видите ли, поскольку известно, кто убил Илону, ваше присутствие было нужно вовсе не затем, чтобы подозревать кого-то из домашних.

Слегка опешив, Сергей уставился на Евгению Генриховну во все глаза. Лицо у нее было бледное, губы стянулись в тонкую красную ниточку, но впечатления невменяемой женщины она вовсе не производила. Скорее даже наоборот – Бабкин готов был поклясться, что госпожа Гольц принадлежит к той категории людей, которых опасность заставляет мобилизовать все силы. Бизнес-вумен, одним словом. К таким женщинам Бабкин относился настороженно, видя в них исключительно заказчиков и партнеров, но никак не подруг жизни настоящего мужчины. Нет, женщина-подруга должна быть существом нежным, мягким, а после убийства, совершенного в ее доме, она должна утирать тонким платочком слезы и говорить прерывающимся голосом. Однако голос Евгении Генриховны не только не прерывался – в нем вообще не было слышно ни малейшего сомнения. «Известно, кто убил Илону»... Хм...

– Я вас правильно понял? – осторожно уточнил он. – Вы знаете, кто убил девушку?

– Разумеется, знаю, – раздраженно отозвалась Евгения Генриховна.

– Простите мое нескромное любопытство, но зачем тогда вам нужен я?

Госпожа Гольц пристально посмотрела на Бабкина темными, почти черными глазами, и он почувствовал некоторое замешательство. Черт, ну не умеет он с такими бабами работать! Вот с мужиками – любыми – за пять минут находит общий язык, а с такими... «Пускай Бегемота посылают, он обаятельный», – не к месту всплыла у него в голове цитата, и он недобрым словом помянул Макара.

– Ваш сарказм неуместен, – наконец сухо проговорила Евгения Генриховна. – Я сейчас изложу вам все обстоятельства, а вы ответите мне на некоторые вопросы.

Через пятнадцать минут, закончив записывать, Бабкин постарался осмыслить ситуацию. Итак, мы имеем Степана Затраву, движимого желанием завладеть бизнесом госпожи Гольц. Мы имеем с его стороны ряд действий, направленных на моральное подавление противника. Короче говоря, война войной. И наконец военные действия дошли до того этапа,

без которого полноценная война – не война, а именно: до физического уничтожения противника. Сергей покачал головой.

– Честно говоря, Евгения Генриховна, такой сюжет очень подходит для фильма про сицилийскую мафию, но не очень годится для наших российских реалий.

– Не вижу в нем ничего необычного, – парировала госпожа Гольц. – Если люди Затравы считают возможным переломать руки одному из моих мастеров, то почему бы им не сделать следующий шаг? А потом, вы забываете об одной важной вещи.

– О какой?

– О волосах, которые отрезали. Я ведь говорила вам: когда Ольга Степановна нашла девушку, у той были отрезаны волосы. И сверху лежали ножницы.

Бесстрастный тон, которым Евгения Генриховна излагала подробности, заставил Бабкина примерить на нее роль убийцы. Но в следующую секунду госпожа Гольц произнесла тем же невозмутимым тоном:

– Кстати, что касается меня, то у меня – алиби. На целый день. Я была в своем офисе с самого утра.

«Волосы. Черт, еще и волосы! А еще не в меру активный конкурент! Хорошая у меня петрушка вырисовывается...»

– Что вы хотели у меня спросить? – Бабкин решил переключиться.

– Во-первых, нужно ли мне рассказывать в милиции то, что я сообщила вам?

– Нужно, конечно, – без колебаний ответил Сергей. – Им ваша информация может помочь раскрыть преступление, потому что, согласитесь, возможности прокуратуры куда больше, чем возможности одного отдельно взятого детектива. А потом, вам сокрытие истории о нападении на ваш бизнес вообще ничего не дает. Да я и не сомневаюсь, что через очень короткое время следователь будет в курсе. Поэтому чем меньше неправды, тем лучше.

– Ну что ж, – кивнула головой Евгения Генриховна, – вполне разумно. Тогда второй вопрос: вы, лично вы, согласитесь взяться за это дело?

Старательно взвешивая слова, Сергей ответил:

– Видите ли, я пока не вижу, чем могу быть полезен. Ведь фактически дело идет о собирании улик. Понятно, что Затрава не сам убил вашу несчастную уборщицу. Следовательно, надо перешерстить все его окружение, выяснить, кого он применяет для таких дел, допросить и так далее. Со всем этим два опера справятся на порядок лучше, а главное,

быстрее меня. Хотя бы потому что у них есть «корочки» и люди обязаны с ними разговаривать. А со мной – нет.

Бабкин решил не объявлять раньше времени, что «корочки» есть и у него, честно купленные два года назад за не слишком большую сумму. Но он искренне не понимал, что может сделать в данной ситуации.

– Все, сказанное вами, справедливо, за исключением одного, – заметила Евгения Генриховна. – Если бы наши правоохранительные органы работали честно, я бы не обратилась к вам. Но Затрава покупает всех. Я не сомневаюсь...

Она не договорила, но Бабкин понял. В голове у него мелькнула мысль, что при таком раскладе его труп, как и труп дочери госпожи Гольц, Макар будет искать до конца своих дней, но детектив постарался неприятную мысль отогнать. В конце концов, сейчас же не бандитские девяностые! «Сейчас бандитские двухтысячные», – шепнул зловредный голос в голове, но Сергей не стал его слушать.

– Так что вы хотите от меня? – устало повторил он в третий раз.

– Я хочу, чтобы вы собрали улики. Чтобы вы нашли человека, который убил Илону.

– И что вам это даст?

– Много. Тогда мои слова будут подкреплены фактами. Тогда делом будет заниматься уже не районная прокуратура, или кто там его расследует, а совсем другие люди.

– Хорошо, – кивнул Бабкин, сдаваясь. – Но мне нужны все данные по убийству...

– Тут вы можете не волноваться, – махнула рукой Евгения Генриховна. – Вам окажут полное содействие.

Фраза – про полное содействие подействовала на Бабкина странным образом. Он неожиданно ощутил себя новобранцем перед лицом генерала, выигравшего несколько ожесточенных сражений. Или мелким просителем перед лицом, облеченным такой властью, что о ней можно говорить только шепотом. «Разрешите откланяться» уже просилось у него с языка, но тут Евгения Генриховна пододвинула к нему бумажку, предварительно что-то написав на ней.

– Вот сумма, – пояснила она, глядя в непонимающие глаза Сергея, – которую вы получаете в любом случае. Плюс – еще столько же, если найдете исполнителя. Вот по этим телефонам будете связываться со мной, а вопрос со следователем я решу в ближайшие четыре часа. Все, что знают они, будете знать и вы.

«Аудиенция окончена», – понял Сергей, встал, аккуратно свернул

бумажку, поклонился и быстро вышел из комнаты. За дверью он еще раз посмотрел на число, выписанное красивым почерком без наклона, хотел что-то сказать самому себе, но только махнул рукой. Интересно, как его Макар охарактеризовал, если ему предлагают такие деньги? «Интересно, какая гадость тебя ждет, если тебе предлагают ТАКИЕ деньги?» – поправил его тот же зловредный внутренний голос. На этот раз Бабкин решил к нему прислушаться и быть очень осторожным.

На следующее утро, сидя в гостиничном номере, Сергей изучал данные по убийству Илоны Андреевны Ветровой, двадцати двух лет, русской, незамужней, приехавшей откуда-то из-под Тулы. Убита около полудня – задушена куском бечевки. Бечевка валялась тут же, рядом с местом преступления. Судя по всему, девушка задушена в том же кресле, где ее нашли. Волосы обрезаны обычными ножницами, которых в каждом хозяйственном магазине – по три штуки на столик. Ножницы демонстративно брошены на волосы сверху. Убийца, по-видимому, проник в дом через наружную дверь – ни камер, ни сигнализации там не установлено, а некоторые из живущих в доме вообще не закрывают ее за собой днем. Дама, работающая поварихой, призналась, что забыла закрыть дверь, уходя в магазин. И она же нашла тело около двух часов дня. Любопытно, любопытно... Надо бы получше присмотреться к дамочке.

Чем больше анализировал Бабкин данные, тем сильнее крепло в нем ощущение, что в доме должен быть сообщник. Просто не может его не быть! Нужно было знать кучу вещей: что дверь оставляют открытой, что в доме именно в тот день никого не будет, что жена Эдуарда Гольца отводит ребенка в садик, а жена Боброва уезжает в свою галерею... Хотя постойте, вот как раз жена Гольца была днем дома. И Боброва, кстати сказать, тоже. «Полный бред!» – выругался Сергей и поднялся со стула. Стул освобожденно скрипнул, но преждевременно: Бабкин сел на место, и ножки издали жалобный звук. «Полный бред. Что за убийство в присутствии трех, а то и четырех человек в доме? В любой момент исполнителя могли заметить. И потом, откуда он знал, что девушка будет убираться в гостиную именно в это время? Вот если ему было все равно...»

Сергей опять встал со стула и подошел к окну с видом на помойку. Машина, стоявшая около мусорных контейнеров, вытряхивала длинной железной лапой их содержимое себе внутрь. Сергей заметил мелькнувшую среди каких-то объедков игрушку и засохшие цветы. «Все равно... Да, убийце вполне могло быть все равно. Тогда он шел убивать не конкретную Илону Ветрову, а любого человека, который оказался бы в доме.

Желательно – женщину, потому что ему нужно было обрезать ей волосы. Но и с мужчиной он бы справился. А в таком случае ему нужно было знать не так уж и много: что дверь часто не запирают, что в доме постоянно находятся какие-то люди, что выйти можно через заднюю дверь, а камер слежения нет. Собственно говоря, достаточно даже для неподготовленного человека, а уж если Затрава держит своего мастера для подобных дел, то и подавно».

Удовлетворенно хмыкнув, Бабкин налил в любимую чашку, которую всегда возил с собой, сока и выпил его одним глотком. Пора было приступить к активным действиям.

Глава 9

Утро субботы началось для Наташи с плача Тимоши, которому приснился страшный сон. Успокоив мальчика и уложив его обратно в кроватку, Наташа вернулась в свою комнату и заметила, что Эдик не спит. Притворяется, закрывает глаза – но не спит.

– Эдя, – негромко позвала она. – Ты чего не спишь?

Эдик неумело попытался всхрапнуть и перевернулся на другой бок. Протерев глаза, Наташа взглянула на часы. «Господи, пять утра!»

– Эдик! – толкнула она мужа локтем. – Хватит притворяться, все равно у тебя ничего не получается.

– Почему не получается? – повернулся к ней Эдик.

– Потому что. Ты чего не спишь, спрашиваю?

– Не могу заснуть, – признался Эдик, усаживаясь на кровати. – Только задремлю, и... – он запнулся, – мертвая Илона начинает сниться. Понимаешь, ерунда какая?

– Господи, бедняжка мой! – Наташа обняла мужа и прижалась к нему. – Давай я тебе массаж сделаю, хочешь?

– Наташа, ты что? Какой массаж? В нашем доме вчера человека убили! Просто пришли и убили! А ты мне массаж предлагаешь сделать!

Наташа покачала головой, с жалостью глядя на Эдика. «Правильно говорят, что женщины более устойчивы к стрессу, чем мужчины, – пришло ей в голову. – Достаточно на Эдика посмотреть и на его маму».

– Солнышко мое, – вкрадчиво заговорила она, – а кроме массажа еще на что-нибудь есть запреты?

– В каком смысле? – не понял Эдик.

– Ну, например, на секс. Ведь мы с тобой не можем сейчас заняться любовью, правда? Я думаю, должно пройти не меньше месяца, чтобы мы смогли... Да?

– Наташа, ну зачем ты так извращаешь? – рассердился Эдик. – Я тебе на полном серьезе говорю, а ты...

– Так ведь и я на полном серьезе! – перебила его Наташа. – Я полностью принимаю твою точку зрения. С этого момента – никакого секса следующие тридцать дней.

Эдик обернулся и взглянул на жену. Наташа сидела на кровати, и через кружево сорочки просвечивала соблазнительная нежная грудь. Глаза у нее после сна были слегка раскосые, и Эдику вспомнились рассказы о юных

девочках из северных племен, которых предлагают гостю, чтобы он лишил их девственности. Его те рассказы всегда приводили в такое состояние... в такое неопишуемое состояние... В общем, в такое, от которого он краснел. Наташа с ее черными волосами, с бледным, совсем юным личиком, с маленькой полоской от подушки, отпечатавшейся на нежной щеке, вызвала в нем прилив столь сильного желания, какого он сам от себя не ожидал.

Все время, пока Эдик изучал ее, Наташа смотрела на него невинными глазами. Наконец протянула:

– Можно я тебя поцелую один-единственный раз? А после... В общем, месяц, договорились?

Она потянулась к Эдику, тонкая бретелька свалилась с плеча, открыв грудь, и Эдик, потеряв голову, прижался к этой ароматной груди, забыв обо всем.

Через двадцать минут он лежал на постели, мурлыкая от удовольствия, пока Наташа разминала ему шею и плечи.

– Милый, по-моему, мы с тобой две аморальные личности, – шепнула Наташа ему на ухо. – Особенно ты. Как же можно... вот такими вещами заниматься и в такое время!

– А ты все специально сделала! – пропыхтел Эдик, уткнувшись носом в подушку.

– Конечно, специально, – легко согласилась Наташа. – Потому что хочу тебя все время, независимо от того, что происходит – умирает кто-то, или рождается, или снег идет на улице, или град. На наши с тобой отношения ничто постороннее совершенно не должно влиять.

Эдик лежал, не отвечая, и она с тревогой подумала, что он сейчас встанет. Через пару минут он повернулся на живот и спросил:

– А про то, что ты меня всегда хочешь, – это правда? Или так, для красного словца?

Секунду Наташа смотрела на него, а потом расхохоталась так заразительно, что и Эдик захохотал вместе с ней. Они опять повалились на кровать и стали возиться, как два щенка. Когда Эдик через три часа смотрел на себя в зеркало, умываясь, он видел совершенно счастливого человека.

Завтрак проходил в молчании. Время от времени появлялась Ольга Степановна, озабоченно спрашивала, не добавить ли тостов и не сварить ли кофе, но все только качали головами. В конце концов Ольга Степановна, всхлипнув, исчезла на кухне, а семейство Гольц продолжало завтракать.

Сегодня за столом сидел и Мальчик Жора. Наташа как раз пыталась

понять, для чего Евгения Генриховна пригласила его, когда госпожа Гольц заговорила.

– Я хочу, – без предисловия начала она, – чтобы с нынешнего дня в доме закрывались все двери. Это понятно? Ольга Степановна! – повысила она голос. – Ты слышишь, что я говорю?

– Нет, Женечка, не слышу.

Ольга Степановна появилась в дверях столовой, и Наташа заметила, что сегодня ее седые завитки не уложены, как обычно, вокруг головы, а убраны в неряшливый хвост. Глаза у «метрдетеля» были опухшие.

– А ты сядь с нами, – предложила Евгения Генриховна почти ласково, но Ольга Степановна ее ласковости почему-то совершенно не обрадовалась. – И послушай, что я говорю. Мальчик Жора слушает, и ты послушай.

Ольга Степановна безропотно опустилась на стул рядом с секретарем и уставилась на скатерть.

– Так вот, по поводу дверей, – продолжила Евгения Генриховна. – Отныне все двери, разумеется, нужно закрывать. Мальчик, реши вопрос по поводу камер. Я хочу, чтобы их установили везде, по всему периметру дома.

– Давно пора, я тебе сто лет про них говорил... – начал было Игорь Сергеевич, но наткнулся на взгляд сестры и осекся.

– Я хочу, чтобы каждый из вас понял: Затрава очень опасен. Этот человек не остановится ни перед чем, поэтому каждый из вас должен принять свои меры предосторожности. Разумеется, прокуратура расследует преступление, но на наши правоохранительные органы у меня надежды мало, откровенно говоря. Наташа, старайтесь не ходить одна. Ты, Эдик, пожалуйста, договорись с охраной своего банка.

– Мама! – страдальчески поднял глаза к потолку Эдик. – Ну о чем я с ними договарюсь?

– Поставь их в известность о ситуации, – не терпящим возражений голосом приказала Евгения Генриховна, – а дальше уже не твое дело. Так... Алла, когда закрывается твоя галерея?

– Наверное, через месяц, – протянула Алла Дмитриевна. – А что?

– То, что тебе предпочтительнее посидеть пока дома. Возьми отпуск или больничный.

Внезапно раздался хриловатый голос Боброва:

– Знаешь, Женечка, я думаю, что Алле ничего брать не надо. Давай не будем паниковать и переходить на осадное положение. Вполне возможно, что Алле даже безопаснее будет находиться пока на работе, а не... не дома.

Так что ты... ты не паникуй раньше времени.

Наташа посмотрела на свекровь и подумала, что меньше всего к той применимо слово «паниковать». Госпожа Гольц, подняв брови, посмотрела на Аллу Дмитриевну, но та сидела, уставившись в скатерть. Точь-в-точь, как Ольга Степановна. И тогда Евгения Генриховна перевела взгляд на брата. Господин Бобров постарался сделать вид невозмутимый, но у него не очень хорошо получилось.

– Игорь, – голос Евгении Генриховны звучал дружелюбно, но Наташу чуть не передернуло, – скажи мне, пожалуйста: ты знаешь что-то, чего не знаю я?

– Женечка, я не понимаю, о чем ты?

Евгения Генриховна продолжала смотреть на Боброва, и Наташе подумалось, что сейчас он вскочит и убежит из столовой. Но вместо него вскочила с места его жена.

– Нет, это невыносимо, совершенно невыносимо! – вскрикнула Алла Дмитриевна и быстрыми шагами вышла из столовой. По ковру негромко простучали каблуки и затихли в отдалении.

– Женя, извини, – нарушил молчание Игорь Сергеевич. – Она не в себе после вчерашнего.

Евгения Генриховна, не взглянув на брата, молча кивнула и продолжила пить кофе.

– Мамочка, – раздался у Наташи под боком голос Тимоши, – я еще тостов хочу.

– Сейчас, маленький, сейчас! – закудаhtала Ольга Степановна и убежала на кухню.

– Мама, я сейчас хочу, – ныл Тим. – Дай мне твой кусочек.

Наташа попыталась что-то объяснить сыну, но не преуспела.

– Господи, да успокойте же своего ребенка! – не выдержала Евгения Генриховна. – Невозможно завтракать.

Эдик тут же взвился:

– Не своего ребенка, мама, а нашего!

Пораженная Наташа взглянула на мужа. Тот рассерженно смотрел на мать, готовясь сказать что-то нелицеприятное, и почему-то напомнил ей виденного недавно по телевизору суслика, готового к нападению на другого суслика – захватчика территории. От столь неожиданного сходства Наташа чуть не расхохоталась в голос, но вовремя удержалась и встала из-за стола.

– Эдя, Евгения Генриховна права, – спокойно заметила она, и Эдик тут же замолчал. – Тима ведет себя сегодня непозволительно. Я его уведу. Выйди из-за стола, – обратилась она к сыну. Малыш попытался что-то

сказать, но Наташа, не повышая голоса, повторила: – Выйди из-за стола. Ты наказан. – И мальчик безропотно подчинился.

Наташа вывела Тима за руку из столовой и услышала, как за спиной Ольга Степановна что-то недоуменно говорит про тосты.

Бабкин только что побеседовал с пожилым опером, отнесшимся к нему крайне недружелюбно, и теперь отправился в парк, чтобы обдумывать ситуацию. Мужика он понимал хорошо: когда тебе в категорической форме приказывают делиться информацией с каким-то хреном с бугра, не имеющим никакого отношения к конторе, и ты прекрасно понимаешь, что в случае чего будешь крайним, то тут уж не до дружелюбия. Но то, что ему требовалось, Бабкин выяснил.

У самого Затравы, разумеется, было алиби. Сергей очень удивился бы, если бы этим самым алиби Затрава не потрудился себя обеспечить. Представив, как шеф небольшой, но очень агрессивной конторы крадется по особняку Гольц, чтобы придушить чернявую уборщицу, Бабкин хмыкнул. Это было бы хорошо для дешевого голливудского боевика, не более. В жизни такого не бывает.

В беседе со следователем Степан Затрава недвусмысленно дал понять, что госпожа Гольц сама пристукнула собственную уборщицу, чтобы таким нехитрым способом свалить вину на него, Затраву. Опер, пересказывая содержание разговора, хмуро заметил:

– Паяц он какой-то, а не мужик. Правда, пронырливый, сволочь. На кота похож.

На кого похож Степан Затрава, Бабкин уже знал. Он чуть не сказал оперу, что паяцы не сколачивают такое состояние к сорока пяти годам, но удержался. А вот что-то кошачье во внешности «персонажа» и впрямь было.

– По ножницам и по веревке ничего нет, – продолжал опер. – Да тухлое дело, чего там говорить! Хотя... тебе-то за работу хоть деньги платят, вот и флаг тебе в руки.

Бабкин прекрасно понимал собеседника. Да, Сергею платили деньги, а ему... Зарплата опера за месяц куда меньше обещанной Бабкину суммы. Но тут уж Сергей ничего поделать не мог, да и не собирался. Подстелив заботливо припасенный пакетик на лавочку в уютном уголке парка, как приучил его делать Макар, детектив уселся и стал размышлять.

В фирме Затравы работало около сорока человек. На первый взгляд это было очень много. Но Бабкин понимал: хозяин вовсе не держит у себя штат из полусотни бойцов, каждый из которых способен убивать конкурентов

бечевкой, заточкой или листом ватмана. Нет, большинство его работников были вполне законопослушными, мирными людьми.

«Если Затрава нашел исполнителя заказа на стороне, нам на него никогда не выйти, – нахмурился Сергей. – А если говорить совсем точно, то не нам, а мне. Макар-то шастает по бескрайним просторам нашей родины и занимается своим делом». Он раздраженно побарабанил пальцами по мягкой коричневой папке с бумагами по убийству. «С другой стороны, такие люди, как пронырливый Затрава, предпочитают обычно для каждой цели держать своих исполнителей. Многофункциональных. Их, в крайнем случае, убирать значительно легче, чем почти неизвестного чувака со стороны. А мне гораздо проще тех исполнителей искать».

Сергей внимательно просмотрел досье на всех людей Степана Затравы и убедился, что круг его поисков не просто сузился, а очень сузился. Из четырех десятков человек на роль киллера подходили только несколько. К тому же, кроме доблестных правоохранительных органов, у сыщика были и другие источники – Бабкин называл их «консервами», – и вот эти самые «консервы» сейчас оченьгодились. Итак, Авдеев Виктор, тридцати двух лет, по национальности – украинец, спортсмен – стрельба по мишени... Замечательно, конечно, но в нашем случае совершенно не подходит. И даже не потому, что Илона Ветрова не была мишенью, а потому, что Авдеев Виктор две недели назад улетел на историческую родину и пока еще пребывал там, если верить источнику. А вот Олег Ерофеевич Ботвинник последние полгода находился в Санкт-Петербурге.

Глядя на фотографию господина Ботвинника, Бабкин покачал головой. Внешность у того была самая что ни на есть подходящая. Чезаре Ломброзо, увидев Олега Ерофеевича, радостно потер бы руки и немедленно использовал бы его данные для своей теории. Низкий лоб, глубоко посаженные глаза, крупный нос, к тому же перебитый в юности... Илона Ветрова могла сама умереть, просто от разрыва сердца, увидев такой «персонаж».

Бабкин покрутил фотографию в руках и с сожалением отложил в папку. Ботвинник был главой информационного центра Затравы, собирал со своей командой данные на всех тех, кто попадал в поле зрения босса, анализировал их и заодно предлагал свои прогнозы для той или иной ситуации. Интеллект у Ботвинника был такой, что Чезаре Ломброзо мог бы только плакать горячими слезами. Скажем, от зависти. «Красавца» не раз пытались у Затравы сманить, но Ботвиннику было хорошо на своем месте, и он никуда с него уходить не хотел. Или не мог, подумал Бабкин. Но в данный момент это принципиально. Принципиально то, что господин

Ботвинник, несмотря на внешность, больше подходящую антигерою в голливудском триллере, убийства не совершал. Во всяком случае сам, лично, точно не совершал.

То же и с Козловым Алексеем Алексеевичем. Неприметный такой мужичонка, правая рука Затравы, по образованию экономист... Что он там заканчивал? Бабкин заглянул в папку и, увидев, что заканчивал Алексей Алексеевич, присвистнул. Задумался. «А говорят, что наши мозги получают у буржуев образование и у них же, буржуев, его и применяют. А вот и нет! У нас, у нас решил применить свои мозги Алексей Алексеевич Козлов. Ладно, черт с ним, посмотрим дальше...»

Несколько фотографий с подробным описанием «персонажа» на обороте Бабкин тоже отложил, а над следующей задумался. Юрий Воропаев... Русский, двадцать девять лет, бывший спортсмен – мирная гребля. Медалей никаких не получал, пытался заниматься мелким бизнесом, не преуспел и осел у Затравы. «А теперь вопрос на засыпку, – подумал Сергей. – На фига ты Затраве сдался, такой молодой и красивый? Мозгов у тебя, судя по биографии, немного. Ты неходишь в круг его знакомых или знакомых его знакомых. Так зачем тебя держит при себе уважаемый Степан Михайлович?»

Быстро просмотрев данные, Бабкин выяснил, что в день, когда избили одного из мастеров Евгении Генриховны, мальчика весьма денежного и перспективного, Юрий Воропаев находился в Питере. Никуда он не уезжал из города и в пятницу, когда убили Илону. Правда, два человека утверждают, что Юра ходил с ними на шашлыки... Но шашлыки ведь дело такое: про сами шашлыки ты помнишь, а вот про тех, кто с тобой был, можешь и забыть. Или перепутать. Не было, скажем, с тобой рядом господина Воропаева, а тебе кажется, что был. Не-ет, шашлыки – это несерьезно...

Из ближайшей забегаловки аппетитно пахнуло мясом с мангала, и Бабкин решил сделать перерыв и перекусить. Аккуратно убрав все бумаги назад в папочку, он встал, свернул пакетик, на котором сидел, и положил в карман, а затем не торопясь двинулся в сторону кафе. Двое пацанов на роликах, катающиеся неподалеку, переглянулись, и один покрутил пальцем у виска: здоровенный дядька, размером с полтора шкафа, а подкладывает под себя пакетик. Да он на всей скамейке еле поместился! Не, чистый придурок...

Евгения Генриховна безучастно проследила за тем, как Ольга Степановна убирала со стола, и осталась сидеть в столовой. Ей нужен был

Знак, и она чувствовала, что он должен быть именно здесь. Раскладывая произошедшее за последние двое суток по полочкам, она прекрасно видела всю ситуацию в целом, и ее удивляло, как кому-то может быть что-то неясно. Очевидно, что после ее разговора с Мамоновым Затраву прижали и он решил ответить убийством кого-то из находившихся в ее доме. Евгения Генриховна тоже дошла до мысли, что объект убийства был выбран случайно, и сейчас хладнокровно обдумывала, кто может оказаться следующей жертвой. Предусмотреть следовало все.

Логично, если это будет либо жена сына, либо ее ребенок. Вряд ли люди Затравы так хорошо осведомлены об отношениях в семье, чтобы понимать: исчезновение постоянно орущего и раздражающего ее существа ничего, кроме облегчения, всей семье не принесет. Нет, для них ребенок – это то, вокруг чего должна быть сконцентрирована жизнь в доме, и даже то, что ребенок не родной, ничего не меняет. Или невестка... Хотя нет, с невесткой все по-другому: я ведь могу отказаться идти на какие-то жертвы ради нее. К тому же причинить вред взрослому человеку сложнее, чем ребенку.

Евгения Генриховна понимала, что дело с ее салонами на ближайшее время не сдвинется ни в ту, ни в другую сторону – сражение вышло на новый уровень. К тому же интуиция подсказывала ей, что она, задействовав тяжелую артиллерию в лице Мамонова, в основном решила вопрос, связанный с бизнесом. Правда, приобрела проблему, связанную с угрозой ее семье. Затраву, при всей его расчетливости, она оценила скорее как авантюриста, а не как бизнесмена, что означало: поражение он так просто не примет. Остается узнать, кого он задействует в качестве следующего объекта. А посему нужен был Знак.

Евгения Генриховна подошла к окну и открыла створку. В столовую холодной волной ворвался свежий ветер, чуть не сдув вазу с розами и взметя шторы. Подставив его порывам лицо, Евгения Генриховна прикрыла глаза и прислушалась к звукам. За оградой время от времени шумели машины. Поскрипывал старый тополь. Шаркала метла в отдалении – старик подметал крыльцо, как обычно, после своего завтрака. Эдик ходил где-то за домом – она слышала его чуть повизгивающий смех. Смех... Элина смеялась совсем не так. Она начинала смеяться сначала чуть застенчиво, как люди, стесняющиеся своих зубов, но потом внезапно заливалась хохотом во все горло. И снова резко умолкала в совершенно неожиданный момент. Столь быстрый переход придавал ей такое очарование, такую прелесть...

Холодный весенний ветер высушил слезы на щеках Евгении

Генриховны, но она не заметила ни этого, ни даже самих слез. Знака пока не было, хотя она прислушивалась. Ничего. Сейчас что-то произойдет...

– Я тебя убил! – неожиданно раздался громкий, пронзительный крик прямо под окном, возле которого стояла Евгения Генриховна.

Госпожа Гольц дернулась и больно ударилась виском об раму. Открыв глаза, она увидела сидящего под окном на корточках белобрысого мальчишку с игрушечным пистолетом в руках, нацеленным на нее.

– Я тебя убил! – повторил Тимофей, размахивая пистолетом. – Ты теперь будешь совсем мертвая. Ну все, я к маме побежал.

Ребенок вскочил и умчался за дом, туда, откуда раздавался смех Эдика. Ошеломленная Евгения Генриховна закрыла окно, торопливо задернула его шторами и опустилась на стул. Висок болел просто невыносимо. Заставив себя подняться, она прошла к холодильнику, достала лед, приложила его к виску, вернулась в столовую и долго сидела, уставясь в одну точку темными, почти черными глазами. А струйки талой воды стекали по ее щеке и ладони.

* * *

За то время, пока они шли с утра, девушку стошнило не меньше пяти раз. Она уже перестала считать и перестала прятаться от остальных Безымянных, потому что все равно было бесполезно: два «охранника» следовали за ней почти по пятам. И смотрели без всякого выражения на лицах, как ее выворачивает наизнанку на хвойную подстилку, из которой торчали сочные зеленые кустики.

Они брели через лес уже второй день. Данила предупредил, что предстоит самый трудный этап Пути, самый длинный, и закончится он испытанием для всех. Девушка вспомнила свое последнее испытание, и ее снова начало рвать.

Кроссовки порвались – у правой почти отвалилась подошва. Она попыталась подвязать ее веревочкой, но получилось плохо, неудачно. Пересилив себя, девушка подошла к Даниле и начала объяснять, что случилось, но он смотрел на нее отстраненно, без всякого сочувствия, и в конце концов она смешалась и отошла от него. После того, что случилось на сеновале, он больше не приходил ночевать к ней, и ее оставляли в палатке с женщиной, похожей на мертвую ворону. Иногда с ними рядом ложился один из «охранников». Когда он вошел в палатку первый раз, девушка с ужасом подумала, что он ее изнасилует, а страшная Безымянная

будет ее держать. Но «охранник» лежал тихо, к девушке даже не притронулся, и после второго такого совместного ночлега она немного успокоилась.

В голове у нее что-то сместилось. Она это понимала, проговаривая то же самое словами: «В голове у меня что-то сместилось». Тогда ей почему-то становилось немного легче, словно слова объясняли весь тот кошмар, который произошел с ней за последнее время. Но вообще-то ей было постоянно тяжело. Тяжело физически, словно она несла две ноши. Болели и опухали ноги, время от времени ныла поясница, а иногда начинала кружиться голова, и тогда казалось, что вокруг нее тысячи деревьев, а людей нет вовсе. И она не понимала, что происходит. Данила был не Данила. Не тот любимый ею человек, которому она доверяла безоговорочно, которого называла Учителем и ласкала по ночам, прижимаясь к его стройному, сильному телу. Этот смотрел ледяными голубыми глазами и отстранялся, когда она подходила. Этот позволил сделать с ней такое... такое, чего она не смогла бы рассказать никому. Девушка вспомнила глаза, смотревшие на нее из сена, и ее опять начало мутить.

Куда они идут, она не понимала. Данила каждый вечер что-то говорил о святыне, рассказывал, почему она так важна для них, и все согласно кивали. Девушка тоже кивала, но не понимала ни слова. Зато она понимала, как важно сейчас для нее притворяться, стараться слиться с остальными в единую массу Безымянных. Она отчетливо ощущала, насколько отличается от них, но в последнее время, когда тихонько, про себя, повторяла, словно молитву, свое имя, ей казалось, что она его придумала. И нет такой девушки с красивым именем Элина, а есть только Безымянная, которую ждет испытание. Вот что пугало ее больше всего.

А еще – люди. Когда она наконец поняла, что они просто сумасшедшие, то начала бояться их всех. Панически, до дрожи в ногах. Она уговаривала себя, как маленькую, но ничего не помогало до тех пор, пока они не вошли в лес. В лесу она почувствовала себя гораздо спокойнее.

С обострившейся интуицией она понимала: люди вокруг нее опасаются темноты, опасаются шума деревьев, ночных шорохов. А для нее, совершенно городской девочки, лес был союзником. Его она не боялась. Пару раз ей казалось, что она может убежать и спрятаться в спасительной чаще, но за спиной неотступно следовали «охранники». Девушка понимала, что если она предпримет хоть одну попытку, то будет лежать под тонким слоем земли – так же, как несчастная Вера, которую они даже не потрудились как следует закопать. «А может, меня и так закопают, –

размышляла она, ковыляя по лесной дороге следом за приземистым, толстым безымянным. – Я буду лежать и слушать деревья. Это будет счастье». У нее даже мелькала мысль спровоцировать своих двух «охранников», чтобы они уже наконец убили ее и она перестала мучиться. Но остатки здравого смысла говорили о том, что она может сбежать, что они скоро дойдут до какой-то деревни, а там будут люди, нормальные люди, к которым она обратится за помощью.

До деревни оставалось меньше трех часов пути, когда Данила, пропустив цепочку безымянных вперед, подозвал одного из «охранников» девушки.

– Слушаю, Учитель, – покорно опустил голову тот, приблизившись.

Данила внимательно посмотрел на мужчину. Мелькнуло сомнение и ушло. Нет, этот полностью прошел предыдущие испытания и достойно пройдет новое.

– Безымянный, ты знаешь, какая миссия возложена на тебя сейчас, – веско проговорил Данила.

«Охранник» в ответ только ниже склонил голову.

– Безымянная – ты знаешь, о ком я говорю, – попробует помешать нашему Пути. Полагаю, что в Шатонино.

– У нее не получится, – глухо заметил мужчина.

– Хорошо. Я полагаюсь на тебя. Слушай Господа.

– Слушай Господа.

Данила занял свое место во главе паломников, а «охранник» переместился поближе к девушке, сильно прихрамывающей на правую ногу.

– Послушай меня, Безымянная, – позвал он через некоторое время.

Девушка обернулась и удивленно взглянула на него. Его поразило, насколько изменилось ее лицо за последние дни – заплыли и покраснели глаза, а на коже проявились красные прожилки.

– Ты хромаешь, – без выражения заметил он. – Я помогу тебе перевязать обувь. Сними.

Девушка заколебалась, но через несколько секунд кивнула, свернула на обочину дороги и тяжело опустилась в мох. Она стащила с себя кроссовки, и мужчина обратил внимание, что даже такое простое действие далось ей с трудом. Махнув рукой второму «охраннику», обернувшемуся к ним, он достал из кармана плаща несколько шнурков разной длины и ловко примотал подошву. Старые нитки, надерганные девушкой из одежды, он выкинул за плечо. Примерив обувь, она поняла, насколько легче ей будет теперь идти, и в порыве благодарности негромко сказала:

– Спасибо тебе большое. Как тебя зовут?

Мужчина взглянул на нее с изумлением и негодованием, но она повторила:

– Как тебя зовут? Я хочу знать, кого мне благодарить. И не говори, что Господа, – ему я и так скажу спасибо.

– Василий, – тихо сказал мужчина.

И девушка, кивнув головой, повторила:

– Василий. Спасибо тебе, Василий.

«Охранник» хотел, кажется, что-то сказать, но передумал и быстрыми шагами пошел догонять ушедших далеко вперед паломников. Девушка, постояв секунду, последовала за ним. Теперь она знала, что не одна такая – остальные тоже хотят быть с именами, что Данила не всех подчинил себе. У нее есть союзник! Василий. Какое чудесное, хорошее имя! И нога стала болеть гораздо меньше... «Господи, – сказала она про себя, – спасибо тебе за всех добрых людей, которые рождаются на свет. Таких, как, например, Василий. Храни их, Господи».

Вечером, когда быстро и сновисто ставили палатки, тот, кого она сочла своим союзником, искоса поглядывал на девушку. Та казалась повеселевшей. «Правильно Учитель говорил, – подумал мужчина, – дьявольское есть в любом, особенно в том, от кого этого не ожидаешь. А значит, нельзя верить никому, кроме Господа и Учителя. Конечно, ее стоило бы убрать прямо сейчас, чтобы она не смущала остальных, не таких крепких духом. С другой стороны, она для чего-то нужна Учителю, а Учитель всегда знает, что делать. Хорошо, что я починил ей обувь, – не то у меня оставались бы сомнения, а теперь их нет».

Мужчина вспомнил соседского кота Ваську, которого он задушил как-то ночью, будучи еще подростком, приманив поганую орущую тварь куском свежей рыбы, и на лице его появилась слабая улыбка. Заметив ее, девушка улыбнулась ему в ответ. И первую ночь после произошедшего на сеновале она спала без кошмаров.

Глава 10

Эдик подошел к комнате матери и остановился. Зачем он ей понадобился? Хотя понятно зачем – убили Илону, да еще так ужасно, и теперь мама хочет обсудить с ним, что делать дальше. Но ведь она уже предприняла все возможные меры. И наняла детектива, похожего на дважды увеличенного вширь и вверх Депардье, и распорядилась установить камеры. Утром долго беседовала о чем-то с Мальчиком Жорой – при мысли об этом жалком существе Эдик поморщился – и после отправила его с секретным поручением неизвестно куда, так что Жора до сих пор не вернулся. Вообще-то, говоря откровенно, Эдик был только рад, что от него не требуется ничего решать, никуда ехать и предпринимать какие-то, на его взгляд, бессмысленные, а то и опасные действия. Не то чтобы он был трусом... Просто привык за свою жизнь, что всеми серьезными делами занимается мама. И как-то отучился действовать сам. Во всяком случае если это не затрагивало напрямую его интересов. А сейчас его единственным интересом была Наташа – сокровище, свалившееся на него неизвестно за что. Вспомнив о жене, Эдик выпрямил сутулую спину и пригладил волосы. Затем постучал в дверь матери и вошел.

Евгения Генриховна сидела за столом, разбирая бумаги, и весь интерьер вокруг нее словно говорил о занятости и солидности. На окне стояли в высокой вазе три огромные белые каллы, похожие на лебедей, превратившихся в цветы, и Эдику пришло в голову, что никакого траура по Илоне в доме нет. Он не любил девушку, искренне не понимал, зачем мать держит ее при себе, но сейчас ему подумалось, что ее смерть заслуживает какого-то внимания с их стороны.

– Конечно, о том, чтобы завешивать зеркала, никто не говорит, – неожиданно вслух подумал он. – Но хотя бы от букетов можно было на время отказаться.

– Ты о чем, Эдуард? – вскинула Евгения Генриховна голову. – Сядь, мне нужно кое-что закончить, я недолго. Так о чем ты?

– Неправильно мы себя ведем, – так же задумчиво продолжал Эдик.

– В чем же неправильно? – осведомилась мать, не отрывая глаз от документов.

– В том, что девушка умерла. А мы словно и не заметили ее смерти.

– Эдуард, что ты говоришь? – Евгения Генриховна сняла очки в тонкой

оправе и аккуратно отложила их в сторону. – Что значит – не заметили? Если ты не принимаешь участия в решении возникших проблем, это еще не значит, друг мой, что они не решаются.

– Дело не в том, – возразил Эдик. – Все наши страхи сейчас – страхи за нас, за семью. Ты пытаешься нас обезопасить, и я тебе очень благодарен, честное слово! Но все же... Для нас смерть Илоны – просто... ну, не знаю... как флажок такой, что ли: «Внимание, здесь опасность». А смерть – в первую очередь смерть сама по себе и уже во вторую – флажок или еще что-нибудь. Вот посмотри, – заторопился он, видя недоуменный взгляд матери, – ведь мы даже цветы не убрали, не говоря уже о трауре.

– Ты забываешься. Илона – не член нашей семьи.

– Мама, да какая разница! – не выдержал Эдик. – Она умерла, и все. Плачет по ней во всем доме только Ольга Степановна, которая, к слову сказать, ее терпеть не могла. А тебе цветы белые, совершенно ужасные, привезли вчера, словно ничего и не случилось. Вот мне что не нравится, понимаешь?

Евгения Генриховна провела пальцем по золотой оправе и бросила взгляд на вазу у окна.

– Ты, друг мой, придаешь слишком большое значение внешней стороне, – холодно заметила она. – И, кстати, почему тебе не нравятся мои каллы?

– Потому что они как мертвые, – тихо ответил Эдик.

Евгения Генриховна дернула подбородком, но промолчала. Эдик сел на стул с высокой резной спинкой и приготовился слушать.

– Хорошо, что ты сам заговорил об опасности для нас всех, – произнесла Евгения Генриховна как ни в чем не бывало. – Ведь то, что я собираюсь сделать, касается непосредственно тебя.

– Мама, если ты опять про банк, то я поговорил с охраной... – начал было Эдик, но Евгения Генриховна остановила его:

– Я говорю о твоей жене и ее сыне.

Эдик изумленно воззрился на мать.

– Господи, мама, они-то тут при чем?

– Неужели ты сам не понимаешь, что Затрава не успокоится? Нет, он от своего не отступится. Я, разумеется, сделала все возможное, и в конце концов убийцу найдут, но через какое-то время. Мамонов надавил на некоторых людей, но ты же видишь: мы имеем дело с уголовником. Следующий, кого он выберет, будет... – она сделала короткую паузу, – будет мальчик, Тимофей.

– Откуда ты знаешь? – оторопев от ее уверенности, спросил Эдик.

– Знаю, поверь. И поэтому мы должны сделать все возможное, чтобы ничего не случилось.

Эдик прижал к лицу обе ладони и с силой провел по бровям. Мать с жалостью смотрела на него. Наконец Эдик оторвал руки от лица и хрипло спросил:

– И что же ты предлагаешь? Нанять им охрану?

Евгения Генриховна покачала головой.

– Полагаю, это бессмысленно. Я даже не говорю о финансовой стороне. Просто есть гораздо более приемлемый вариант. Я поговорила с подругой, с Ольгой Валерьевной, и она готова пока поселить у себя и Наталью, и ее мальчика. У них коттедж практически пустует, там только садовник. Территория, как ты помнишь, охраняется. Я договорилась – машина за ними придет завтра вечером, так что время собраться у Натальи будет...

– Постой, постой! – перебил ее Эдик. – То есть как – машина завтра? Они уже завтра уедут? И насколько?

– Ненадолго. До тех пор, пока вопрос с Затравой не будет решен окончательно. Я думаю, максимум два-три месяца.

Эдик ошеломленно молчал. Завтра... уже завтра Наташу увезут, и он не увидит ее три месяца, а может быть, и больше. Он представил, как останется один в их комнате, где на полках стоят любовно расставленные Наташей безделушки, и его охватила черная тоска. Как же он без нее? В памяти его всплыла утренняя сцена. «Никакого секса следующие тридцать дней», и то, что произошло потом. И всего этого он лишится!

Евгения Генриховна продолжала что-то размеренно объяснять про звонки, про отопление в доме, про лесопарк, но он не слушал. Даже принимая решение о женитьбе вопреки воле матери, Эдик не чувствовал себя таким злым. Он просто мягко настаивал на своем праве жениться на женщине, которая ему нравится. Но сейчас он пришел в бешенство, и его реакция оказалась для Евгении Генриховны совершенно неожиданной.

– Значит, так... – сказал Эдик, только что почти воочию увидевший, как у него из постели вытаскивают Наташу и увозят в новый дом с отличным отоплением. Почему-то слово «трубы» неожиданно показалось ему неприличным, но Эдик заставил себя не думать о такой дребедени. – Значит, так... – повторил он, не глядя на мать. – Ни в какой коттедж они не поедут.

– Почему? – не поняла его мать. – Ты против того, чтобы обращаться к Ольге Валерьевне? Хорошо, есть другие варианты...

– Никаких других вариантов нет, – отрезал Эдик. «Солнышко мое, а

кроме массажа еще на что-нибудь есть запреты?» – сладкий, тягучий, завораживающий голос так и звучал в его ушах. – Наташа и Тимофей останутся здесь, и я сумею их защитить гораздо лучше всей охраны и садовников Ольги Валерьевны.

– Ты? – В голосе Евгении Генриховны прозвучала едва заметная насмешка, но ее хватило, чтобы Эдик перестал сдерживаться.

– Да, мама, я. Я прекрасно понимаю, что, по-твоему, твой сын ни на что больше не способен, кроме как сидеть на теплом, купленном месте в банке, но это не так. Не знаю, почему ты решила, что Тиму и Наташе грозит опасность. Мне кажется, ты ошибаешься. Затрава проиграл и просто хотел тебе отомстить. А вырезать всю нашу семью для того, чтобы ты откупилась от него своими несчастными салонами... Да просто глупость, мама, предполагать такое! Хочешь устанавливать свои камеры – пожалуйста, но Наташу я тебе не отдам! – Эдик почти кричал, пока ошарашенная Евгения Генриховна пыталась встать с кресла. – Не отдам! Ни ее, ни Тимошу! У меня наконец-то есть семья, понимаешь? И они меня любят!

– Если бы ты их любил, ты бы послушался моего совета, – быстро вставила Евгения Генриховна, и Эдик замолчал.

«Кажется, я его все-таки убедила», – решила было госпожа Гольц. Но Эдик тут же заговорил, причем почти спокойно:

– Знаешь, мама, если бы это был совет, то я еще подумал бы над ним. Хотя бы подумал. Но ты уже все сделала. Ты договорилась с Ольгой Валерьевной, заказала машину... Ты не собиралась со мной советоваться, просто поставила меня перед фактом. И я, в свою очередь, ставлю тебя перед другим фактом: они никуда не едут. А теперь извини меня, я обещал Тимофею съездить с ним за динозаврами.

Он встал и вышел. Евгения Генриховна осталась сидеть одна, постукивая очками по столу. Она постукивала все сильнее, сильнее... Вдруг раздался хруст, и она увидела, что одна из линз треснула. Госпожа Гольц растерянно смотрела на тоненькие трещинки, разбегавшиеся, словно паутинка, к поблескивающей оправе. Знак. Это был Знак, поняла она тут же. И в нем не было ничего хорошего.

Сергей Бабкин околачивался вокруг лесопарка уже минут сорок, но счастья ему до сих пор не привалило. «Счастье просто так, само, не приходит, – мрачно размышлял он. – Ему надо условия создавать». Выходя сегодня на улицу, Бабкин не сомневался в том, что он для своего счастья условия обязательно создаст, но грубая проза жизни вмешалась в его планы

довольно безжалостным образом: в метро у Бабкина вытащили бумажник. «Вот лох последний, – бранился Сергей, которому не столько было жаль денег, сколько новенького портмоне. – Догадался в задний карман сунуть, а! Сыщик хренов». Но бранные слова помогали мало. Вдалеке прогуливались мамы с колясками, пищали дети, а время уходило зря. «Ну и черт с вами со всеми!» – непонятно к кому обратился Бабкин и уже собрался уходить, как вдруг увидел в кустах ее.

Странно, как он не заметил ее раньше. Она стояла почти на виду, прикрытая только нежной, начинающей зеленеть веточкой какого-то чахлого кустика. Улыбаясь ей, словно старой знакомой, Бабкин подошел, наклонился и взял бутылку за холодное горлышко. Она была тяжелая.

– Слышь, мужик, – окликнули его сзади. – Ты бы бутылочку-то поставил, а?

Сергей оглянулся. Ну, вот и оно. Счастье. То, что на данный момент счастье приняло облик бомжа с испытанным лицом и ореолом всевозможных запахов, Бабкина не смутило. Будучи немножко философом, он знал: неважно, в каком виде к тебе является счастье, – важно, что оно тебе приносит.

– Да я так, ничего, – миролюбиво откликнулся Бабкин, протягивая бутылку бомжу. – Этикетку хотел посмотреть. Не видел таких раньше, понимаешь?

Мужик торопливо схватил бутылку и сунул в сумку, где уже позвякивали ее товарки.

– Да я сам, слышь, порой удивляюсь. И чего только народ сейчас не пьет! – охотно поддержал он светскую беседу. – Иной раз такую беду найдешь, что ее даже в приемку нести страшно – вдруг не возьмут?

Сергей достал пачку сигарет, припасенную для подобных случаев, и предложил знакомцу. Не церемонясь, мужик жадно схватил сигарету и закурил, выдыхая едкий, вонючий дым. Некурящий Бабкин героически терпел, к тому же запах дыма слегка перебивал ароматы, исходившие от самого бомжа.

– А че сам не куришь? – подозрительно осведомился мужик.

– Завязываю, – признался Сергей. – Бабок больно много на них уходит.

– Бабок на все много уходит, – философски вздохнул бомж, докуривая сигарету в три затяжки.

Сергей достал пачку и предложил ее всю. Через десять минут сидения с «персонажем» на старой скамеечке он был в курсе того, кто обычно «окучивает» территорию лесопарка. Новый «приятель», назвавшийся Женей, был одним из них. Бабкин старался особо не расспрашивать, зная,

как прямые вопросы настораживают такого рода людей, но Женя и сам оказался довольно проницательным.

– А ты чего ищешь-то, а? – спросил он, искоса посмотрев на Бабкина.

– А почему, Жень, ты решил, будто я что-то ищу?

– А то по тебе не видно! Ты меня за красивые глаза, что ли, куревом-то угощаешь? Или хочешь печенку купить?

Представив себе состояние Жениной печенки, Бабкин содрогнулся и честно ответил:

– Да не, Жень. Но ты прав. Узнать я хотел кое- что, про одних людей. Вот в прошлую пятницу кто из ваших в парке был?

– Ну, я был. Вот тут, на скамеечке, и сидел.

– Случайно мужиков на озере не видел? На этой стороне?

Бомж замаялся, и Сергей понял, что мужик сейчас уйдет.

– Слушай, – торопливо заговорил сыщик. – Вот как на духу: у меня бумажник два часа назад в метро вытащили, денег с собой ни рубля нет. Давай так: ты мне сейчас рассказываешь, что видел, а я тебе завтра прямо вот сюда гонорар привезу. Согласен?

Женя оценивающе взглянул на Бабкина и неожиданно кивнул.

– Ладно. Любовника, что ли, ловишь?

– Вроде того. Так кто здесь был-то?

Бомж на удивление быстро припомнил тех, кто приехал около полудня на озеро. Сергей даже подумал, не привирает ли тот, но потом хорошая память Жени легко объяснилась:

– Денег они мне дали, вот что. Я культурненько так подошел, хотел бутылочки собрать – у них там штук десять было, не меньше. А бывает, знаешь, хайло на тебя разевать начинают, вроде как пошел отсюда, потом придешь. А какое там «потом»? Конкуренты же, суки, везде! – пожаловался Женя. – А эти – нет. Еще и бабок один достал, сунул мне. Хотел больше дать, да его другой, гад, отговорил.

– Глянь-ка сюда...

Охваченный недобрым предчувствием, Бабкин достал фотографии и сунул Жене под нос.

– О! – обрадовался тот. – А я что говорил! Вот этот мне денежку дал, а вон тот, падла, зажмотился. Чтоб его...

И Женя вкратце описал, какой бы он хотел видеть дальнейшую судьбу жмота. Бабкин его не слушал, хотя некоторые выражения были для него неизвестны. Он смотрел на фотографию «падлы», известной ему как Юрий Андреевич Воропаев.

Договорившись на следующий день о встрече с Женей, причем время

было установлено бомжем весьма приблизительно («ну, ты так примерно к полудню подъезжай, а я ближе к обеду подойду»), Бабкин поднялся и пошел ловить такси. Предупредив водителя, что за деньгами поднимется к себе, Сергей мрачно смотрел на город за пыльным стеклом и размышлял.

Итак, что мы имеем? А ни хрена не имеем. Мало того что одного возможного исполнителя вообще не было в городе, так еще и у другого алиби подтвердилось самым неожиданным образом. На секунду мелькнула мысль о том, что Воропаев попросту подговорил бомжа рассказать всем интересующимся историю о трех приятелях на шашлыках, но Сергей сразу откинул ее. Во-первых, для этого мужичку актером надо быть первоклассным, чтобы так убедительно все задвинуть, а потом – вряд ли Воропаев такой предусмотрительный. Отловить бомжа и заставить его рассказывать свою сказку любому, кто ни спросит... Нет, очень сомнительно.

Получается, что Затрава все-таки нанял человека со стороны. Черт, чужого-то фиг выследишь – даже отпечатков обуви около входной двери милиция не нашла, что уж там говорить об отпечатках пальцев! Ну да, наш хитрый хохол решил не экономить. И правильно сделал – наверняка ни менты ни хера не найдут, ни я сам. Елки, как плохо-то...

Даже мысль об обещанном гонораре не утешила Бабкина – проигрывать он не любил. Размышляя о том, как же ему выйти на этого чертового исполнителя, сыщик не заметил, как машина остановилась.

– Товарищ, вы там уснули? – обернулся к нему водила. – Пять минут стоим уже. Приехали.

Бабкин вздрогнул и полез за бумажником. Пару секунд переживал неприятное ощущение человека, обнаружившего пустоту в заднем кармане брюк, но тут до него дошло: «Черт! Его же еще в метро украли!»

Оставив водителю в залог куртку, Сергей вылез из «пятерки», тут же освобожденно приподнявшейся, и отправился за деньгами.

Наташе Эдик не стал ничего рассказывать. Он едва ли не впервые в жизни чувствовал себя человеком, который сам принял решение и несет за него ответственность. Но та заметила, что с мужем творится что-то непонятное, и попыталась узнать, в чем дело. В магазине игрушек, где Тим долго и придирчиво выбирал себе динозавра, она начала было расспрашивать, но Тимофей ее отвлек, и Эдик облегченно вздохнул. Долго сопротивляться Наташе он бы не смог, а рассказывать о предложении и опасениях матери ему не хотелось.

После магазина Эдик завез Наташу и Тима домой, а сам поехал на

сервис проверить машину. Довольный Тим быстро взбежал по лестнице, спрятался за любимой шторой напротив своей комнаты и закричал:

– Мам, смотри, кто это? Отгадай, только неправильно!

– Может, лев? – предположила Наташа.

Тим за шторой бешено замотал головой.

– Тигр?

Тим опять помотал, давясь от хохота.

– Неужели... – Она сделала театральную паузу. – Динозавр?!

– Да, да, да!

Мальчик выпрыгнул из-за шторы и повис у нее на руках, размахивая доисторическим чудовищем, оказавшимся почему-то зеленого цвета.

– Дино-дино-динозавр! Завр! Завр! Дино! Дино!

Резко хлопнула дверь, Наташа вздрогнула и обернулась. В конце коридора стояла Алла Дмитриевна, очень бледная, и смотрела на нее с нескрываемой ненавистью.

– Послушайте, – начала она медленно и отчетливо говорить еще издали, неторопливо приближаясь. – Мало того что вы шпионите за всеми в доме. Мало того что вы ведете себя как... как не знаю кто. Но вы даже не пытаетесь воспитывать своего сына. Вы! Понимаете! Что он! Нам! Мешает!

Последнее слово Алла Дмитриевна почти выкрикнула. Рыжие волосы ее сегодня казались полинявшими, но глаза горели. Тим притих и спрятался за маму.

– Простите, «нам» – это кому? – негромко спросила Наташа.

– «Нам» – это мне и Игорю Сергеевичу! Вы, моя милая, живете здесь со своим сыном без году неделя, а проблем принесли, словно за десять лет. С вашим сыном невозможно в одном доме находиться! Он же постоянно орет!

– Я не ору! – неожиданно басом сказал Тим, но Наташа осторожно закрыла ему рот ладошкой.

– Вы здесь на птичьих, можно сказать, правах, – продолжала взвинченная Алла Дмитриевна. – Вот и не забывайте об этом.

Она повернулась и пошла к своей комнате. Наташа пару секунд наблюдала, как утопают в ворсе ковра невысокие каблучки стильных туфель госпожи Бобровой, а потом бросила ей вслед:

– Не хочется вступать с вами в дискуссию по поводу птичьих прав. Но вы будете первой, кого я выставлю из дома.

Алла Дмитриевна остановилась и медленно обернулась. На лице ее были написаны презрение и насмешка.

– Что-о? – протянула она. – Вы кого-то выставите? Милочка моя, у вас мания величия.

– А у вас – полная дезориентация в пространстве, – спокойно парировала Наташа. – Евгения Генриховна держит вас при себе как домашних кошек. А я больше люблю собак.

– Ваши вкусы здесь никого не интересуют! – визгливо выкрикнула Алла Дмитриевна.

– Очень скоро единственное, что вас будет интересовать, это именно мои вкусы! – прошипела Наташа, схватила Тима за руку и заскочила в его комнату.

Внутри она свалилась на диван и расхохоталась.

– Мам, ты чего смеешься? – удивился Тим.

Наташа взглянула на него и подмигнула.

– Мы с тобой напугали тетю, – объяснила она. – Но только пускай это будет наш с тобой секрет, хорошо? Мама хулиганила.

– Ладно, – разрешил мальчик. – Мне тетя Алла не нравится.

«Мне тоже, признаюсь, – мысленно произнесла Наташа. – И еще кое-кто. И пусть только тот самый „кое-кто“ попробует моего сына обидеть!»

Степан Затрава, облокотившись на стол, смотрел на своих помощников. Алексей Козлов, по своему обыкновению, глядел куда-то в пространство с непроницаемым выражением лица, а Ботвинник задумчиво выдвигал и задвигал обратно нижнюю челюсть.

– Олежек, перестань, – попросил Затрава. – Ты меня пугаешь.

Ботвинник хмыкнул, но манипуляции с челюстью прекратил.

– Ну, дети мои, что новенького у нас?

Затрава вышел из-за стола и уселся в кресло рядом с помощниками. На стеклянном столике тут же возникли три стопки, запотевшая бутылка и разложенная на сочных листьях салата розовая семга.

– Ну и зачем ты все это поставил? – глядя на выпивку и закуску, спросил Затрава. – Нам пока, в общем-то, пить не за что.

– Не скажи, Степан Михайлович, – возразил Козлов. – У парикмахерши-то вон что творится!

– Да, страшные дела, страшные! – Затрава покачал головой и опрокинул в рот рюмку. – Хорошо, что милиция наша доблестная шуршит, ищет кровопийцу. Но ведь какое совпадение, а? Надо же – и убили, и волосы обстригли, да еще и ножницы сверху положили. Нет, как по заказу, ей-богу!

Ботвинник и Козлов переглянулись, но промолчали.

– Я вот что думаю, ребятки мои, – промурлыкал Затрава, наливая себе следующую стопку. – Один раз, как говорят умные люди, – это случайность, два раза – совпадение, три раза – закономерность. Так почему бы случайности не случиться, а? О, как сказал! – Он поднял рюмку и посмотрел на свет. – Может еще какая-нибудь ерунда случиться, Алексей Алексеевич?

– Вполне. Почему бы и нет? – пожал плечами Козлов.

– Вот и я о том же. Ну что, мужики, давайте-ка мы с вами выпьем за подходящие случайности. И чтоб они случались только с нашими врагами.

В наступившей тишине раздался негромкий звон трех стопок.

Макар доехал до указателя с надписью «Шатонино» и остановился. В предыдущих четырех деревнях жители либо ничего не знали, либо благополучно обо всем забыли, либо что-то скрывали. Макар полагал, что верно первое. Самое нехорошее заключалось в том, что, начиная с этого места, он не имел никаких ориентиров и вынужден был тыкаться вслепую, как щенок, пытаясь узнать хоть что-то о людях, проходивших здесь четыре года назад. Того, что рассказал ему батюшка Михаил, было вполне достаточно, чтобы понять: около церкви похоронена не Элина. Но куда же они пошли дальше, вот в чем вопрос?

Макар поговорил со священником, но тот только удивленно разводил руками: на ближайшие сорок километров вокруг не было ни одной святыни, которая могла бы заинтересовать верующих. Правда, в последние годы начали возводить на прежних местах церкви, но из них закончена была только одна, и к ней, как выяснилось, Данила не водил своих паломников. «Что же тебе, психу, взбрело на ум? – раздумывал Макар. – Ты ведь эти места не из головы своей больной придумывал, а искал реально существующие. Как родник святой, например. Может, здесь тоже есть какой-нибудь родник, о котором батюшка Михаил попросту не знает?»

Шатонино относилось к Рязанской области. Макар, посмотрев по карте, сколько он проехал, только покачал головой – как же они пешком шли? Хотя... за идею чего не сделаешь. Деревня оказалась неожиданно большой, разделенной посередине то ли прудом, то ли озерцом. Но, подъехав поближе, Макар обнаружил, что перед ним банальная лужа, разросшаяся по весне до невероятных размеров. Попытавшись обогнуть ее сначала справа, а потом слева, он понял, что препятствие сие даже не для «Нивы», заглушил мотор и задумался, что делать дальше. В это время кто-то деликатно постучал в заднее стекло.

Макар выскочил из машины и увидел перед собой высокого старика,

одетого не по погоде легко – в тонкую спортивную куртку и джинсы. «Внуки о деде заботятся, – понял Макар. – Старики в таком возрасте себе подобной одежды не покупают».

– Здравствуйте, молодой человек. Что, опасаетесь ехать-то, а? – ехидно поинтересовался старикан.

– Да, боязно, – признался Макар. – У меня все-таки не подлодка. Объезд тут у вас есть?

– Само собой, имеется. А он вам зачем?

– То есть как – зачем? Проехать.

– Да оно понятно, что проехать. Только вы к кому направляетесь?

Секунду подумав, Макар решил, что это обычное проявление деревенского любопытства, – людей мало, все друг друга знают, вот и интересуется человек.

– Я, честно говоря, ни к кому конкретно, – пожал он плечами, открыто улыбнувшись. – Хотел в магазине продуктами закупиться, вот и все.

К его удивлению, старик не только не улыбнулся в ответ, но словно подобрался. Окинув Макара внимательным взглядом, покачал головой и недобро сказал:

– Вот что, молодой человек, ехал бы ты без магазина. А то, неровен час, застрянешь в луже – и тащи потом тебя отсюда. Только тащить-то никто не будет. Так что разворачивай свою «Тойоту» и шуруй обратно.

– Это не «Тойота», а «Нива», – автоматически поправил Макар.

– А мне, молодой человек, без разницы – на какой железяке ты едешь. Увози давай ее отсюда – вон, весь проезд перегородила!

Макар обернулся, хотя прекрасно знал, что увидит – ту же лужу, которая, конечно же, никуда не делась. Мельком бросив взгляд на соседние дома, он вдруг заметил, что почти в каждом стоит за окном кто-то и смотрит в их сторону. Где-то хлопнула дверь, где-то скрипнула калитка, и на улице стали показываться люди. Пока они были далеко, но Макар мог бы поклясться, что они выходили вовсе не затем, чтобы побазарить с приезжим.

«Попал, – понял он, – вот и искомая деревня. Только что-то непохоже, что аборигены с радостью будут делиться информацией». В бардачке у Макара лежал пистолет, но он подумал, что до такого абсурда, как необходимость отстреливаться от деревенских жителей, не дойдет. Потом вспомнил рассказ о том, как ребяташки нашли в лесу труп, и решил, что ничего абсурдного в такой возможности нет, а в следующий раз пистолет нужно будет положить в карман.

– Чего задумался, студент? – прервал его мысли голос старика. – Не

хотят тебя люди здесь видеть. Не нужен ты нам со своим учением, ясно?

«Каким учением?» – хотел спросить Макар и тут все сообразил.

– Черт бы вас не видал! – воскликнул он с неожиданным раздражением, испытывая одновременно и облегчение, и злость. – Вы бы сначала спрашивали, а потом уже гнали из деревни. И какой я вам, на фиг, студент?

– А кто ты такой? – спросил дед, несколько растерявшись от Макаровой агрессии.

– Я – частный детектив. Разыскиваю девушку. Она должна была пройти здесь с паломниками четыре года назад. Я не знаю, появлялись они потом или нет. Знаю только, что группа была большая, человек пятнадцать, и вел ее парень по имени Данила.

Полчаса спустя Макар и еще семь человек деревенских сидели в избе и разговаривали. Старикан, которого звали Иваном Демидовичем, неторопливо рассказывал Макару про паломников, и в его повествование время от времени вступали остальные – с уточнениями и дополнениями. Старик отругивался, а потому рассказ затягивался, но Макар не перебивал. Он слушал очень внимательно, хотя об основных событиях уже догадался.

Четыре года назад паломники заявили в Шатонино последний раз. До этого они приходили три года подряд, и жители не обращали на них особого внимания. Они всегда останавливались за околицей, у мужика по фамилии Игнатов, недавно поселившегося в деревне, человека хмурого и неразговорчивого. Ночевали и шли себе дальше.

– Сначала, конечно, наш народ любопытствовал, что да как, – объяснял Иван Демидович, – но старшой их культурно разъяснил, что идут они поклониться святыне, а неразговорчивые – потому что обет на себя взяли, да и просто устали. Ну, чего тут непонятного? От них и отстали.

– Нет, не отстали, – вмешалась старуха в цветастом платке. – Марья Семеновна хотела с ними пойти. Просилась, да ее не взяли. И еще кто-то...

– Да не в том суть! – отмахнулся от нее хозяин дома. – Хотя правда, никого они с собой не брали. Но они ведь тихие были, вреда никому не делали. Переночуют себе – и дальше идут.

– Да уж, тихие, – покивал головой маленький юркий мужичонка. – В августе-то, четыре года назад...

– Ты, Витя, давай тогда уж сам рассказывай, – с раздражением предложил старик. – А я тебя послушаю. Хоть тебя об ту пору здесь и не было, но ты, видать, много знаешь. Не будешь? Тогда и не перебивай.

Макар слушал Ивана Демидовича, и перед его глазами вставала картина произошедшего.

Тем летом, когда Данила со своей группой пришел сюда в последний раз, на паломников и особого внимания не обратили – привыкли. Появились они ближе к вечеру, обошли деревню стороной и вышли сразу к дому Степана Игнатова – того самого, у которого и в предыдущие годы останавливались. И все прошло бы так же тихо, как раньше, не вздумай Игнатова посадить у себя в саду какой-то редкий сорт сливы – крупной и сладкой, да еще и похвастаться перед соседями. Пятеро ребятшек из деревни, оставленные у бабушек и дедушек на каникулы, решили навестить в сад к Игнатову. Про паломников они то ли не знали, то ли решили, что те им не помеха. Ближе к полуночи ребятня ободрала несчастное деревце и собиралась уже убежать, но тут один из мальчишек заметил в огромном игнатовском сарае свет и решил посмотреть, кому это там не спится. Через пять минут он перелетел через ограду как ошпаренный, успев только крикнуть ребятам, что «там женщину какую-то убивают». Примчавшись домой, он выложил все деду с бабкой, и рассказ его так подействовал, что те разбудили соседей и пошли все вместе к Игнатову, потому что мальчонка рассказывал страшные вещи.

– И что же увидели? – нетерпеливо спросил Макар.

– Да в том-то и дело, что ничего, – покачал головой Иван Демидович. – Сначала Игнатова вообще пускать никого не хотел к себе, но те пацаны, которые сливы воровали, своим домашним тоже что-то рассказали, и в конце концов народу собралось немало. Ну, Степан ворота открыл, провел всех в сарай – а там и нет никого. Вот были – и нету. А на полу – следы крови, да много, словно и впрямь убивали кого. Пока шумели, пока по окрестностям с фонарем рыскали – уже и утро. Потом поняли, что паломники сразу, как крик пацана услышали, смылись. А поищи-ка их в наших-то лесах! Да и искать особо никто не стал. Пошли к участковому, рассказали все, да только участковый наш... – Старик махнул рукой с огорченным видом. – Пока он проспался, пока похмелился, тут уж и Новый год наступил. В общем, так все и закончилось.

На следующий год паломники опять пытались зайти в деревню – только на сей раз вел их не Данила. Деревенские жители их разве что камнями не закидали. Позвонили в милицию, и паломников даже задержали, но потом отпустили. Еще пару-тройку раз в деревне появлялись какие-то люди, говорившие о святынях, но местные их просто выгоняли, как выгнали бы сейчас и Макара. А Степан Игнатова в том же году дом продал и уехал.

– Так про девушку никто не знает? – спросил Макар.

– Да что ты! – махнул рукой Иван Демидович. – Я ж тебе говорю, мы и

не видали толком никого. Там у них и мужчины были, и женщины. А потом – они же в плащах каких-то с капюшонами шли, даром что август на дворе, лиц-то не разобрать.

– А где тот парнишка, который видел, как убивали женщину?

– Да его родители года два как в Германию уехали, – подала голос толстая пожилая женщина. – Они по соседству со мной жили. Всех своих забрали – и мать, и отца. Дом заброшенный стоит, смотреть жалко.

– Иван Демидович, так куда они все-таки шли? – вспомнил Макар. – Здесь разве есть какое-то место святое?

Вместо Ивана Демидовича ответила, сильно шепелявя, старуха в цветастом платке.

– Есть место, есть. Мы сразу-то не сообразили, а то бы знали, где их, прохвостов, искать. Километра три, а то и больше отсюда будет. Святое место, святое, только о нем мало кто знает.

– А что за место? – не выдержал Макар.

– Непонятное место, честно сказать, – проговорил Иван Демидович под неодобрительное ворчание старухи в платке. – Про него забылось постепенно, но раньше туда на поклонение ходили. Только сейчас говорят, что вроде как выдумки это все. Я полагаю, что выдумки и есть, но некоторые верят.

– Иван Демидович, как место называется? – взмолился Макар.

– Могила старца Луки, праведника и отшельника, вот как! – строго ответила вместо хозяина дома старуха.

Глава 11

Евгения Генриховна очень быстро поняла, что имеет в виду Бабкин, говоря о других возможностях.

– Вы хотите сказать, что Илону убил кто-то из живущих в доме? – с негодованием спросила она.

– Я не исключаю такого варианта, – деликатно ответил Сергей. – И хотел бы проработать его.

Он не стал добавлять, что данная гипотеза кажется ему сомнительной, но все равно нужно проверить и ее. Тем более что больше работать ему пока ее с чем.

– Но я недвусмысленно, кажется, объяснила вам, что заниматься нужно Затравой. Это его рук дело.

– Пока ваше предположение не подтверждается, – пожал плечами Бабкин. – Те люди, которые могли бы быть исполнителями, имеют алиби. Я проверял лично. Возможно, что Затрава привлек постороннего человека, и сейчас я выясняю, так ли это. Но на выяснение уйдет время, и, чтобы не тратить его зря, я предлагаю рассмотреть все варианты, как я вам сразу и советовал.

Евгения Генриховна вздохнула. Последние полчаса Бабкин вцепился в нее бульдожьей хваткой и не отпускал. Сергей был ленив, тяжел на подъем, но, начав заниматься делом, он отрабатывал его полностью. А потому выкладывал все новые и новые аргументы в пользу необходимости провести «домашнее» расследование.

– В конце концов, я просто поговорю со всеми, – сказал он наконец. – Не беспокойтесь, я вовсе не собираюсь никому вырывать ногти или пытаться кого-то каленым железом.

– И вы думаете, что из разговора вам станет ясно, кто убийца? – скептически хмыкнула госпожа Гольц. – Почему же тогда следователь этого не выяснил?

«Потому что я умнее, – хотел ответить Сергей так, как отвечал в таких случаях Макар. – И потому, что милиция работает за зарплату, а я за гонорар. А еще потому, что на следователе кроме вашего еще десяток дел висит». Но вслух сказал другое:

– Я не отвечаю за следователя. Я отвечаю за себя. Если Ветрову убил кто-то из ваших помощников или... близких, то я его найду.

На властном, холеном лице Евгении Генриховны появилось выражение

безразличия.

– Полагаю, вы зря потеряете время, но это ваше время. Что от меня требуется?

– Предупредить всех, чтобы отвечали на мои вопросы. Свободный доступ в дом для меня. Вот, собственно, и все. Сейчас я поеду по делам, а вы позвоните мне, когда переговорите с членами своей семьи.

Глядя из окна вслед здоровяку, шагающему к воротам, Евгения Генриховна подумала, что все идет совсем не так, как она рассчитывала. Что все идет очень, очень плохо. Она потеряла висок, который время от времени начинал болеть, и подняла телефонную трубку.

Утром госпожа Гольц оповестила Бабкина, что он может начинать работать в ее доме.

Из данных, собранных операми, Сергей знал, что алиби есть только у самой Евгении Генриховны – она всю первую половину дня провела в офисе, где ее видели не меньше пяти человек. С ее сыном оказалось не так просто – Эдуард Гольц уехал с работы около половины двенадцатого и вернулся ближе к часу. Он утверждал, что выбирал подарок для жены, но консультант в магазине его не вспомнила. Его супруга находилась у себя в комнате все утро, точно так же как чета Бобровых. Хотя Алла Дмитриевна должна была в этот день проводить какие-то работы в галерее, но с утра она плохо себя почувствовала и осталась в особняке. А ее муж вообще не работает и редко выходит из дома.

«Так, кто у нас имеется еще? – размышлял Бабкин, перелистывая материалы дела. – Ага, дамочка, которая нашла тело. Та седая и очень расстроенная. Она в доме кем-то вроде поварихи является. Такая скорей бы подсыпала яду в одно из блюд, а чтобы душить... Секретарь находился в комнате Евгении Генриховны. Точнее, в кабинете. Что он там делал, интересно, целое утро? Вот, пожалуй, и все. Ах нет, у нас имеется еще один персонаж! Старик, живущий не в самом особняке, а в маленьком домике неподалеку. Раньше, кажется, такие назывались гостевыми. Тоже, по его словам, сидел там безвылазно и слушал радио. Что ж они все по своим норкам-то сидят?»

Так получилось, что свой собственный опрос Бабкин начал не так, как планировал, – не с маленькой жены Эдуарда Гольца, а с четы Бобровых. Просто когда Ольга Степановна отворила ему дверь, он сразу увидел их – супруги одевались в коридоре – и очень удивился.

– Прошу прощения, разве Евгения Генриховна не предупредила вас о моем визите? – вежливо поинтересовался сыщик.

– Видите ли, уважаемый, – начальственным тоном отвечал

Бобров. – Мы не можем подлаживаться под ваши визиты. Мы с Аллой Дмитриевной вернемся домой около семи, а сейчас разрешите....

И он сделал шаг к дверям. Но Бабкин стоял в проходе, как гора, и Игорь Сергеевич вынужден был остановиться.

– Позвольте же... – уже нервничая, сказал он.

– Вернитесь, пожалуйста, в дом, – без выражения предложил Сергей.

Ольга Степановна, взглянув на них, быстро ретировалась в кухню, и теперь Алла Дмитриевна попыталась перейти в наступление.

– Собственно, по какому праву вы нас задерживаете? – возмутилась она. – У нас, в конце концов, могут быть свои дела...

– Сейчас у вас их нет, – тем же деревянным голосом произнес Бабкин. – Пожалуйста, вернитесь в дом.

– Господи, да что вы заладили одно и то же, как попугай: вернитесь, вернитесь! Сказано вам, у нас дела! Мы приедем вечером!

– Пожалуйста, вернитесь в дом, – повторил Сергей, глядя поверх их голов.

Игорь Сергеевич внезапно почувствовал страх. Эта глыба, монотонно повторяющая одно и то же, производила жутковатое впечатление. Он слегка попятился и наткнулся на Аллу Дмитриевну.

– Аллочка, по-моему, он не в себе, – шепотом предположил Бобров. – Может, быстренько с ним побеседуем, а потом уж поедем?

– Слизняк! – также шепотом отозвалась его супруга, стаскивая высокие сапоги и обуваясь в туфли.

Бабкин ухмыльнулся про себя и пошел вслед за парочкой на второй этаж.

Зайдя в черно-белую комнату, Бобровы уселись: Алла Дмитриевна – в глубокое кресло, Игорь Сергеевич – на диван. Самому Сергею хозяйка кивком предложила занять стул. Тот скрипнул под крупным телом Бабкина, но устоял.

– Давайте мы с вами побыстрее все закончим, – предложил, нервничая, Бобров. – Нас люди ждут.

– Расскажите мне, пожалуйста, про Илону Ветрову, – попросил Сергей, раскрывая кожаный блокнот.

– А что про нее рассказывать? – удивился Игорь Сергеевич. – Женя взяла ее уборщицей, вот она и убирала в доме.

– Она вам нравилась? – Вопрос был задан безлично, но отреагировала на него Алла Дмитриевна:

– Прислуга не может нравиться или нет. Она может добросовестно или не очень выполнять свою работу.

– А Илона выполняла добросовестно?

– Ну, в общем-то, да, – слегка замаявшись, ответила Боброва.

Ее заминка Бабкину не понравилась. По наитию, без всяких вроде бы на то оснований, он вдруг спросил:

– А для вас она выполняла какую-то работу?

Столь простой вопрос вызвал у Бобровых сильное замешательство. Они переглянулись, Алла Дмитриевна встала и подошла к окну. Бобров пожевал щеки, но ничего не ответил.

– Так выполняла или нет?

– Я не знаю, молодой человек, – начал наконец Игорь Сергеевич, – в каком виде все вам, так сказать, предоставили, но действительность гораздо невиннее.

– И не забывайте о том, что этот человек не в своем уме! – с нажимом добавила Алла Дмитриевна, со странным выражением глядя в окно.

Только Бабкин хотел спросить, о ком идет речь, как до него дошло. Старик! Она смотрит на домик... как там его... в общем, приживала. Хм, становится все интереснее и интереснее...

– Ну почему же не в своем? – осторожно произнес он. – По-моему, рассуждает он вполне здраво.

– Как он может здраво рассуждать! – рассерженно выкрикнула Алла Дмитриевна. – Если кто-то в доме и убил Илонку, так только он!

– Тише, Аллочка, тише, – попытался утихомирить ее супруг, но Аллу Дмитриевну несло:

– В конце концов, есть же свидетели! Есть же Елена...

Она осеклась, но было поздно.

– Кто такая Елена? – быстро спросил Бабкин.

Ответом было молчание.

– Кто такая Елена? – ласково повторил детектив. – Вы же понимаете, что при необходимости я и сам прекрасно все выясню, правда? Может быть, мне лучше получить сведения из первых уст, а не по испорченному телефону?

Фраза про испорченный телефон сделала свое дело – Бобров нахмурился и отрывисто бросил:

– Это наша подруга. Елена Семеновна Петровская. Она иногда заходит в гости.

– И в день, когда убили девушку, – впился в супругов глазами Бабкин, – она тоже была здесь? Была или нет?

Бобров растерянно посмотрел на жену и кивнул.

– И зачем она приходила? – напористо продолжал Сергей. – Сказали

«а», говорите уж и «бэ». Зачем?

– Видите ли... мне трудно объяснить... – начал Бобров, спотыкаясь на каждом слове, но его перебила жена:

– Ничего сложного тут нет. Я вам расскажу, и вы оставите нас в покое.

Слушая, Бабкин удивлялся все больше и больше. Собственно говоря, история действительно была простой. И довольно неприглядной.

Елена Семеновна и Алла Дмитриевна были близкими подругами. Но Евгения Генриховна Гольц госпожу Петровскую почему-то невзлюбила и предпочитала ее не встречать в своем доме. Именно поэтому Петровская обычно появлялась тогда, когда хозяйка особняка уезжала в свой офис. Зачем она приезжала, Бобровы не объяснили, но у Сергея сложилось впечатление, что дело было не только в дружеском общении и женском трепе. Впрочем, для него это было неважно. Визиты Елены Семеновны беспрепятственно продолжались с полгода, а потом ее заметила новая уборщица – Илона Ветрова. И уже собиралась рассказать о визитах дамы хозяйке. Но тут Алле Дмитриевне пришла в голову прекрасная идея – как одним махом убить двух зайцев. И предложили девушке сделать для них небольшую работу.

– Да, собственно, и не работу, – замялся Игорь Сергеевич. – Так, оказать небольшую услугу. Впрочем, хорошо оплачиваемую. В общем, Илона согласилась. Ее, кажется, это даже развлекало.

Когда Сергей услышал, в чем заключалась услуга, он, прищурясь, посмотрел сначала на Аллу Дмитриевну, а потом на ее супруга. «На извращенцев вроде бы не похожи, – мелькнуло у него в голове, – но ведут себя как извращенцы». Оказывается, в обязанности Илоны входило дразнить Сергея Кирилловича, старика, живущего в домике. Что она делала несколько специфически.

– То есть как – голая танцевала? – ошарашенно переспросил детектив, выслушав объяснения Аллы Дмитриевны.

– Боже мой, ну что тут непонятного? – раздраженно бросила Алла Дмитриевна, крутя на тонком пальце массивный серебряный перстень. – Раздевалась, вставала перед окном на первом этаже, в гостиной, и танцевала. Знаете, как стриптиз танцуют? Вот и у нее был примерно такой же репертуар. Поджидала, когда сумасшедший дед появится, – и начинала. А Игорь Сергеевич следил, чтобы в гостиную никто не вошел. Конечно, она не каждый день так делала, всего раза три или четыре...

– Но зачем?! – не выдержал Сергей. – Зачем это вообще понадобилось?

Супруги молча переглянулись.

- Просто мы... мы хотели поразвлечься, – промямлил Бобров.
- Перестаньте дурака валять! – резко сказал Бабкин. – Зачем?
- Видите ли, у нас в семье довольно сложные отношения, – пустилась в объяснения Алла Дмитриевна. – Евгению Генриховну почему-то развлекает проживание старика в непосредственной близости от нее, а нам с мужем оно не доставляет совершенно никакого удовольствия. Более того, нам этот человек неприятен. Мы подумали, что в его возрасте... в общем, если он начнет вести себя неадекватно, то это поможет Евгении Генриховне принять правильное решение.
- Правильное решение? Выставить его, что ли? – уточнил Бабкин.
- Ну, почему же сразу выставить? – обиделся Игорь Сергеевич. – У него, между прочим, своя квартира есть. Просто, так сказать, восстановить статус-кво.
- То есть вы его провоцировали, – медленно произнес Сергей, – и рассчитывали на то, что он сорвется. А кстати, кто по образованию ваша Елена Семеновна?
- Психолог, – тихо ответил Бобров.
- Ага, замечательно. То есть вы надеялись, что он поведет себя неадекватно, как вы выразились, Алла Дмитриевна, а Евгения Генриховна, которая, как я понял, любит во всем порядок, перестанет давать ему приют. Одного не могу понять: чем же он вам, убогий, так не угодил? Что он вообще за такая важная личность, чтобы из-за него спектакли ставить? По моему, так совершенно неважная.
- Ну как же неважная? – криво усмехнулся Игорь Сергеевич. – Все-таки он мой отец, как-никак.

Евгения Генриховна так и не поняла, зачем ее мать, овдовев, вышла замуж второй раз, да еще и родила ребенка. Своего отчима она толком и не запомнила – в памяти осталась какая-то молчаливая тень, правда, время от времени начинавшая скандалить по совершенно непонятным поводам. «Не мужчина, а функция», – думала Женя про нового мужа мамы. Прожив с ее матерью восемь лет и осчастливив ее маленьким Игорем, Сергей Кириллович в один прекрасный день исчез из дома, как будто никогда там и не жил. Он объявился только семь лет спустя исключительно для того, чтобы развестись, и вновь пропал на долгое время. Как ни странно, его исчезновение совершенно не сказалось на жизни семьи – такую маленькую роль он в ней играл. Во всяком случае, так казалось Евгении Генриховне.

К своему младшему брату Женя относилась как к надоедливой зверушке, но в угоду матери старалась изобразить привязанность. Когда

Игорю было семнадцать, он уехал из дома, поступил в институт, жил в общежитии, и на долгое время их дороги разошлись. Ни сестра, ни брат от этого не страдали – они вообще привыкли воспринимать друг друга как нечто необязательное и даже раздражающее. Игорь Сергеевич был уверен в своих блестящих перспективах и искренне полагал, что сестра ему больше не понадобится. Евгения Генриховна держала на задворках памяти воспоминание о младшем брате – ленивом и довольно безмозглом, по ее мнению, – и оно выплывало очень редко. И как-то... ни к чему не обязывало. Поэтому когда Игорь Сергеевич пятнадцать лет спустя после ухода из дома неожиданно вернулся в особняк вместе со своей супругой, его появление оказалось для Евгении Генриховны полной неожиданностью.

Как младший брат смог убедить ее, госпожа Гольц и сама потом не могла себе объяснить. Ведь дом по завещанию был оставлен матерью ей одной, а Боброву-младшему достались сбережения матушки. На них он мог себе позволить жить, не работая, особенно если учесть, что все затраты на дом и на питание несла Евгения Генриховна. Постепенно жизнь вошла в колею, и Бобровым стало казаться совершенно справедливым и правильным, что они обитают в прекрасном особняке, не платя ни рубля. Иногда они мягко пеняли Евгении Генриховне на какие-то ее слова и поступки и считали себя абсолютно полноправными членами семьи Гольц. Что думала об этом сама госпожа Гольц, никто не знал, но внешне она казалась совершенно удовлетворенной таким распределением ролей. А потом привезла Сергея Кирилловича.

Как Евгения Генриховна нашла его, осталось Бобровым неясным. Госпожа Гольц скупко сообщила, что наткнулась на него на кладбище, где навещала могилу матери, и состояние старика поразило ее. За прошедшие годы он совершенно опустился, и она не сразу его узнала. В общем, совесть не позволила ей бросить его там. Так это было или нет на самом деле – неизвестно. Бобров-старший не распространялся на тему о своей встрече с дочерью бывшей жены, а Евгения Генриховна сразу дала понять, что не хочет обсуждать данную тему. Как бы там ни было, Сергей Кириллович появился в доме. И разразился скандал.

Игорь Сергеевич, ни разу не видевший отца после ухода того из особняка, не хотел признавать за родное плохо пахнущее существо в обносках, язвительно огрызавшееся на каждое предложение. Старик совершенно не вписывался в картину мира господина Боброва, привыкшего на расспросы об отце туманно намекать на сложные жизненные обстоятельства и происки государственных органов. И вот эти сложные жизненные обстоятельства, благоухая миазмами, стояли перед ним в доме,

который он привык считать своим, и вспоминали, как он, Игорь Сергеевич, в детстве не мог научиться кататься на велосипеде, как панически боялся всех мальчишек, а в пять лет обкакался прямо за праздничным новогодним столом, объевшись пирожными. И при этом старик – вот что было самое унижительное! – еще и смотрел на сына сверху вниз. Сын, по мнению Боброва-старшего, был неудачником. Слышать такое от подобранного на кладбище нищего оборванца было для Игоря Сергеевича невыносимо.

Он в категорической форме потребовал от Евгении Генриховны, чтобы духу его папаши в особняке не было. Все-таки, кричал он, это его отец, а не ее, и он сам будет решать вопросы со своими родственниками. Он прекрасно понимает, какой совестливый человек его сестра. Так пусть она даст этому... этому ничтожеству денег, и сам он тоже даст, но затем закроет дверь за Сергеем Кирилловичем Бобровым, раз и навсегда успокоив свою совесть. Потом в разговор вмешалась и Алла Дмитриевна, супруги уже вдвоем долго выступали перед госпожой Гольц, объясняя ей всю бестактность ее поступка. И тогда их Женечка, милая Женечка, с которой они так хорошо жили все предыдущие годы, предложила:

– Если ты, Игорь, не хочешь общаться со своим отцом, то вы с Аллочкой можете вернуться в ее квартиру. Я не настаиваю на том, чтобы вы мирились с проживанием неприятных вам людей в моем доме. И конечно же, я нисколько не обижусь и прекрасно пойму ваш выбор, если вы так и решите сделать. Подумайте, мои дорогие. А пока Сергей Кириллович переночует в голубой комнате.

И ушла с любезной улыбкой, оставив супругов Бобровых оправляться от нанесенного удара.

С тех пор Бобров-старший остался при ней. Правда, особняку он предпочел маленький гостевой домик, в котором много лет назад жила его бывшая жена. К сыну и невестке он проникся презрением и не упускал случая уколоть их. Игорь Сергеевич, которому старик был как бельмо на глазу, изыскивал способы извести папочку, да все никак не мог изыскать. И вот в доме появилась Илона Ветрова... Дальнейшее Сергей Бабкин уже знал.

Домик и в самом деле был маленький, но очень аккуратный. Слева от прихожей находилась кухонька, а прямо – чистая комната с диваном, столом и гордо стоявшим на нем старым черным радиоприемником.

– Хорошая вещь, – заметив взгляд Бабкина, проворчал старик. – Все, что нужно, ловит. А всякие современные выкрутасы, телевизоры например, – так, блажь пустая. От них один мусор в голове.

Бабкин внимательно изучал Сергея Кирилловича, о котором столько узнал за последний час. Перед ним стоял старый, но крепкий еще человек с настороженным морщинистым лицом. Одет он был несколько неопрятно, но в домике царила чистота.

– Вы сами так за домом хорошо следите? – рискнул спросить Бабкин.

– А кто же? – хмыкнул старик. – Не эта же... – применил он крепкое словцо, – которую хахаль придушил.

– А кто у нее хахаль?

– Да все у нее в хахалях! – рявкнул старик. – Проститутку взяли в дом! Странно, как она настоящий бордель не развела у них. Хотя, может, и развела – мне отсюда не видно. Я бы и не удивился. С такими-то хозяевами!

Бабкин подумал, что Сергей Кириллович без особой благодарности отзывается о тех, кто дал ему приют, а Бобров-старший продолжал:

– Я ее, курву, сам бы приклепнул, да возраст не тот. Она ведь, стерва, что вытворяла! Вы слышали?

Бабкин неопределенно помотал головой.

– Ну так я вам скажу! Сиськами голыми передо мной трясла и жопой своей вертела. Хотела, поди, чтобы я на нее набросился, а тут они бы меня в дурку-то и уpekли. А то и чего похлеще – в тюрьму. Нет, голубчики, Боброва так просто, голыми руками, не возьмешь! Бобров сам кого хочешь за яйца схватит! Да ладно, хватит разговоры разговаривать. Ты из милиции ведь пришел, так? Ну, давай спрашивай, чего надо.

Бабкин помнил, что Бобров, по его словам, во время убийства слушал радио – литературные чтения. Однако одного утверждения деда для алиби маловато. Сыщик заготовил много вопросов, но сейчас, глядя на старика, не знал, с какой стороны к нему подступиться.

– Хватит молчать, – прервал его размышления Сергей Кириллович. – Садись за стол. Ты, поди, хочешь узнать, не я ли эту дрянь прикончил?

Бабкину ничего не оставалось, как кивнуть.

– Ну так я тебе скажу, – продолжал старик. – Нет, не я. Если б я решил ее жизни лишить, мне бы веревка не потребовалась. Я б ее голыми руками задушил!

И для убедительности он покрутил перед носом Сергея ладонями. Мельком глянув, Бабкин отметил, что руки у Боброва для его возраста неожиданно крепкие.

– А волосы вы бы ей тоже обстригли? – спросил он.

– Какие волосы? – прищурился старик. – Это ты к чему?

– Ну, ведь у Илоны Ветровой волосы были обрезаны. А сверху на них

ножницы бросили.

На лице Боброва отразилось неподдельное изумление. Секунду он, широко открыв глаза, смотрел на Бабкина, а потом переспросил:

– Обрезаны? Кому ж понадобилось над трупом такое паскудство учинять? Может, ее и того... насильовали после смерти? Всякие люди есть...

Бабкин помотал головой. Он знал, что Илону после смерти не насильовали. У нее вообще не было сексуальных контактов в день убийства.

– Вот же непотребство какое... – бормотал себе под нос старик. – Ну ладно, прикончил гадину, так зачем глумиться-то? Не понимаю...

Глядя на него, Сергей вдруг отчетливо понял, что Бобров говорит правду. Он не убивал девушку. И он действительно поражен известием об отрезанных волосах. Именно его реакция больше, чем все остальное, убедила Бабкина в том, что он ищет не там. Детектив быстро попрощался и собирался уже уходить, но перед самой дверью обернулся и заговорил несколько неуверенно:

– Сергей Кириллович, я понимаю, что это не мое дело... но я хотел у вас кое-что спросить....

– Так спрашивай, трепотню не разводи, – приказал старик.

– Где вас Евгения Генриховна встретила? Тогда, пять лет назад?

Старик оскалил желтоватые зубы в усмешке.

– А, товарищ милицейский работник, тебе уже напели в оба уха. А вот и скажу. Почему бы и не сказать? Домой она ко мне приехала, там и встретила. А все остальное – не твоего ума дело.

Бабкин кивнул в подтверждение своим мыслям и спустился по ступенькам. Надо было возвращаться в особняк.

Мальчик Жора наблюдал из окна, как детектив, похожий на медведя, топает по двору к дверям, и быстро обдумывал ситуацию. Вряд ли сыщик выйдет на то, что его не касается, но исключать такой ситуации нельзя. Пожалуй, для него лучше всего говорить правду – мужик, похоже, не дурак, хотя при необходимости Жора его переиграет в два счета. Если уж Гольциху ему удалось...

На этом месте Жориных размышлений раздался стук в дверь, и ему пришлось отвлечься. Пришел Бабкин.

Убедившись, что алиби у Жоры нет, Сергей поинтересовался:

– Скажите, вы знали об отношениях Бобровых и Илоны Ветровой?

– Вы имеете в виду, знал ли я о том, что Илона и Игорь Сергеевич вступали в половую связь? – поднял брови секретарь. – Знал, конечно. И

все знали.

– И его супруга?

– Алла Дмитриевна? Разумеется. По-моему, между господином Бобровым и Илоной все было довольно прозрачно. Но вообще-то говоря, мне не хотелось бы заниматься сплетнями.

«Не хотелось бы, как же! – хмыкнул про себя Сергей, поглядывая на вроде бы невозмутимого парня. – Да тебя хлебом не корми, дай только изложить все гадости, которые ты знаешь, и показать свою осведомленность. С какой бы стороны парнишку ухватить?»

Попытки «ухватить» Мальчика Жору Бабкин предпринимал следующие пятнадцать минут и к концу раунда вынужден был признать полную Жорину победу. Секретарь уворачивался, как намыленный уж. Он признался, что пару раз спал с Илоной, но ничего больше Сергей вытащить из него не смог. Жора всячески подчеркивал, что исполняет лишь функции секретаря и в делах Евгении Генриховны разбирается хорошо, а вот в отношениях семьи Гольц – плохо. Но когда Бабкин, отчаявшись, начал задавать вопросы об Ольге Степановне, поварихе и по совместительству няне, Жора слегка замялся.

– Знаете, мы с ней общаемся постольку поскольку. Ну, вы меня понимаете... Поэтому я о ней ничего сказать не могу.

– А об ее отношениях с Илоной? – спросил Бабкин.

Секретарь немного помолчал, потом очень серьезно произнес:

– Мне не хотелось бы вам о них рассказывать, потому что, во-первых, я хорошо отношусь к Ольге Степановне, а во-вторых, я уверен, что это ерунда, не имеющая никакого отношения к делу.

– Вы все-таки расскажите, – посоветовал Бабкин. – Если действительно ерунда, то никакого вреда она вашей Ольге Степановне не принесет.

– Пару раз я слышал, – поколебавшись, сказал Жора, – как после разговора с Илонкой Ольга Степановна плакала. Сам разговор я, конечно, не подслушивал, но заставлял Ольгу Степановну в слезах. Вот, собственно, и все. Конечно, Ольга Степановна Илону недолюбливала, но плакать из-за нее...

Поблагодарив за бесценные сведения, Бабкин попрощался с Мальчиком Жорой и пошел было в столовую, желая побеседовать с очередным кандидатом на роль убийцы, с кухаркой. Но в коридоре увидел маленькую черноволосую женщину – жену Эдуарда Гольца. «Само в руки идет – значит, надо брать», – решил Сергей, останавливая Наташу.

На сыщика, приглашенного Евгенией Генриховной, Наташа смотрела с

нескрываемым интересом. Во-первых, она любила детективные романы и фильмы. Во-вторых, он был не просто милиционер-опер, не даже следователь прокуратуры (тот оказался неожиданно молодым и хамоватым парнем), а частный сыщик. В-третьих, у Наташи сложилось мнение: настоящие сыщики и следователи не должны быть похожи на киношных героев. Просто потому, что жизнь – не кино. Но этот сыщик вполне вписался бы в хороший детектив – он был большой, серьезный, с умным лицом и очень внимательными глазами. Этаким мастино неаполитано. В крайнем случае, лабрадор. Подбирая более точное сравнение, Наташа задумалась и пропустила вопрос.

– Наталья Ивановна, что вы знаете об отношениях Илоны и Полесиной? – вежливо повторил его «лабрадор».

– Кто такая Полесина? – удивилась Наташа. – А, Ольга Степановна! Кажется, они не ладили. Во всяком случае Ольга Степановна жаловалась, что Илона плохо работает.

– А она и в самом деле плохо работала?

– По-моему, да, – пожала плечами Наташа. – Видите ли, я свою комнату сама убираю. Мне просто кажется, что такая молодая девушка и еще такая... как бы вам сказать... такая амбициозная по определению не может делать работу уборщицы качественно. У нее голова занята другим.

– Чем же?

– Мужчинами, – искренне ответила Наташа. – Илона хотела, как многие молодые и красивые девушки, поймать богатого жениха. Эдик для нее бы подошел, но у Эдика, видите ли, есть жена, которую он любит. Поэтому Илона переключилась на секретаря госпожи Гольц и на Игоря Сергеевича. Однако я не знаю, что у нее получилось.

– Откуда такая осведомленность, Наталья Ивановна? – прищурился Бабкин. – И, кстати, вы не боялись, что она уведет у вас мужа? Илона Ветрова была девушка молодая, очень броская...

– А я пожилая и страшная? – рассмеялась Наташа, и Сергей неожиданно улыбнулся. Смех у нее был заразительный. – Конечно, по сравнению с Илоной я проигрываю. Но только для тех, кому нужны броские и молодые. А такие, знаете ли, нужны не всем. Вот мой муж, например, любит маленьких и домашних, а подобных Илоне он боится. И правильно делает. Она была зубастенькая девочка, понимаете? До тигрицы недотягивала, но вот щучкой я бы ее назвала.

«Интересно, Наталья Ивановна, а сами-то вы кто? – усмехнулся про себя Бабкин. – Приехали в Питер из глубокой провинции – то ли из Костромы, то ли из Рязани, нашли себе Эдуарда Гольца, который со

временем унаследует бизнес маменьки, и благополучно окрутили его. Обеспечили своему сыну неплохое будущее».

– Кстати, если вы думаете, что я ничем не отличаюсь от бедной Илоны, – как бы прочитав его мысли, продолжила Наташа, – то ошибаетесь. Вы мне нравитесь, и поэтому хочется вам сразу объяснить. Разница заключается в том, что я очень люблю своего мужа. Если бы Илона чем-то угрожала его жизни или жизни моего сына, то я бы ее, наверное, убила. Но она не угрожала.

Слова «я бы ее, наверное, убила» она произнесла очень просто, без малейшей рисовки, и Бабкин понял: собеседница говорит искренне. И так же, как он поверил старику Боброву, Сергей сейчас поверил ей. По всему было видно: симпатичная маленькая женщина действительно любила своего мужа. Она действительно могла бы убить Илону и именно поэтому, скорее всего, не убивала.

– Слишком много претендентов на убийство, – проворчал Бабкин вслух.

– Да, – спокойно отозвалась Наташа. – Илону здесь не любили. Для меня загадка, зачем Евгения Генриховна держала ее в доме. Может быть, именно поэтому.

– Именно почему? – не понял Бабкин.

– Именно потому, что ее не любили. Или потому, что Илона была хорошим знаком для моей свекрови.

Увидев непонимание на лице детектива, Наташа рассказала ему о привычке Евгении Генриховны трактовать различные явления жизни и вещи, на которые наталкивается взгляд, как указующие символы. От жены Эдуарда Гольца Бабкин вышел, ощущая, что голова у него пухнет, но толку от почерпнутой информации не было никакого.

– Я Винни-Пух, – негромко сказал себе Бабкин, спускаясь по лестнице. – Я Винни-Пух, и дома меня ждет много меду.

Он бросил взгляд вниз и увидел последнего кандидата на собеседование – домашнего метрдотеля Полесину. Женщина стояла в холле с кувшином в руке и смотрела на него дикими глазами.

Когда Ольга Степановна увидела спускающегося по лестнице здорового мужика, бормочущего про то, что он Винни-Пух, ей показалось, что весь дом сошел с ума. Последнее время она нервничала, чуть не перепутала соль с сахаром, готовя салат, и все валилось у нее из рук. Чтобы успокоиться, она решила полить цветы, взяла кувшин и вышла в гостиную. И тут, как назло, возник сыщик, нанятый Женечкой непонятно зачем. Ведь есть же прокуратура! И следователь ее уже допрашивал! А

теперь снова предстоит вспоминать, как она нашла Илону, да еще и рассказывать о том ужасе человеку, который слегка не в своем уме. Господи, за что же такое наказание...

– Ольга Степановна, какие у вас были отношения с Илоной Ветровой? – стараясь говорить мягко, приступил к разговору Бабкин, усевшись на один из мягких стульев.

– Ой, плохие у нас были отношения, плохие! – махнула рукой Ольга Степановна. – Вот сейчас вспоминаю, самой стыдно становится. И ругала я ее, и бранила, да все без толку.

И женщина подробно рассказала, чем Илона выводила ее из себя. Все это сыщик уже знал от жены Эдуарда Гольца, ничего нового повариха ему пока не сообщила.

– Скажите, – прервал он ее рассказ, внимательно глядя на Ольгу Степановну, – а почему вы несколько раз плакали после разговоров с Илоной?

Женщина покраснела и нахмурилась.

– Господи, да глупость такая, что даже и говорить стыдно. Понимаете, я Илону все ругала и ругала, просила ее нормально в доме убираться, а она ни в какую. Я уже сердито стала с ней разговаривать, а она возьми да скажи мне: ты, мол, ко мне так пристаешь, потому что к Георгию ревнуешь. Георгий – это секретарь нашей Женечки. Я сначала даже и не поняла, о чем она. Потом уж дошло. А она смеется еще так, будто я и в самом деле... В общем, довела меня до слез. Мы о таких вещах даже и не думали, а она вслух, да еще словами такими, знаете...

Бабкин кивнул. Он легко мог представить, что могла сказать девушка по поводу отношений Ольги Степановны и Мальчика Жоры.

– И потом еще один раз было, – продолжала Ольга Степановна. – Опять я ее укорила за что-то, даже пригрозила Женечке пожаловаться. Хотя я уж и жаловалась, да толку никакого не было. А Илона опять про то же. Да так зло говорила, я и не ожидала!

– А что именно она сказала? – уточнил Бабкин.

– Стыдно повторять, – смутилась женщина. – Сказала, что я от старости на всех подряд вешаюсь. Что хочется мне в кои-то веки мужика нормального. И еще что-то говорила, только я уже не слушала. Я, грешным делом, после подумала, как бы мне известить ее из дома. Только вот как страшно все решилось, правда?

Бабкин кивнул, подумав, что Илона Ветрова, кем бы она ни была, сделала все, чтобы приблизить свою смерть. В особняке не было ни одного человека, который сказал бы о ней хоть одно доброе слово. Правда, у него

впереди встреча с матерью и сыном Гольц. Может быть, хоть от них он услышит, почему же Илона Ветрова все-таки работала в этом доме. «А если повезет, то услышу, и почему умерла», – мелькнула мысль.

* * *

Девушку несли на руках «охранники». Они бежали друг рядом с другом, как-то по-особому переплетя руки, а она болталась между ними, держась за их потные шеи. Время от времени она проваливалась то ли в сон, то ли в забытие, и тогда ей начинало сниться, что она едет в карете, как мечталось маленькой девочкой, но почему-то ей это совершенно не нравится. И она кричит, просит кучера остановить бешено мчащихся лошадей, но тот оборачивает к ней лицо, и она с ужасом видит безумный взгляд, устремленный на нее. Упряжка мчится быстрее и быстрее, а когда она пытается выскочить, то обнаруживает, что дверцы заперты.

Девушку тряхнули, и она открыла глаза. Вокруг по-прежнему был лес. Он тревожно шумел, деревья качались от ветра и скрипели. Неожиданно ее аккуратно опустили на траву, рядом раздался голос Данилы. Остальные Безымянные доставали спальные мешки, укладывались спать, не разводя костер.

– До рассвета всего три часа осталось, – услышала она голос Данилы совсем рядом. – Вы оба отдохните. И она пускай отдохнет.

Ничего не соображающую девушку приподняли, потом опять положили, перевернули на живот, и спине вдруг стало невыносимо больно. Она хотела закричать, но тут боль прошла. Она почувствовала что-то мягкое и догадалась, что это вата.

«Раны перевязывают, – поняла она. – Зачем? Глупость какая. Все равно мы умрем». Но боль, мучившая ее, стала немного меньше. Сильные руки бесцеремонно перевернули ее на бок, сверху что-то легло, и вдруг стало тепло. Не успев ни о чем подумать, девушка провалилась в глубокий черный сон.

Утром, как только она открыла глаза, ее вывернуло наизнанку – она еле успела высунуться из-под одеяла. Безымянный, сидевший настороже, бросил на нее невыразительный взгляд и отвернулся. Она попыталась встать, но тут «охранник», спавший рядом с ней, поднял голову, и она заползла обратно под одеяло. Лагерь просыпался. Сумерки быстро рассеивались, и стволы деревьев виднелись все четче и четче. Вокруг стояли высокие сосны, и солнце уже золотило их верхушки. На траве

лежала роса.

– Поднимайся, – раздался рядом голос, и девушка со стоном откинула одеяло. «Хорошо, что ночь была теплая», – мелькнуло у нее в голове, но потом она поняла, что это неважно.

Быстро перекусив хлебом и запив его водой, которую взяли у хозяина дома в деревне, паломники собрались вокруг Данилы. Сейчас на всех были прежние плащи, и они приготовились к чему-то важному. На девушку, сидевшую в стороне прямо на земле, никто не обращал внимания, но она понимала, что бежать ей не удастся.

– Безымянные братья и сестры, – громко и торжественно произнес Данила. – Почти весь Путь наш пройден. Остался последний этап – давайте же пройдем и его. Слушайте Господа!

– Слушай Господа! – стройно отозвались Безымянные, размыкая кольцо.

Девушку опять подхватили на руки и понесли.

На сей раз шли недолго. Узкая тропа, на которой два человека помещались еле-еле, вывела их на поляну. Солнце уже пригревало, и в воздухе пьяняще пахло какими-то травами и цветами. На краю поляны стоял огромный старый дуб, а за ним начинался другой лес, словно по поляне кто-то провел разделительную черту, оставив сосны с одной стороны, а дубы с другой. Именно к этому громадному, мощному дубу и привел своих людей Данила.

Все остановились в молчании. Под деревом разросся шиповник, закрывающий колючими ветками что-то большое и серое. Данила осторожно отодвинул ветки, все подошли поближе, и глазам их открылся большой камень. Кто притащил его сюда и как – непонятно. Девушку поставили на ноги. Она сразу же ощутила тянущую боль в спине и опухших икрах, но тоже подошла ближе. Безымянные, расступившись, пропустили ее, не говоря ни слова. Девушка, словно зачарованная, смотрела на камень. Чья-то рука старательно выдолбила слова на поверхности камня: «Лука. Покойся во Христе». И они не стерлись от времени, и камень не раскрошился.

Здесь похоронен Лука, поняла девушка. Интересно, кто же он был такой? Она обернулась и увидела, что безымянные расселись вокруг камня, откинув с лиц капюшоны. Около нее остался только Данила. Секунду она постояла в растерянности, не зная, что делать дальше, но тут Данила молча надавил ей на плечо, и она опустилась на землю около его ног. Шиповник колючей веткой оцарапал щеку, но боли она не почувствовала.

– Вы прошли испытания, – негромко и властно сказал Данила. – Все,

кроме одной. Вас ждет последнее. После него каждый из тех, кто пройдет его, получит Имя, и нет ничего важнее Имени, данного тебе Господом. Под этим камнем покоится человек, который прошел свое испытание и получил имя от господа. Его имя осталось вырезанным на камне как наставление нам, идущим за ним следом. Сможем ли мы пройти испытание вслед за ним?

– Да, – хором ответили паломники.

– Не побоимся ли мы?

– Нет!

– Тогда начнем, и пусть имя Господа будет с нами.

От Безымянных отделились два «охранника» и, прежде чем девушка успела что-либо сказать, подняли ее и повернули спиной. Секунда – и ее положили на камень животом вниз, а чья-то грубая сильная рука прижала ее шею к холодной шершавой поверхности. Руки ей оставили свободными, но в таком положении она не могла ничего сделать. Страх и унижение, овладевшие ею, заставили ее выкрикнуть:

– Господи, что вы делаете?!

Голос, когда-то бывший родным и любимым для нее, сурово ответил:

– Не поминай имени Господа всуе. Последнее испытание начинается – встретить его достойно.

Она завизжала и начала извиваться, но в ответ чьи-то пальцы сжали ей шею с такой силой, что она закричала уже от боли. И в этот момент в рот ей засунули тряпку. Она замолчала, сразу обессилев, и только смотрела на зеленые с прожилками листики, оказавшиеся прямо перед глазами.

– Когда человек получает имя? – спросил Данила. – После рождения. И каждый из нас получал такое имя, но оно ничего не значит для Господа. Только человек, сумевший преодолеть в себе все греховные позывы, может обрести настоящее имя. Вы преодолели их и прошли через все испытания, подтвердив, что сила вашего духа велика. Слушайте Господа!

– Слушай Господа! – отозвались паломники, и в хоре их голосов девушка не узнала ни одного знакомого.

– Только одно осталось вам, дети Господа, – с нарастающей силой продолжал Данила. – Только одно. Как человек, приходя в мир из чрева матери, обретает имя, так же и вы, чтобы обрести его, должны родиться. И только через смерть даруется человеку второе рождение. Как птица Феникс возрождается из пепла, так же и вы восстанете к новой жизни с именами. Слушайте Господа!

– Слушай Господа!

– Каждый из вас сейчас – безымянный и ничем не отличается от

другого. Все вы – как один человек, и каждый из вас – как все. Каждый из вас умирает и рождается в другом, как смерть одного листа на дереве есть смерть всех листьев и всего дерева. И рождение одного листа тоже есть рождение всех и всего дерева. Что должны принять мы, чтобы возродиться к жизни с Именем?

– Смерть! – выкрикнули паломники.

– Как примем мы эту смерть?

– Славя Господа!

– Что обретем мы после смерти?

– Имена!!! – раздался рев, и девушке показалось, что шиповник перед ее лицом закачался.

– Да! – крикнул Данила, кладя руку на голову девушки. – Через смерть одной безымянной, чья жизнь не нужна Господу, обретем мы второе рождение и имена! И помните, что каждый из нас, дабы возродиться, должен убить себя. Готовы ли вы?

– Да!

Сзади послышался неясный шорох, словно каждый из безымянных поднимался с травы. Представив себе их лица, девушка отчаянно задергалась, завозила руками по камню и вдруг ощутила под пальцами что-то твердое. Безжалостно обдирая руку о ствол шиповника, она просунула ее к корням кустарника и крепко сжала в руке камень. Он был тяжелый, с острыми углами, и девушка подумала, что он, наверное, откололся от большого камня с другой стороны, той, которую она не видит.

«Они должны повернуть меня к себе лицом! – твердила она, словно заклятие, пока тихие шаги сзади все приближались и приближались. – Они не будут убивать меня со спины. Они должны повернуть меня лицом. Господи, сделай так, чтобы они повернули меня!»

И тогда, когда она уже совсем потеряла надежду, сзади раздался голос Данилы:

– Эта безымянная должна встретить свою смерть и свое рождение. Взгляните ей в глаза.

Рука, которая крепко сжимала ей шею, вдруг ослабла, и девушка вывернулась. Она не бросила ни одного взгляда на Безымянных, окруживших ее волчьим кольцом. Издав короткий страшный вскрик, с полного замаха она обрушила камень на стоявшее рядом с ней страшное существо, смотревшее на нее ясными синими глазами. Глазами дьявола. Руки ее были слишком слабыми, но острой гранью камень рассек дьяволу кожу на голове. По лбу, по глазам дьявола заструились красные густые капли, и вокруг раздался крик. В одну долю секунды девушка вскочила

на камень, прыгнула с другой стороны и бросилась бежать, ничего не слыша за собой. «Они меня не догонят. Они растерялись. Я убила их дьявола... или просто ранила... и сейчас они не знают, что делать. У меня есть время, чтобы убежать и спрятаться. Где-то не очень далеко должна быть деревня». Она на ходу вытащила вонючую тряпку изо рта и отшвырнула ее в сторону.

Лес, который всегда был ее союзником, сейчас помогал ей. Инстинктом существа, ищущего укрытие, она понимала, куда можно бежать, а куда нельзя, и безошибочно находила лазейку в зарослях кустарника между дубами. Ничего не было слышно, кроме шума деревьев вокруг нее, и спустя какое-то время она остановилась и упала на траву, тяжело дыша. Погони не было.

Она перевернулась на спину и стала смотреть в небо. Над ее головой высоко-высоко качались ветки. Где-то застучал дятел и сразу умолк. Все существо девушки охватила странная безмятежность, которую прерывали только резкие толчки боли где-то внизу живота и в спине. «Надо встать и попробовать найти деревню», – подумала она, и в ту же секунду вдалеке резко и тревожно закричала лесная птица.

Вскочив на ноги и чуть не закричав от боли, девушка с ужасом начала вслушиваться и разобрала чьи-то негромкие голоса и хруст веток. «Они меня не оставят, – мелькнула страшная мысль. – Они хотят закончить то, что начали». Она метнулась в одну сторону, в другую, и крики за спиной показали ей, что ее заметили.

Она бежала из последних сил. Бог должен вывести ее. Не тот идол, о котором твердил не переставая Данила и ради которого она отказалась от имени, которым так ласково называла ее мама. Настоящий бог. «Господи, выведи меня! – взмолилась она мысленно, падая от усталости и боли. – Спаси меня!» Она поднялась и, прихрамывая, подбежала к большому дубу с зарослями малины с одной стороны. Спрятаться в кустах? Нет, ее быстро найдут. Но бежать она больше не могла. Метнулась в гущу зарослей и остановилась в изумлении.

В основании дуба была огромная трещина – видимо, в него когда-то ударила молния, и через трещину виден пустой изнутри ствол. Глянув вверх, она увидела, что дерево давно засохло, а трещину скрывали кусты. Голоса зазвучали совсем близко, она услышала топот и, не раздумывая больше ни секунды, протиснулась в щель. Присела – внизу все оказалось почему-то черным – и постаралась тихонько собрать руками ветки перед собой. Под сводом дупла что-то зашуршало, но она даже не подняла голову.

– Где она? – спросили совсем рядом.

Девушка узнала голос того «охранника», который помог ей с кроссовками.

– Здесь была вроде, – ответил другой. – По-моему, туда побежала.

– Ну, давай за ней, быстро. Она в таком состоянии далеко удрать не сможет.

Что-то заскрипело, протопали шаги и смолкли. Девушка посидела еще минут десять, слушая, как потихоньку успокаивается бешено колотящееся сердце, потом осторожно раздвинула кусты и выглянула. Никого. Обдирая плечи, она выбралась из расщелины и погладила старое дерево по сухой коре. Теперь ей нужно было выйти к деревне...

Глава 12

Бабкин расспрашивал Эдуарда Гольца в столовой. Жена его, Наташа, отправилась забирать сына из садика одна, и господин Гольц был несколько недоволен тем, что его планы нарушены. Однако он старался своего настроения не демонстрировать и на вопросы Бабкина отвечал подробно и вежливо.

Сергей поймал себя на мысли, что хоть мужик ему и не нравится, но представить его в роли убийцы сложно. Отравителя – еще куда ни шло, но душителя... А потом, мотив у Эдуарда Гольца не вырисовывался никак – разве что у него была связь с уборщицей и та шантажировала его, обещая рассказать все жене. Но в такое предположение, несмотря на бросающуюся в глаза привязанность господина Гольца к супруге, Сергею верилось слабо.

– Скажите, а у вас есть какие-нибудь догадки? – поинтересовался он.

– Я не буду оригинален, – пожал плечами Эдуард. – Полагаю, что убийство Илоны – дело рук Степана Затравы. Моя мать считает, что это предостережение ей на будущее, но мне кажется, что скорее такой удар напоследок уже побежденного противника. Поскольку вопрос с маминными салонами на ближайшее время решен, Затрава решил отомстить... таким вот диким способом.

– А почему только на ближайшее?

– Потому что я не люблю загадывать вперед. Пока человек, к которому мама обратилась за помощью, крепко сидит на своем месте, она неуязвима. Но в нашем государстве... – Эдик сделал выразительную паузу. – Вот поэтому я и говорю о ближайшем времени.

– Скажите, Эдуард, – сменил тему Бабкин, – а как в вашей семье происходят расчеты? Я имею в виду, кто платил Илоне, кто платит тому же секретарю или Ольге Степановне?

– С секретарем все просто, – отозвался Эдик. – Его работу полностью оплачивает мама. Собственно говоря, с Илоной и Ольгой Степановной было то же самое, но Ольга Степановна взяла на себя еще и заботу о Тимофее, поэтому, конечно, мы с Наташей ей доплачиваем.

– А у Илоны Ветровой был доступ к деньгам, хранящимся в доме?

– Не думаю, – удивленно ответил Эдик. – С одной стороны, у нее был доступ во все комнаты, кроме нашей – жена не любит, когда в ее комнату входят чужие. С другой – никаких крупных средств в доме не держится. Кроме маминных драгоценностей. Честно говоря, я не знаю, как мама

решила этот вопрос. Думаю, что элементарно заперла ящик стола, вот и все.

Бабкин задумался. Шестое чувство, не раз выручавшее его прежде, подсказывало, что разгадка где-то близко, но вот где именно... «Надо будет перепроверить квартиру Илоны, ее личные вещи», – запоздало решил Бабкин и только собирался задать очередной вопрос, как у Эдуарда мелодично зазвонил телефон. Гольц прижал его к уху, и Сергей с удивлением увидел: лицо его, по мере того как говорил собеседник, все больше и больше бледнело, пока не стало почти белым.

– Я сейчас буду у тебя, – выдохнул Эдуард в трубку и бросился к выходу из столовой.

– Что случилось? – крикнул ему вслед Бабкин.

Эдуард Гольц обернулся в дверях.

– Мальчика похитили, – сказал он негромко. – Тимофея.

Тимофея похитили самым банальным способом – унесли через дырку в заборе. Когда Бабкин увидел ее, он только пожал плечами, подумав: «Ну да, и в самом дорогом садике найдется дырка в заборе. Дырка есть всегда, надо только знать, где ее искать». Человек, похитивший мальчика, знал. В дальней части территории угол зарос кустарником, который давно не прореживали. Веточки уже покрылись маленькими клейкими листочками. И за кустами в сетке была старая дыра с рваными краями. Оперативники, очень быстро появившиеся по вызову, обнаружили следы и маленькую шапочку, в которой Наташа опознала шапку Тимоши. Выяснилось, что воспитательница повела детей гулять вечером, перед приходом родителей. Когда именно исчез мальчик, она не могла сказать, но обнаружилось это за полчаса до прихода Наташи. Сначала обыскали всю территорию, думая, что малыш просто спрятался, но нигде его не нашли.

До тех пор, пока милиция не обнаружила свежие следы у забора, Эдик надеялся, что с Тимом не случилось ничего страшного, но теперь надежда исчезла. Он посмотрел на жену. Наташа стояла очень бледная, с крепко стиснутыми губами, но выражение лица у нее было на удивление спокойное. «Какая она молодец! – пораженно подумал Эдик. – Какая же она молодец!» Он шагнул к ней и обнял жену за плечи.

– Ната, мы его найдем, – пообещал он. – Я тебе обещаю, что с ним все будет в порядке.

– Да, – неожиданно ответила Наташа. – Я знаю. С ним все хорошо, я чувствую. Главное, чтобы они его не очень испугали.

– Кто – они?

– Те, кто его похитил. Я не знаю, сколько их, может быть, один. Но с Тимом ничего не случится. Я знаю.

Эдик крепко обнял ее и взял за руку. Рука у Наташи не дрожала.

Вечером все телефоны в доме были установлены на полную громкость. Ждали звонка от похитителей, но его не было. Эдик регулярно проверял почту – безрезультатно. Оставив Наташу сидеть в комнате Тима, он спустился вниз. В гостиной около окна сидела Евгения Генриховна с очень прямой спиной. Эдик застыл в дверях, глядя на мать, и ему пришло в голову, что она, должно быть, тоже очень привязалась к ребенку.

– Мама, – негромко позвал он. – Мама, все будет хорошо.

Евгения Генриховна обернулась, и его поразило выражение ее лица со скорбной складкой, пролегшей возле рта, и словно почерневшими глазами, и без того темными.

– Знаешь, Эдя, – отрешенно сказала она, глядя куда-то в сторону, – последние несколько месяцев мне часто снится один и тот же сон. Как будто бы я ночью, неизвестно почему, оказываюсь в реке. Вода холодная, течение очень быстрое, и я пытаюсь плыть к берегу, потому что иначе утону. Сначала я плыву вправо, потом влево, и меня не очень сносит. Да, да, то, что меня почти не сносит, особенно хорошо помню. И я радуюсь, Эдя, потому что очень хочу добраться до берега. А его все нет и нет. И я вдруг совершенно неожиданно понимаю, что река без берегов. Понимаешь, я плыву, а вокруг одна река. И никаких берегов.

Евгения Генриховна опять отвернулась к окну. Эдик подошел к матери, хотел обнять ее, но нежности не были приняты между ними, и он замер на секунду, пытаясь понять, как ему лучше выразить свои чувства. Ничего не придумав, тихо повторил: «Все будет хорошо», – и почему-то на цыпочках вышел из гостиной.

Аппаратура, установленная на телефоны, не понадобилась – до следующего утра никто с требованием выкупа так и не позвонил. Наташа с Эдиком уснули под утро: он – на супружеской кровати, она – на диванчике в Тимошиной комнате. Проснувшись, Эдик спустился в столовую и застал там завтракающих Бобровых. Мельком удивился, что последние дни почти не видел родственников, и тут же забыл о них – он понял, о чем должен поговорить с матерью.

– Мама, я прошу тебя, – повторил он в третий раз, сидя в ее кабинете. – Смерть Илоны – это ужасно, и найти ее убийцу, разумеется, надо. Но на первом месте для всех нас Тим, понимаешь? Если нанятый

тобой детектив так хорош, как ты о нем говоришь, пожалуйста, давай привлечем его. Мы разыщем Тима, и он опять примется за свое расследование. Пожалуйста, мама!

– Я говорила тебе! – не выдержала и повысила голос Евгения Генриховна. – Я ведь говорила тебе, Эдуард: отправь их к Ольге Валерьевне!

– Ты была права, – покорно признал ее сын. – Но я прошу тебя, помоги мне исправить мою ошибку!

– Поисками мальчика занимаются лучшие оперативники, – устало произнесла госпожа Гольц.

– Так пускай занимается и еще один хороший детектив! Я верю, что он разыщет нашего сына, понимаешь?

– Ты не веришь, ты надеешься.

– Пусть так. Не отнимай у меня хотя бы надежду.

Евгения Генриховна тяжело вздохнула и кивнула. Эдик вскочил и выбежал из кабинета.

– Господи, куда нас несет? – прошептала Евгения Генриховна, оглядываясь вокруг в поисках каких-нибудь Знаков. Но мир вокруг нее молчал. Знаков не было.

Узнав о новом поручении, Бабкин только кивнул – он ожидал чего-то в таком роде. Евгения Генриховна и Эдик были абсолютно уверены, что похищение ребенка – дело рук Затравы, но Бабкина очень настораживала одна вещь – до сих пор не пришло никакого требования о выкупе или о чем-то подобном. «Не хватало еще, чтобы мальчика угробили», – сокрушался сыщик, с сочувствием глядя на молодую жену Эдуарда Гольца. Приходилось признать, что она держится лучше всех и рассуждает более-менее спокойно. За свою жизнь Сергей видел людей в самых сложных ситуациях, и, как правило, только некоторые из них проявляли себя с лучшей стороны. Наталья Ивановна Гольц, безусловно, относилась к их числу.

Дом словно застыл, пораженный случившимся. Алла Дмитриевна Боброва, как и ее супруг, безвылазно сидела в своих комнатах, выходя только к обеду. Ольга Степановна, узнав о похищении мальчика, чуть не потеряла сознание, а потом беспрерывно плакала у себя в комнатке, и было очевидно, что повар сейчас из нее никакой. Между делом, рассказывая Бабкину все, что знала, обед приготовила Наташа – с прежними обедами он, конечно, не мог сравниться, но, на вкус Сергея, был вполне съедобным. Семья молча поела и расплзлась по комнатам.

Евгения Генриховна закрылась у себя. Мальчик Жора скользил бесшумной тенью по дому, но, наткнувшись пару раз на неприязненный взгляд Бабкина, исчез и больше не показывался. Старик Бобров утром вылез на крыльцо своего домика, постоял, заполз обратно, и больше его никто не видел. Эдик сидел около телефона в гостиной и не отрываясь смотрел на аппарат. Тот молчал. В особняке воцарилась тишина.

– Наталья Ивановна, у вас есть какие-то предположения?

Бабкин с Наташей сидели в столовой. По окружавшим их серебристым стенам пробегали тени от качающихся за окном деревьев – день стоял солнечный, но очень ветреный.

– Вы знаете, Сергей, – помолчав, ответила Наташа, – можете называть это блажью, но интуитивно я уверена в одном: Тимошу украл не тот бизнесмен. Вы понимаете, о ком я?

– О Затраве?

– Да. Однако я не могу представить, кому еще могло понадобиться похищать моего сына.

– У вас есть враги? – серьезно спросил Бабкин. – Они должны у вас быть, вы же умная женщина и сами все понимаете. Я, конечно, проверю возможные варианты, но время сейчас очень дорого. Не хочу вас пугать....

– Не испугаете, – покачала головой Наташа. – С Тимом все в порядке. Я чувствую, понимаете? Я знаю, что ему очень страшно, но с ним все в порядке.

Бабкин внимательно посмотрел на женщину. Ее уверенность была поразительной. «Может быть, это такое самовнушение, чтобы не сойти с ума от страха за ребенка? – подумал он. – В любом случае, лучше уж самовнушение, чем паника».

– Что касается врагов... – продолжала Наташа. – Если бы у моего мужа имелась любовница, которая намеревалась выйти за него замуж, то она была бы врагом. Но любовницы у него нет.

– Ваш муж – единственный наследник госпожи Гольц? – быстро спросил Бабкин.

– Не знаю, – удивилась Наташа. – Никогда, честно говоря, не задумывалась. Наверное, да. Ведь дочь Евгении Генриховны, кажется, умерла. Но она сама еще в таком возрасте, понимаете...

Бабкин понимал. Вспомнив Евгению Генриховну и мысленно сравнив ее с Эдиком, он подумал, что неизвестно еще, кто кого переживет. Хотя господин Бобров со своей супругой могут просчитывать варианты...

Он еще раз обдумал услышанное от Наташи и Эдика. Поразительно, но серьезных врагов – таких, которые пошли бы на похищение мальчика, –

не было ни у того, ни у другого. Господин Гольц работает в банке и с бизнесом матери никак не связан. Наталья Гольц, бывшая Зинчук, переехала в Санкт– Петербург из Рязани и не имеет никаких серьезных знакомств. Оставался только один вариант.

– Наталья Ивановна, где сейчас живет ваш бывший муж? – спросил Бабкин.

Мужчина сидел на крыльце своего дома и поглядывал на мальчишку, возившегося в грязном дворе. Апрельское солнце пригревало, но ветер дул холодный, пронизывающий. Здесь их защищала стена дома. Из трубы поднимался дым, который быстро разносил ветер. В воздухе отчетливо пахло дымом и еще – весной. «Весна – это хорошо, – подумал мужчина. – После весны лето». Он не мог объяснить, почему это хорошо, – давным-давно уже в его голове остались только шаблоны, по которым он строил свою жизнь. Утром нужно почистить зубы. Завтрак зимой должен быть горячим. Почему горячим? Он не знал и не задумывался. Достаточно того, что так правильно.

Сейчас он смотрел за мальчишкой на краю лужицы. Грязной ручонкой тот провел по лбу, и на светлых, почти белых волосиках осталась грязь. Мужчина смотрел на нее, и в памяти его всплыло, как лежал в грязи его друг, но на его светлых волосах была не грязь. Кровь. Воспоминание было неправильным. Мужчина тряхнул головой и отогнал его.

– Я хочу к маме! – пожаловался мальчик, повернувшись к нему.

– Мама приедет попозже. Ты пока у меня поживешь, – невыразительно ответил мужчина, подумав: «Хорошо, что меня научили, что говорить. Сам бы я не догадался».

– Я хочу, чтобы мама сейчас приехала! – заплакал мальчик.

– Перестань плакать. Я не хочу, чтобы ты плакал, – так же невыразительно ответил человек, и Тим замолчал.

Он ничего не понимал. Не понимал, почему его так быстро унесли с прогулки в детском саду. Не понимал, почему они живут в такой же избе, как у дедушки с бабушкой, и почему мама никак не заберет его. Но одно он понимал хорошо – нельзя злить этого человека.

Тим всхлипнул и отвернулся к луже, в которую он запускал щепки-кораблики.

Убедившись, что мальчик играет, мужчина встал, зашел в дом и вернулся уже с винтовкой. Ему сказали, что с мальчиком все должно быть в порядке. Сказал человек, который был для него богом. Значит, с ним и должно быть все в порядке. Может быть, ребенка хотят украсть?

Мужчина подозрительно огляделся по сторонам, но все было спокойно. Поле за его домом просматривалось хорошо, а дорога, петлявшая вдоль поля, была пустой. Крепко сжимая винтовку, мужчина встал, обошел вокруг дома и вернулся на крыльцо. «За добро нужно платить добром, – вспомнил он очередную истину. – Я делаю доброе дело. Значит, я все делаю правильно».

Несколько раз кивнув головой, он перехватил винтовку поудобнее и опять стал смотреть вдаль.

Глава 13

До могилы старца Луки Макара вел вездесущий Иван Демидович. Шли они долго, иногда чуть не по колено в грязи, но вообще в лесу неожиданно оказалось довольно сухо.

– Лука был отшельником, – рассказывал Иван Демидович по дороге внимательно слушавшему Макару. – Толком про него уже никто ничего не знает, больше выдумывают, но вроде как он из нашей деревни ушел, когда ему было тридцать лет, и поселился в лесу. Лукина поляна, так до сих пор то место называется. Ты не торопись, идти нам еще прилично.

– А на машине нельзя было проехать? – огляделся Макар.

– Нет, туда никак не проедешь. Сейчас с дороги свернем – и дальше почти четыре километра лесом. А может, и больше – давненько я там не был.

– Не заблудимся? – насторожился Макар.

– Заблудимся, заблудимся, – кивнул Иван Демидович. – Или нас медведи съедят.

Макар хмыкнул и больше вопросов не задавал. А старик продолжал рассказывать.

На поляне Лука соорудил что-то вроде землянки, в ней и жил. К зиме подготавливал ее, а летом туда почти не заходил – спал на голой земле. Только во время сильного дождя прятался, да и то не всегда. Ел, что бог пошлет, но вообще-то его шатонинские родственники подкармливали. Очередность установили: одну неделю одни кормят, вторую – другие и так далее. Самое главное – он на себя обет молчания взял и от имени отказался. Перед тем как уйти в лес, объявил, мол, имени своего он недостойн, его, то есть имя, заслужить надо. И пошел... заслуживать. В лесу он прожил без малого лет пятнадцать. Его бы, пожалуй, впору было к святым причислять, если бы не ужасный его облик.

– Запаршивел весь, говорят, – рассказывал старик. – К тому же умом был тронутый. Ну, что тронутый, так оно понятно: какой человек в своем уме в лес жить отправится, на земле спать и кору глодать? Он бы и помер непременно ближайшей же зимой – у нас тут для отшельников климат неподходящий, но родня его землянку утеплила. Мать моя рассказывала, что Лука ругаться на родственников-то хотел, но не мог. Обет не позволял! Уж чем утепляли – не знаю, но прожил он в ней долго.

– А землянка и сейчас стоит? – спросил Макар.

– Нет, землянки нет. После смерти Луки из ближайших сел народ набежал, и разобрали ее по бревнышкам. Вроде как святыню, должно быть. А что не разобрали – то мальчишки порушили. Вообще, конечно, нездоровый ажиотаж поднялся после его смерти, – солидно заметил Иван Демидович. – При жизни как-то... поспокойней было.

Пока Лука жил отшельником, прежнее его бытование в деревне как-то подзабылось. До тридцати лет жил в Шатонине и ничем особенным себя не проявил – жил с родителями, не женился, дома своего не завел. «На барана был похож, по словам матери моей, – бросил Иван Демидович. – Курчавый и малость глуповатый». После его ухода на семью Луки поглядывали кто с сочувствием, а кто с издевкой – мало радости в том, что мужик крышей съехал и отшельником себя возомнил. Ребятишки его боялись из-за страхолюдной внешности и в лес к нему не совались. Остальные просто стороной обходили – мало ли что ненормальному в голову взбредет! «Странно еще, как его милиция в покое оставила, – удивлялся Иван Демидович. – Тунеядец ведь он был, по закону-то». Как бы то ни было, Лука прожил в лесу пятнадцать лет. И вот однажды, в начале сентября, он появился в деревне.

– Весь народ из колхоза сбежался смотреть, – качал головой Иван Демидович. – Я тогда маленький был, дома сидел, а кто постарше мальчишки – помчались. Потом рассказывали. Вышел он на площадь – ну, на пятачок около магазина – и зарычал. Сначала перепугались все, а потом поняли: он говорить хотел, а не мог. Прорычался, прокашлялся и объявил: «Мне слово было от Господа, что могу я себе имя взять. Теперь, люди добрые, зовут меня Лука». Сказал – и упал замертво. Вот после того и поднялась кутерьма: святой, мол, к нам приходил! Отнесли его на поляну, похоронили под дубом. А сверху мужики здоровенный камень положили – и не лень им было на веревках его тащить по всему лесу. Вроде как, память чтобы была вечная. Ну, вечная не вечная, но землянку вот разобрали, а камень никуда не делся – дураков нынче нет его по лесу таскать.

– Что же он в лесу делал пятнадцать лет? – подумал вслух Макар.

– Это уж у него спрашивать надо, – усмехнулся Иван Демидович. – Ну все, скоро уже придем.

Спустя минут двадцать Макар стоял на поляне возле большого дуба с черными ветками. Как и говорил старик, камень лежал под дубом. «Лука. Покойся во Христе» – прочитал Макар высеченную сверху надпись. Детектив огляделся вокруг, поднял глаза к небу и устало привалился к камню. Все. Вот теперь его задание было провалено до конца.

– Эй, ты чего невеселый? – поддел его старик. – Могилу старца хотел

найти? Вот тебе и могила.

«Хрен ли мне с той могилы?» – хотел ответить Макар, но только махнул рукой. Он ясно понимал, что путь его окончен. Скорее всего, девушка похоронена где-то здесь, неподалеку, но не искать же ее останки по всему лесу... Она может быть зарыта где угодно. «Ее, по всей видимости, – думал Макар, – убили еще в деревне. Именно это и подглядел мальчишка. Затем принесли сюда для какого-нибудь безумного обряда. А потом тело спрятали. Вокруг один лес. Лежит сейчас где-нибудь Элина Гольц, точнее ее косточки, и найти ее нет никакой возможности». – «А на что ты, собственно, рассчитывал?» – спросил он самого себя. Да ни на что. Иного результата и быть не могло. Но весь его путь так определенно вел к какой-то цели, что в конце концов прийти к камню, под которым лежит прах полубезумного отшельника...

«Стоп-стоп-стоп! – сказал себе Макар. – А может быть, не только отшельника? Может, они и ее тоже под камнем похоронили?»

Он обошел камень кругом, раздвигая руками кусты с набухающими почками, и внимательно оглядел землю. Камень был огромным. Вряд ли людям Данилы пришлось в голову сначала сдвигать его с места, а потом приваливать обратно – слишком тяжело, сложно, а они и так должны были торопиться.

– Иван Демидович, а вы не помните, – спросил Макар, – камень лежит так же, как и раньше?

– Да вроде бы, – побряхтел старик. – Ты посмотри, как он в землю врос. Его сейчас только машиной можно сдвинуть.

Старик присел на корточки, опершись о ствол дуба. Макар вздохнул и медленно прошелся по поляне. Все закончилось неправильно. И для глупенькой Элины Гольц, и для него самого. Но ведь что-то же подсказывало ему, что у его пути должен быть логический конец! Причем подсказывало постоянно, всю дорогу!

«Выходит, облом. Везение закончилось, – объяснил сам себе Макар. – Ну что ж, расскажем безутешной матери то, что есть. В конце концов, она сможет возлагать цветы к этой глыбе».

От собственного цинизма Макару стало слегка не по себе. Он сплюнул в сторону и присел на камень.

– Почки застудишь, – неодобрительно сказал Иван Демидович. – А то и радикулит заработаешь. Вон, два парнишки калядинские как-то по весне посидели на камне – и обоих потом в больницу отвезли. Он же ледяной! Камень холод в себе держит, не отдает.

– Кто такие калядинские? – думая о своем, машинально спросил

Макар.

– Из села Калядино. Оно далековато отсюда, да им взбрело в голову на могилу отшельника поглядеть. Ну и поглядели. Потом, когда узнали, что они себе все застудили, бабенки наши закаркали: мол, нечего на могиле отшельника баловаться, так им, мол, и надо! Вроде как их святой Лука наказал. А я так думаю, вряд ли отшельник такой мстительный, а? Как ты считаешь?

Макар не ответил. Он глядел на Ивана Дмитриевича со странным выражением лица.

– Юноша, что с вами? – поинтересовался старик, от удивления переходя на «вы». – Я вас испугал?

– Где оно, ваше Калядино? – напряженно спросил Илюшин.

– Ну, во-первых, не мое, а калядинцев. Во-вторых, отсюда нам с тобой идти – не перейти. Вообще-то до них дорога есть объездная...

– Хрен с ней с дорогой! – перебил старика Макар. – По лесу дойти до села можно?

– Ну, вообще-то и до Москвы дойти можно, если мотор есть в заднице, – сердито пробурчал Иван Демидович. – Но если уж тебе так приспичило в Калядино попасть, то тут километров десять, не меньше.

– Десять километров... – забормотал Макар себе под нос, что-то подсчитывая. – Десять километров... А другие села или деревни вокруг есть? – вдруг дернулся он.

– А вот это я тебе точно могу сказать – нету. Севернее от нас – Кравцево, ты там был. А на западе – Калядино. А дальше такие леса идут, что в них сейчас никто и не живет. Хотя, если тебе райцентр нужен...

– Не нужен, – покачал головой Макар. – Мне нужно в Калядино.

– Ты что, думаешь, девица твоя туда дошла? – вдруг догадался Иван Демидович. – Да бог с тобой! Я ж тебе говорю: тут идти добрых десять километров.

– Неважно, – ответил Макар. – Понимаете, Иван Демидович, я должен все исключить.

– Да ведь она тогда жива бы осталась! – воззвал к здравому смыслу Макара старик. – Калядино – приличное село, там люди живут, а не звери. Если бы пять лет назад – или сколько там, четыре? – к ним из лесу женщина вышла, тут бы шум на всю округу был. Знаешь, как у нас новости разносятся? Что твой сорочий телеграф!

– Объясните, как на машине ехать? – попросил Макар. – Я хотел по лесу дойти, но теперь думаю, что это бессмысленно. А вот доехать туда – доеду.

– А, бог с тобой, – махнул рукой Иван Демидович. – Вместе поедем. Меня-то возьмешь?

Макар поглядел на старика, улыбнулся и кивнул.

Бабкин вышел из такси на загазованном проспекте и огляделся. М-да. Квартирка у бывшего супруга явно будет уступать обители Натальи Ивановны. Старая многоэтажка, возвышавшаяся над дорогой, давно пошла трещинами по желтой штукатурке. Унылые грязные окна, ни одного стеклопакета... Одно слово – окраина, причем в худшем смысле этого слова. «Окраина – она и есть окраина. Хоть в Питере, хоть в Москве, хоть в Рязани», – подумал Бабкин и пошел во двор.

По дороге он обдумал разговор с Олегом Зинчуком. У мужика имелось железное алиби на момент похищения, хотя само по себе это еще ни о чем не говорило – он мог подговорить и кого-то из друзей украсть ребенка, чтобы потребовать с бывшей жены и ее нового вполне обеспеченного супруга небольшую денежку себе на проживание. Именно так рассуждал и следователь, занимавшийся делом о похищении Тимофея. Но, судя по всему, оперативники отказались от мысли дальнейшей разработки Олега Зинчука. «Что-то слишком быстро они его отпустили, – размышлял Сергей, поднимаясь по лестнице. – Чем же ты их, голубчик, так обаял?»

На звонок обшарпанную дверь открыл одутловатый мужчина лет сорока на вид.

– Вам чего? – хриловато спросил он.

– Вы Олег? – уточнил Сергей, хотя по фотографии, показанной Наташей, сразу узнал ее бывшего мужа. – Здравствуйте. Меня зовут Сергей, я приехал по поручению Натальи Ивановны. Она просила меня с вами поговорить.

– Со мной уже разговаривали, – грубовато отозвался Олег, но Бабкина в дом впустил. – Проходите. Я сейчас, умоюсь и выйду.

Сидя в зале, обставленном, судя по мебели, еще в восьмидесятых годах, Бабкин заметил фотографию. На ней были сняты молодые Олег и Наташа, радостно улыбающиеся, держащиеся за руки на фоне какого-то памятника. Сергей встал и подошел поближе. Любопытно. Наталья Ивановна практически не изменилась и выглядит, оказывается, гораздо младше своих лет. Только сейчас Сергей неожиданно сообразил, что ей все тридцать, а то и больше. А вот Олег, который старше ее всего на три года, выглядит совсем плохо. «Ты сам поживи в этом доме всю жизнь, – усмехнулся, „посоветовав“ себе Сергей, – а потом на тебя Илюшин посмотрит...» Внизу раздражающе урчали машины.

Шум воды в ванной утих, громко взвыли и тут же замолчали краны, и через минуту в зал зашел хмурый Олег.

– На кухню пойдём, я чайку сделаю, – буркнул он. – Ещё не завтракал.

Разглядывая растянутые на коленках тренировочные штаны Олега, Бабкин почувствовал, что настроение у него портится с каждой минутой. Бывший супруг Натальи Ивановны достал из урчащего холодильника кусок вареной колбасы, порезал ее крупными кусками, заварил чай в заварочном чайнике с отбитым носиком и нарезал батон.

– Прошу, – указал он на стол. – Позавтракаешь со мной?

Отказываться Бабкин не стал, по опыту зная: совместная трапеза сближает. К тому же большинство людей не любят, когда они едят, а собеседник нет. Откусывая булку и запивая ее горячим сладким чаем, оказавшимся неожиданно вкусным, он обдумывал, как лучше построить первую фразу, но объяснять цель визита не пришлось.

– Ты из-за мальчишки приехал, – утвердительно сказал Олег.

Бабкин кивнул.

– Меня уже допрашивали. Что я, дурак, что ли, его красть? Мне Наташку, конечно, жалко, но помочь я ничем не могу. Зря она тебя прислала.

– Ты знал, что она замуж вышла? – прямо спросил Бабкин. Все шло не так. Выстроенная им схема рушилась с каждой минутой.

– Родители мои сказали, – кивнул мужик, отхлебывая горячий чай. – Они Наташкиных как-то встретили, те им и рассказали, что Наташка в Питере какого-то богатея подцепила, к ним носу не кажет. Порадовался я за нее, честно тебе могу сказать.

– Тебе-то чего тут радоваться? – недоверчиво хмыкнул Бабкин.

– Не знаю, в курсе ты или нет, – Олег отставил чашку в сторону и посмотрел на Бабкина, – но это я с ней развелся, а не она со мной. Бросил, можно сказать, бабу одну с ребенком. Я, конечно, помогал, чем мог, но мог не очень сильно, честно признаюсь. Мне месяц назад наследство обвалилось от бабушки, так я хоть из этой развалюхи в нормальную квартиру перееду. А до того... Бывало, одни пельмени целыми неделями жрал.

Бабкин представил себя жрущим одни пельмени и поежился.

– Поэтому и обрадовался! У меня вообще-то тоже совесть имеется, – продолжал Олег. – Ну, думаю, раз пристроилась, значит, и ей легче будет, и у меня ничего не свербит.

– Да у тебя и так, по-моему, не особенно свербило, – насмешливо отозвался Бабкин. – Наталья Ивановна рассказывала, ты сына один раз

видел за последние два года. Или больше?

Фраза про сына произвела на Олега Зинчука неожиданное действие: он вскочил из-за стола и наклонился к Сергею с искажившейся физиономией.

– Ты мне про сына не ездил по мозгам, понял? – негромко и злобно прошипел он.

– Сядь, – посоветовал Бабкин. – Чай брюхом разольешь.

Олег сел на место и одним глотком допил чай.

– Ты чего взъерошился? – миролюбиво поинтересовался Бабкин. – Совесть, что ли, замучила?

– Да пошел ты! – огрызнулся Олег. – С какой стати я должен был с ним видеться, вот скажи?

– Ну, тебе виднее, – развел руками Сергей. – Вроде как сын...

– Да не вроде, не вроде! – заорал Зинчук. – Какой он мне, к черту, сын?! И какого рожна мне с ним видеться? Кровь чужая, лицо чужое... Тьфу! Я из-за него с Наташкой развелся, а ты мне – видеться...

Наступило молчание.

– Извини, я не в курсе был, – искренне ответил Бабкин, недобрым словом помянув Наталью Ивановну. «Вот ведь – в тихом омуте черти водятся, – подумал он. – Родила от другого, мужа обманывала... Еще бы они не развелись. Так, с этим все понятно, пора закругляться».

Бабкину было очевидно, что первоначальная гипотеза оказалась неверна. Похищение из корыстных побуждений, которое напрашивалось само собой, не подходило – Зинчук получил наследство, если только не врет. Впрочем, милиция наверняка проверила, так что отпадает. Оставалось похищение по мотивам сильной отцовской любви – весьма распространенный сюжет в Голливуде. Но, как выяснилось, оно тоже не прокатывает. К чужому ребенку Олег Зинчук не испытывал ни малейшей привязанности. В том, что он не врет, Бабкин готов был поклясться: нельзя быть таким хорошим актером и жить в конуре. Подобный талант был бы, пожалуй, востребован. Следовало срочно покупать билеты обратно и начинать все сначала. Черт, а какая хорошая была версия! Неужели опять придется упираться в Затраву?

Неожиданно в голову пришел простой вопрос. Такой простой, что сыщик сам себе удивился, как он не возник еще пять минут назад.

– Слушай, Олег, – повертев в руках пустую кружку, спросил Сергей, – а отец ребенка, он кто вообще, а?

Олег неуклюже вылез из-за стола, забрал у Бабкина кружку и начал мыть ее.

– Не знаю я, – раздалось через некоторое время. – Про это ты у моей бывшей спрашивай.

Сергей почесал затылок. Так, новый неожиданный поворот.

– Олег, ты меня не лечи, пожалуйста, – убедительно попросил он. – Я что, на больного очень похож? О своей жене ты отзываешься нормально, матом не кроешь – значит, расстались вы без ругани. Да разве нормальный мужик – а ты вроде бы нормальный, – узнав, что жена от другого родила, не выяснит, от кого именно? Ты поскандалить должен был? Должен. Спросить, кто та сволочь, должен был? Должен. И если бы она тебе не ответила, ты бы мне совсем другие слова про Наталью говорил. Нецензурные преимущественно. А раз ты выражаешься почти литературно, то какой мы делаем вывод? Правильно, сам все понял. Поэтому давай сначала попробуем. Итак, кто у нас счастливый папаша-то?

Зинчук закрыл кран, вернулся к столу и медленно сел. Лицо его сделалось уставшим и больным.

– Откуда ты взялся на мою голову? – тоскливо спросил он. – Что ты прошлое-то ворошишь, а? Забыл я его давно. Все сделал, чтобы забыть. Ну не хочу я вспоминать, понимаешь, не хочу! Клянусь, не знаю, кто отец. Тебе что, могилой бабушки поклясться? Только недавно ее похоронили.

– Могилой не надо, – покачал головой Сергей, глядя в серое запыленное окно. – Ладно, Наталью Ивановну спрошу. Она-то, надеюсь, в курсе...

Говоря так, он перевел взгляд на Олега и запнулся на полуслове, изумленный.

– Ты что хочешь сказать? – чуть ли не шепотом начал он, хотя Зинчук не проронил ни слова. – Что твоя жена... Блин, так не бывает!

Олег продолжал молчать, крепко сцепив на скатерти руки с сильно набухшими венами.

– Она не знает, от кого мальчик? – вздохнул Бабкин.

Олег помедлил секунду, потом качнул головой.

– Елки-палки, господа хорошие! – не выдержал Сергей. – Ох и бурная же у вас юность была!

– При чем тут юность? – тихо и безнадежно произнес Олег. – Ну при чем тут юность?

Пару минут Бабкин пристально смотрел на него, потом подвинул стул поближе и приказал:

– Так, а теперь рассказывай мне все и с самого начала.

Олег кивнул и начал рассказывать...

Мальчик Жора метался по своей комнате, бросая бумаги и документы в огромный пакет. Конечно, сейчас бы сумка какая-нибудь багажная очень пригодилась, но кто же мог знать, что собираться придется в такой спешке! А оставлять кое-что не хотелось, ой как не хотелось. За дверью послышался какой-то шорох, и Мальчик Жора на секунду испуганно замер, прислушиваясь. Нет, пронесло. Самое обидное, что он даже не представлял себе реакцию ведьмы. Вполне возможно, что в данном случае она прибежит к своей чертовой службе безопасности, которая только и годится на то, чтобы заниматься физической расправой. Убить они его, конечно, не убьют, но вот...

Представив, что может сделать с ним служба безопасности, Мальчик дернулся и бросился к ящику письменного стола. Опрокинув его содержимое в пакет, встряхнул его за ручки и понял: еще чуть-чуть – и они оборвутся. Со сборами пора было заканчивать. Жора подошел к зеркалу, пригладил взлохмаченные волосы и придал себе независимый вид. Нужно дойти до гаража, а там – прости-прощай, дорогая Евгения Генриховна и все семейство Гольц вместе с ней. Оревуар, так сказать, как выражается наш всеми любимый и очень важный Игорь Сергеевич Бобров. Пожалуй, не будем устраивать слезного прощания, ограничимся открыткой.

Подумав про открытку, Мальчик Жора подошел к двери, резко распахнул ее и чуть не вскрикнул: в коридоре стоял Эдик Гольц.

– Здравствуйте, Георгий, – удивленно сказал он. – Вы куда-то собрались?

– Да что вы! – ненатурально улыбнулся Жора. – Просто решил выкинуть накопившийся хлам.

Он прикрыл дверь и быстро пошел по коридору, спиной чувствуя взгляд Гольца. «Смотрит, как рыба. Ненавижу тебя, маменькин сынок!»

Жора уже начал спускаться по лестнице, когда раздался неприятный треск, и дно у пакета разорвалось. Бумаги, диски, файлы – все с шумом обрушилось на ступеньки и посыпалось вниз, по пути расплзаясь, разлетаясь в разные стороны. «О черт! – простонал Жора мысленно. – Надо же было именно сейчас!» Он наклонился, подбирая документы, и краем глаза успел заметить нависшую над ним тень. Секретарь хотел поднять голову, но в следующую секунду его сильно ударили по затылку. Жора покачнулся, потерял сознание и упал на лестницу, носом уткнувшись в бежевую ковровую дорожку, которая так нравилась новой жене Эдика Гольца.

Ботвинник прошелся по кабинету взад-вперед, с хрустом вытянул руки

и посмотрел на сидящего в кресле Степана. Похоже, гроза прошла.

– Кончай хрустеть, – произнес Затрава без выражения. – Нервируешь меня.

Сейчас он вовсе не был похож на кота – скорее, на располневшего хорька. Сходство усиливалось из-за красных глаз Затравы, которые тот беспрестанно тер.

– Степан Михайлович, вы бы в глаза лекарство какое закапали, что ли? – предложил Ботвинник. – Тереть нельзя, только хуже будет.

– Без тебя знаю, Олежек, – вздохнул шеф. – Ладно, хрен с ними, с глазами. Что нам с Гольц делать? Может, ей тоже что-нибудь закапать, чтобы другим неповадно было?

– Риторический вопрос, – быстро ответил Ботвинник. – Сами знаете, Степан Михайлович.

Вопрос действительно был риторическим. Затрава умел проигрывать и никогда не тратил время и ресурсы на бессмысленную месть. Тем более что сейчас месть могла выйти им большим боком.

– Ладно, с министром не станем состязаться, – согласился Степан, вспомнив, кого подключила Гольц к решению своих проблем. – Тебе на будущее урок: надо было все возможности просчитать. Упустили мы эту ветку, упустили...

– Моя вина, – спокойно признал Ботвинник.

– Не твоя, а Полежаева. Он за сбор информации отвечает, с него и спрос будет. Мамонов еще с ее отцом общался, ничего тут секретного не было. Задним-то числом, конечно, легко вычислили, только нам с тобой, Олежек, данная информация уже ни к чему.

– Урок на будущее, – пожал плечами Ботвинник. – Хотя обидно, конечно.

Окончательно успокоившийся Затрава махнул пухлой рукой.

– Не все ж победителями выходить, иногда можно и по шапке получить. Лишь бы голова не слетела! – Он подмигнул и опять обрел сходство с хитрым котом. – Кстати, попроси кого-нибудь из ребятишек в аптеку сбегать, лекарство мне купить. А не то скоро совсем без глаз останусь.

Макар гнал машину на предельной для такой дороги скорости. Пару раз его сильно занесло, но он выровнял «Ниву» и поехал осторожнее. Глупо было сейчас, выяснив все, попасть в аварию. Очень глупо. Собственно говоря, следовало сразу же, как только он дошел до конца, позвонить клиентке и рассказать обо всем, но Макар решил встретиться с

ней лично. То, что он узнал, было кощунственно рассказывать по телефону. К тому же необходимо сначала выяснить, до чего докопался Бабкин. Ну-ка, где он там?

Бабкин возвращался из аэропорта в город, когда у него запиликал сотовый.

– Серега, ты в Питере? – поинтересовался Илюшин.

– Только что прилетел, – отозвался Бабкин. – А ты где?

– Часа через три буду. Ты что-нибудь накопал?

– Не то слово! Макар, ты просто не поверишь!

– Поверю, поверю. Я сейчас всему поверить смогу. Даже тому, чего на свете не бывает. Ладно, когда подъеду, еще раз позвоню. Ты куда сейчас?

– В квартиру Ветровой хочу наведаться. Слушай, Макар, остальное не по телефону. Одно только – ты в курсе, что сын жены Гольца похищен?

– Да ты что?! – ахнул Макар. – Когда?

– Сегодня четвертый день пошел. Вот я и хотел с тобой обсудить...

– Мне с тобой тоже есть что обсудить, – перебил Бабкина Макар. – Все, Серега, увидимся вечером.

Квартиру Илоны Ветровой Бабкин, недолго сомневаясь, открыл отмычкой – замок в ней был паршивенький. Илона снимала однокомнатную хрущевку, но на хозяина Сергей не боялся наткнуться – тот был в отъезде. Бросив взгляд на кавардак – разбросанные по комнате бумаги, – оставшийся после оперативников, Бабкин прошел на кухню и начал открывать ящики. По логике вещей, если его предположения верны, то, что он искал, Илона должна была хранить именно здесь.

«Хоть что-то должно подтвердиться или нет?» – раздраженно поинтересовался у самого себя Сергей, задвигая третий ящик. Кроме ножей и вилок, в нем нужного не обнаружилось, равно как и в предыдущих двух. Зато в последнем он под рулончиком пакетов для мусора нашел искомое – большую хозяйственную тетрадь с записями и рецептами. Илона не была аккуратной и методичной девушкой: маски для волос соседствовали с рекомендациями по варке супа, советы по выбору нижнего белья – с рецептами салатов. Но в самой середине тетради были скрепками приколоты к листам чеки. Чеков оказалось много, и сложены они были по кучкам. Рядом с каждой кучкой проставлены цифры: 35 000, 40 000, 38 000.

– Замечательно! – вслух сказал Бабкин. – Я только что нашел убийцу Илоны Ветровой, если я все правильно понимаю. Осталось только выяснить, как все это связано с похищением мальчика.

Он бережно положил тетрадь в сумку и вышел из квартиры.

Официант бросил пренебрежительный взгляд на двух мужиков, занявших дальний столик. Точнее, мужик-то из них двоих был один – здоровый, как лось, с насупленной физиономией. Какого-то актера он напоминал, только официант никак не мог вспомнить какого. А вот парнишка рядом с ним, очевидно, еще студентик. Только какой-то замученный, и морда заросла русой бородкой, совершенно студентичку неподходящей. «Выпендривается, поди, перед подружкой», – решил официант, неся к столику меню.

– Жрать хочу, – коротко сообщил студентик. – Мне суп, много мяса, пожалуйста, и каких-нибудь овощей к нему. На ваше усмотрение.

– Шашлык устроит?

– Вполне.

Здоровяк заказал только суп. Официант быстро принес заказ и пошел обслуживать других посетителей, время от времени поглядывая на необычных клиентов. Сначала говорил студентик, а мужик внимательно слушал. Парень рассказывал долго и, судя по лицу здоровяка, что-то на редкость занимательное. Замолчав, он начал тыкать вилкой в кусочки вареной морковки на тарелке. Теперь стал рассказывать второй, и у студента на лице появилось такое заинтересованное выражение, что официант подошел поближе, наострив уши. Но оба при его приближении замолкли. «Шифруются, – пренебрежительно фыркнул про себя официант. – Подумаешь, тайны у них! Поди, о бабах своих друг другу заливают». Он отвлекся на другие заказы, а когда повернулся к столику тех двоих, то поднял брови от удивления: клиенты молча смотрели друг на друга, и лица у них были такие, что он чуть не кинулся к ним с предложением, не надо ли им чем помочь. Но вместо этого лишь вежливо спросил, подойдя к ним, не хотят ли господа заказать еще что-нибудь.

– Макар, – ошеломленно произнес здоровяк, даже не заметив официанта, – ты понимаешь, что такое невозможно?

Студентик, которого называли Макаром, молчал, застыв на месте. Официант тоже замер, занеся ручку над блокнотом.

– Слушай, Серега, – растерянно сказал парень, – но ведь с мальчиком-то так ничего и не прояснилось!

– А ты не думаешь, что... – начал мужик и замолчал.

– Думаю, – кивнул Макар. – Потому что больше просто некому. И что нам теперь делать?

– Слушай, какого черта! – возмутился мужик. – Почему мы с тобой должны это решать? Нужно довести информацию до ее сведения, а остальное – не наше дело. Вам чего? – наконец заметил он стоящего

столбиком официанта. – Счет нам принесите, пожалуйста.

Прежде чем тот успел принести счет, оба приятеля оставили на столе деньги и уехали. Пересчитав их, официант с немалым удивлением обнаружил, что заплатили они почти точно по чеку, переплатив только двадцать рублей. «Могли бы чаевых и побольше оставить», – скривился официант, пряча их в карман.

Глава 14

Евгения Генриховна вернулась домой из офиса рано. Особняк стоял тихий-тихий. Не кричал на нее из-за каждого угла мальчишка... Ольга Степановна не гремела кастрюлями на кухне... Гостиная была пуста, и Евгения Генриховна словно сквозь какой-то морок, мешавший ей думать, вспомнила, что давно не видела своего брата. То есть видела, конечно, и совсем недавно, но никак не могла вспомнить, когда же именно. «Мне нужно показаться хорошему врачу. Такому, о котором будет Знак», – подумала она, – уже начиная догадываться, что Знаков больше не будет.

– Евгения Генриховна, – окликнули ее с лестницы.

Госпожа Гольц обернулась и с изумлением заметила у дверей гостиной свою невестку, а рядом двух частных детективов.

– Здравствуйте. Вы приехали, господин Илюшин? – спросила она, пытаясь собраться с мыслями.

– Как видите, – серьезно ответил Макар. – Евгения Генриховна, у нас срочный разговор к вам.

– Вы что, нашли... – Она не договорила и замерла, впившись в него глазами.

– Нам нужно с вами поговорить, – повторил Макар. – Где мы можем это сделать?

– Пойдемте... – Хозяйка дома неопределенно махнула рукой в сторону второго этажа и первой пошла вверх по лестнице. – Простите, а вы, Наташа, – обернулась она на полпути, – вы разве тоже хотели со мной поговорить? Давайте после...

– Нет, Евгения Генриховна, – возразил тот же Макар, – для нас очень важно, чтобы Наталья Ивановна присутствовала при нашем разговоре. Собственно говоря, она и будет...

Детектив замолчал, и остаток пути до кабинета госпожи Гольц все четверо проделали молча. Краем сознания отметив, что Мальчик Жора тоже куда-то пропал, Евгения Генриховна тяжело опустилась в кресло, устало произнеся:

– Слушаю вас.

В комнате не было ни одного Знака, даже намек на него. Заставив себя собраться с силами, Евгения Генриховна взглянула на троих людей, сидевших напротив нее, и лица их неожиданно показались ей чужими и совершенно незнакомыми. Она помнила, что женщина – ее невестка,

крупный, с серьезным лицом мужик, похожий на медведя, – детектив, разыскивающий ребенка невестки и убийцу Илоны, а молодой парнишка, который на самом деле не такой уж и молодой и вовсе не парнишка, – его начальник. Он приехал, не позвонив. Значит, все бесполезно и новые поиски ничего не дали. Все зря.

– Евгения Генриховна, вы в порядке? – озабоченно спросила Наташа, глядя в побледневшее лицо свекрови.

На какую-то секунду ей показалось, что госпожа Гольц сейчас потеряет сознание, и Макару Илюшину, видимо, тоже что-то такое почудилось, потому что он привстал с места и сделал шаг к столу. Но женщина, сидевшая за столом, недоуменно посмотрела на него, и он вернулся обратно.

– Так я вас слушаю, – сказала Евгения Генриховна своим обычным холодноватым тоном. – Что вы хотели мне рассказать?

У Наташи и Олега Зинчуков, проживших три года в счастливом или относительно счастливом браке, не было детей. Пожалуй, все-таки относительно счастливом, потому что на третьем году их совместной жизни Наташа неожиданно обнаружила, что не представляет своей жизни без ребенка. Ей было все равно, мальчик это будет или девочка, но она хотела ребенка так, что, глядя на очередной тест, безжалостно показывавший одну полоску, начинала тихонько подвывать от горя и тоски. Она, школьная учительница, уехавшая из родительской деревни в город и счастливо вышедшая замуж, ощущала себя совершенно неполноценной!

– Наталь, вы чего детей не заводите? – как-то раз прямо спросила ее мать, когда они с Олегом приехали помогать сажать картошку. – Смотри, упустишь время – потом поздно будет. Тебе ведь, милая моя, все-таки не восемнадцать.

Наташа взглянула на мать, озабоченно шурующую в корзине, и хотела отшутиться, но поперек горла у нее что-то встало, и это что-то не давало растянуть губы в улыбке. Не давало, и все тут. Неожиданно для себя она разревелась так горько, что мать сразу все поняла и, глядя дочь по черноволосой голове, только укорила, сильно окая, как обычно от волнения:

– Ну что ж ты, дурочка, врачу-то не показалась, а? Или показалась?

Наташа пошла к проверенному врачу сразу после возвращения домой. Диагноз ошеломил ее: нужна операция, и чем быстрее, тем лучше – возраст поджигает.

– А ты чего ждала? – удивилась суровая врачиха с густыми,

сходящимися на переносице бровями. – В общем, определяйся со своим мужиком – и ко мне.

Перспектива срочной операции привела Олега в ужас. Кроме того что он панически боялся всех врачей, они тогда жили на одну Наташину зарплату, да на приработки Олега, да на то, чем подкармливали их родители.

– Господи, найди же ты себе работу наконец! – не выдержала Наташа, устав убеждать Олега. – Ну хорошо, пусть я летом буду оперироваться, а не сейчас, но ведь жить-то нам на что-то надо будет! Или опять на шее у твоих и моих родителей сидеть?

Олег обиженно пробурчал, что в любом обществе родители помогают своим детям и ничего плохого он тут не видит. Глядя на его нерешительное лицо, Наташа первый раз в жизни почувствовала, что может возненавидеть Олега – вот за эту его нерешительность, за постоянную надежду на помощь родителей, за неготовность брать на себя малейшую ответственность.

– Олег, а ты вообще хочешь детей? – севшим голосом спросила она.

Раньше ей не приходила в голову мысль, что ее муж может не хотеть иметь детей. Но ведь семья без ребенка – это дикость, это противоестественно! А Олег молчал, рисуя пальцем круги на уже порядком потертой клеенке в мелкий цветочек.

– Да хочу, конечно, – вздохнул он наконец. – Только вот почему ты так в своего собственного уперлась, не понимаю? Ну, не судьба – значит, не судьба. Давай из детдома возьмем.

Но из детдома Наташа не хотела. Детей она видела в своей школе каждый день, и просто не могла себе представить, что может полюбить какого-то другого ребенка, кроме своего. Дети ей нравились, она хорошо относилась к ним, была терпелива и снисходительна. Но хотела она собственного.

В конце концов Олег уговорил подождать ее до осени. Наклевывалась, как он сказал, какая-то сезонная летняя работенка, и если он понравится нанимателю, то тот вполне может взять его и на постоянную.

– Но только осенью, Наташка, понимаешь, осенью. Давай подождем немного! Ничего же не изменится.

И они решили подождать. Действительно, подумала Наташа, ничего же не изменится.

Отпуск у Наташи был большой, и весь август они прожили у Наташиных родителей в деревне. Своих тестя с тещей Олег уважал, и они относились к нему доброжелательно, поэтому обычных в таких случаях недомолвок, обид и ссор не возникало. Изба стояла на краю села, немного

наособицу. Из окон был виден лес, и казалось, что идти до него совсем близко, хотя на самом деле дорога занимала добрых пятнадцать минут. Колхозное поле между лесом и селом давно уже ничем не засеивали, и на нем неуклонно пробивалась молодая березовая поросль.

Август стоял жаркий. По утрам Наташа и Олег ходили купаться на пруд, и Олег нырял в черную воду со ствола наклонившейся старой ракиты. Брызги от него летели во все стороны, но сам Олег выныривал счастливый, с красной физиономией, и уверял Наташу, что видел на дне сома. В такие минуты она чувствовала себя если не счастливой, то хотя бы спокойной.

В тот день за завтраком мать попросила отца:

– Слушай, Вань, сходи за подпорками, а? У меня вон вся смородина погнулась.

– Так ты ягоды с нее собери, она и гнуться не будет, – проворчал в ответ отец, хитро поглядывая на Наташу, которая терпеть не могла собирать смородину.

– Да ладно тебе, ягоды – не ягоды, а все равно кусты подпирать надо. Вон Олежку с собой возьми да сходи.

Зять с готовностью кивнул.

– Ну, обоим подыскала работу, – продолжал ворчать отец, но в глубине души был очень доволен – одному идти в лес ему не хотелось.

Утром нашлись неотложные дела, и за подпорками мужчины собрались только ближе к вечеру. Солнце клонилось к закату, и мать поторопила отца:

– Ну давайте же, не копайтесь. Топорик не забудь, голова!

Наконец оба ушли. Наташа с матерью занялись поливом и за работой не сразу услышали криков прибежавшего Олега.

– Лидия Петровна! Наташа! Быстро, за мной бегите!

Побросав ведра и лейки, обе бросились за Олегом. Когда они добежали до кромки леса, мать ахнула, а Наташа прижала руки к лицу. Иван Сергеевич стоял на коленях под сосной, а возле него лежала молодая женщина с окровавленным, заплывшим лицом. Первое, что бросилось в глаза Наташе, потрясенно смотревшей на женщину, – это ее огромный вздутый живот и оголенные ноги.

– Господи, – выдохнула она, – так ее же изнасиловали! Папа, ты что стоишь? – Беги милицию зови!

– Какая милиция? – дрожащим голосом прошептал Олег. – Умерла она...

«Как умерла?» – хотела спросить Наташа и вдруг поняла, что женщина лежит неподвижно. Голые ноги с синими венами были вывернуты как-то

неестественно. Она наклонилась над женщиной и заглянула ей в лицо. Глаза у женщины были закрыты, на правой щеке свежая царапина, вокруг которой засохла кровь.

– Мамочка... – тихо охнула Наташа, перекрестилась и заплакала.

И в эту секунду закричал ребенок.

Наташа с матерью, вздрогнув, обернулись на крик – на руках у отца лежал маленький синюшный комочек с огромной головой, весь в слизи. Багровая веревка тянулась от комочка, исчезала в траве и выныривала между ног женщины.

– Ж-ж-живой, – заикаясь, пробормотал отец, протягивая ребенка Наташе. – Она родила... родила его п-п-прямо при нас. Правда, Олежек?

Олег только кивнул, сглатывая.

– А потом сразу умерла, – хрипло проговорил он, стараясь не глядеть на тело. – Только ребенок вылез – и все. Только сказала...

– Что сказала? – хором спросили Наташа с матерью.

– «Не отдавайте», сказала, – справившись с хрипотой, выговорил Олег.

Наступило молчание, которое опять прервал громкий крик ребенка.

– Так что же мы стоим?! – пришла в себя Наташа. – Бежим быстрее, его же в больницу надо! Олег, ты беги к участковому, а мы с папой отвезем младенца...

– Тихо, – неожиданно сказала мать непреклонным тоном, и дернувшийся было Олег остановился. – Никто никуда не бежит.

Взяв нож, она перерезала пуповину и взяла на руки орущего малыша.

– Ты, Наташа, хотела ребенка? – посмотрела она на дочь. – Вот твой ребенок. Он – от Господа.

Наташа потеряла дар речи.

– Лидия Петровна, вы что? – покачал головой Олег. – Милиция же сразу увидит, что женщина только что родила. Вы хотите сказать, что мы его взяли из дома малютки и попробуем усыновить?

– Ничего милиция не увидит, – не оборачиваясь, отозвалась Наташина мать. Она содрала уже с себя майку и заворачивала новорожденного. – Мы эту несчастную похороним. Наверняка женщина – пьянчужка какая-нибудь подзаборная. Посмотри на нее... Искать ее никто не будет. А из дома ребенка ты малыша никогда в жизни не забереешь. Никто тебе его не отдаст – ты же не работаешь! Возьми, Наташ... – И она протянула дочери сверток, в котором попискивал младенец.

– Нет, мать, как хочешь, а я в милицию иду, – заявил Иван Семенович, поднимаясь с коленей. – Ты, матушка моя, что-то не то говоришь.

– Хочешь дочери жизнь загубить? – повернулась к мужу Лидия

Петровна, и тот остановился. – Свои детки у нее вряд ли будут. Из детдома большого брать – какого-то еще возьмешь? А здесь – сам бог дитя посылает, и ты его хочешь чужим людям! С ума ты сошел на старости лет или как?

– А мы-то ему кто? – не выдержал Олег. – Мы такие же чужие!

– Тебе что покойница перед смертью сказала? – негромко спросила Лидия Петровна. – Сказала – никому ребенка не отдавать. Значит, нет у нее никого.

– Наташа, да скажи ты ей! – воззвал Олег к жене.

Наташа даже не подняла голову. Перед глазами у нее промелькнуло странное видение – луна, но не желтая, а темно-серая, покачивающаяся над верхушками сосен. «Это хороший знак», – подумала Наташа, долгие годы носившая кулон – лунный камень, подаренный матерью. Она пристально рассматривала длинные рыжие волосики, пробивавшиеся на красной макушке. Глазок совсем не было видно, а вот ротик был – и жадно разевался, открывая две розовые полоски крохотных десен.

– Как котенок, – тихо проговорила она. – Его покормить скорее надо. Маленький мой... Тимоша...

Что отец и мать сделали с телом, Наташа долгое время не знала. И не интересовалась. Только потом мать рассказала ей, что хотели похоронить женщину на кладбище, но побоялись, что их увидят односельчане, – и отец вырыл яму недалеко от того места, где она умерла.

– Побоялись мы, Наташа, крест поставить – увидит кто, разроют могилу, проблем не оберешься, – говорила мать. – Скажут – вы же и убили. Я там рябинку посадила, над могилой, и хожу туда каждый день. В церкви отпевание заказала заочное, все сделала, как надо, и девятый день мы поминали с отцом, и сороковой, так что ты не беспокойся. Я одежду-то несчастной той осмотрела – отец твой не смог. Ничего у нее не было. Как с неба свалилась.

Мать не стала говорить Наташе, что еще долгое время она со страхом выискивала в новостях объявления о пропавшей женщине. Но так ничего и не услышала. Ни в Рязани, ни в окрестных селах не пропадала беременная женщина. «Бродяжка», – решила Лидия Петровна и успокоилась. Поначалу старалась каждый день выбирать часок, чтобы сходить помолиться на могиле, но постепенно ее визиты становились все реже и реже.

Наташа вернулась в город. Позвонила в детскую поликлинику. Позвонила в свою школу. К ее изумлению, никто особо не удивился – в школе все решили, что она до последнего скрывала беременность, а в

поликлинике ее сначала грубо обругали за роды дома, а потом объяснили, где молочная кухня. Следующие полгода Наташа провела, как во сне, – между пеленками, кормлениями, убаюкиваниями ночью и снова пеленками. Мальчик был на редкость спокойный, но она все равно уставала неимоверно. Олег существовал параллельно, сам по себе, – в виде хмурого невыспавшегося мужчины, уходящего куда-то утром, и хмурого уставшего мужчины, появляющегося откуда-то вечером. Откуда брались деньги, Наташа не спрашивала – ей было неинтересно. Ей все было неинтересно, кроме Тимоши. Тимофея. Тимки. Она не замечала, что Олег становится все более молчаливым, что он не заглядывает по вечерам в детскую кроватку, не смеется над глупостями растущего малыша и никогда не берет Тима на руки. Она делала все за двоих и была совершенно счастлива. Иногда по ночам ей снилась та женщина – она смотрела, не щурясь, на солнце синими глазами, и лицо у нее было такое же спокойное, как после смерти. Но эти сны Наташу не волновали.

Когда Тимоше было около восьми месяцев, Олег предложил отдать ребенка в детский дом.

– Наташенька, милая, – чуть не плакал он, – не люблю я его, понимаешь? Для меня он – чужой ребенок, от какого-то чужого мужика. У него наверняка родители алкаши были! Ну ты хоть о генах его подумай, а?

Наташа не могла думать о генах. Она смотрела на Тимофея и видела любимого малыша со светлым пухом вокруг головки. Она видела носик, ротик, слюнку из уголка рта – все, что угодно, но не гены. И смотрела на Олега с жалостью.

– Я не понимаю, из-за чего так надрываюсь, – сказал ей как-то Олег со злостью. – Ладно бы ради своего, но ради чужого...

– Может, тебе он чужой, – спокойно ответила Наташа, – а мне свой.

– Черт бы побрал твою мамашу, когда она это предложила! – взорвался Олег. – В милицию надо было заявлять, а не приют у нас устраивать! Вся жизнь шиворот-навыворот пошла, все псу под хвост! Вот что, Наташа, или отдавай его в детдом, или давай разводиться-разъезжаться. Я так жить больше не могу. А в детском доме ты его навещать сможешь, сколько хочешь.

Олег прекрасно знал, что предлагает невозможное – жить Наташе одной было негде и не на что, поэтому развестись с ним она не могла. Сейчас сила была на его стороне, поэтому он мог решать, как они будут жить дальше. К тому же она ведь любила его, это Олег точно знал.

– Хорошо, – кивнула Наташа, глядя на него ясными глазами. – Если тебе тяжело, давай разведемся.

Поначалу он думал, что жена просто храбрится. Однако Наташа собрала вещи и уехала к родителям, а через полгода вернулась в город, сняла комнату у какой-то знакомой за сущие гроши и обещание ухаживать за попугаем, Тимошу отдала в ясли, а сама вернулась на работу в школу. Вот тогда Олег окончательно понял, что браку их пришел конец. И случилось так из-за проклятой бабы, которую угораздило родить ребенка и помереть на опушке леса возле села Калядино...

Наташа закончила рассказывать и посмотрела на Макара. Во рту у нее пересохло, очень хотелось пить. Евгения Генриховна сидела напротив и смотрела на невестку ничего не выражающим взглядом.

– Думаю, теперь моя очередь, Евгения Генриховна, – мягко сказал Макар. – Ваша дочь Элина уехала из Москвы с неким Данилой Солонцевым. Ее никто не похищал, она пошла с ним сама – паломницей. У Данилы было свое учение, и он вел людей по святым местам, как он говорил. У Элины не было с собой паспорта, потому что его учение требовало, чтобы все, кто к нему примкнул, отказались на какое-то время от своих имен. Думаю, что она была влюблена в него.

Илюшин прервался и взглянул на госпожу Гольц. Та смотрела прямо на него широко раскрытыми глазами.

– Захотите, я потом покажу вам, как они шли, – продолжил Макар. – Если я правильно понял, каждый из них должен был как-то подтвердить, что он достоин того, чтобы принять имя. В какой-то момент Элина поняла, куда она попала, – по дороге они убили одну из женщин, которые шли с ними, и закопали в лесу. Я не знаю, принимала ли в убийстве участие Элина, но, полагаю, после этого у нее открылись глаза и на Данилу-Учителя, и на людей, которые шли вместе с ней. Убежать она не могла – ее стерегли, и ей пришлось идти вместе со всеми. А она была беременна.

– Что?! – выкрикнула, вскочив, Евгения Генриховна так неожиданно, что все вздрогнули. – Откуда вы знаете?

– Потому что я дошел до конца, – тихо сказал Макар, с жалостью глядя на нее, – проследил ее путь. Элина сумела убежать от них. Не знаю, каким образом, потому что они сильно избili ее под конец. Мальчик, свидетель избиения, сказал, что паломники ее убивали, но, возможно, он ошибся – ее просто били. Как бы там ни было, она убежала и почти дошла до села. По дороге у нее начались роды, и она родила прямо в лесу. Люди, которые случайно нашли ее, взяли ребенка себе, а Элину похоронили в лесу. Они были уверены, что грязная, оборванная женщина просто нищенка, попрошайка. Сначала, когда я приехал в Калядино, расспросы ничего мне

не дали. И я прошел тем же путем, которым, скорее всего, шла она. И вышел к самому крайнему дому, что стоит очень близко от леса. Человек, который был со мной, знал хозяев. Мы зашли... Дальше, думаю, все понятно. Ваши родители, Наташа, – он обернулся и посмотрел на нее, – постарались забыть ту историю, но когда я начал рассказывать, что мать пропавшей девушки ищет ее четыре года, ваш отец не выдержал.

Наташа только кивнула.

– Вы хотите сказать, – Евгения Генриховна покачнулась и упала на стул, – что ребенка... что ребенка... ребенка...

– Евгения Генриховна, – Наташа поднялась и подошла к ней, – Тимофей не мой родной сын. Это ребенок Элины. Ваш внук. Я не знала ничего. Клянусь, что я встретила Эдика случайно. Это просто совпадение. Редкостное, исключительное совпадение.

Евгения Генриховна хватала ртом воздух. Макар и Бабкин бросились к ней, но она поднялась и, шатаясь, вышла из-за стола.

– Элина! – вопль, похожий на стон, вырвался из ее горла. – Девочка моя! Нет! Только не Тим! Только не Тим!

Одной рукой она сбила с подоконника вазу, та раскололась, и белоснежные каллы рассыпались по полу в луже воды. Оттолкнув Наташу, Евгения Генриховна выбежала из кабинета и бросилась бежать вниз по лестнице.

– Макар, за ней, быстро! – выкрикнул Бабкин. – Наталья Ивановна, где тут гараж?

Но они опоздали. Черная машина взревела и вылетела из гаража, чуть не сбив по дороге ошеломленного старика Боброва.

– Мать вашу, быстро в машину! – заорал Макар.

Пока они добежали до «Нивы», «Мерседес» Евгении Генриховны скрылся из вида. Макар запрыгнул в салон. За ним вскочила белая, как мел, Наташа, затем втиснулся Бабкин, и «Нива», отчаянно взвизгнув шинами, рванула с места.

Евгения Генриховна выжимала из «Мерседеса» все, что можно. Время от времени ее сотрясали рыдания, но она крепче вцеплялась в руль. Мальчик, ее мальчик! Сын Элины! Ведь этот человек сумасшедший, он может с ним сделать все, что угодно! Только не сейчас! Пожалуйста, только не сейчас! Творя подобие молитвы, Евгения Генриховна взывала ко всему миру, который в ту секунду мчался вместе с ней по трассе с бешеной скоростью: «Только не отбирай у меня ребенка! Я все для него сделаю! Он продолжение Элины, ее кровь, моя кровь! Только дай мальчику остаться в

живых!»

В висках у нее бешено стучало, сердце колотилось, руки дрожали, один раз машину вынесло на встречную полосу, но она увернулась от пронзительно сигналищего «КамАЗа» и снова выжала педаль газа до упора. «Мальчик мой маленький, белокожий и синеглазый, как моя дочь, только бы ты был жив... И больше мне ничего не надо!» Ей не хватало воздуха, в голове не осталось никаких мыслей, кроме одной – забрать малыша, ее родного малыша, у этого человека. Спасти его. Спасти его...

Тимофей сидел около лужи и пускал кораблики. Корабликами были две щепочки, которые он нашел на крыльце. Мужчина, который кормил его, ничего не сказал – значит, щепочки были ничьи и можно было их взять.

Мужчина не смотрел на него. За четыре дня он привык, что мальчишка никуда не уходит, сидит там, где посадишь, не капризничает и не хныкает. Пару раз он обделал штанишки – мужчина прополоскал их в корыте и просушил на печи, пока мальчик сидел дома на кровати. По утрам в доме было промозгло, а изо всех щелей дуло. Но днем солнце пригревало, и мужчина с удовольствием грелся на крыльце, замирая, как ящерица, впитывая тепло всем своим больным телом.

«Я расслабился, – подумал он. – Я перестал охранять то, что мне дали. Нехорошо. Я должен платить добром за добро». В его голове билась не выраженная словами мысль о том, что враги приходят как раз тогда, когда перестаешь их ждать, и он пытался сказать это самому себе, но не мог. У него заболела голова. Он вспомнил, как убили его друга – внезапно, когда он совсем нападения не ждал, – и поднялся. «Если бы я знал, что его убьют, я бы так не расстроился, – говорил он самому себе. – Всегда нужно быть настороже и знать, что всех могут убить».

Он бросил взгляд на мальчишку, возившегося в грязи, поднялся со скрипнувшего рассохшегося крыльца и открыл дверь. Винтовки не было. Он прошел по сеням, вглядываясь в темные углы – свет тут давно не горел, – но ничего не увидел. Мужчина рассердился, потому что она должна была быть здесь, но в следующую секунду вспомнил, что ночью тоже охранял мальчишку – значит, она должна стоять дома. Он зашел в теплую, протопленную комнату и с облегчением заметил оружие, прислоненное к стене. Оно было незаряженное – это он вспомнил. Утром он разрядил его. Мужчина ласково провел рукой по прикладу, взял винтовку и тут услышал снаружи какой-то звук.

Ему хватило пяти секунд, чтобы загнать патрон в ствол, и еще пяти – чтобы выскочить наружу. Все-таки когда-то он был хорошим бойцом. Он

увидел, что по грязному полю мчится человек с развевающимся подолом, а на руках у него кричит что-то мальчишка, которого мужчина должен был охранять. «Я его не догоню, – понял мужчина. – Слишком быстро бежит. На шоссе – машина». Он встал на верхнюю ступеньку крыльца, вскинул винтовку, сделал поправку на ветер и выстрелил.

Выскочивший из «Нивы» первым Бабкин кинулся навстречу Евгении Генриховне, которая несла на руках, крепко прижимая к себе, плачущего Тима. До нее оставалось не больше двадцати метров, когда раздался громкий хлопок, и с черных ветвей липы, росшей посреди поля, с криком взлетела стая грачей. Евгения Генриховна пробежала еще несколько шагов, но на последнем споткнулась и словно нехотя опустилась на землю на колени. Постояла так, а потом медленно начала оседать, оседать... и наконец легла боком в грязь, глядя куда-то мимо подбегающего Сергея.

Звуки становились все тише. Вот и хорошо, потому что Евгения Генриховна уже устала от звуков. Прямо под руками у нее было что-то мягкое, и она знала, что это ее внук, сын ее дочери. Ее мальчик. Она провела цепенеющими пальцами по пушистым белым волосикам, и последней мыслью ее было – хороший Знак.

Человек посмотрел на троих людей, копошившихся возле ребенка, и понял, что они не собираются причинять вреда мальчику. И ладно, потому что патронов оставалось не так много, их следовало экономить. Он спустился с крыльца и пошел по полю, чтобы забрать мальчика обратно.

Бабкин выхватил пистолет, глядя на приближающегося темноволосого мужика с невыразительным лицом, и приготовился стрелять. Тот спокойно дошел до них, но, увидев тело, лежащее на земле, вдруг изменился в лице и бросился к нему. Опустившись рядом с ним, он взвыл и все оставшееся время, пока Сергей с Макаром сажали Наташу с Тимом в машину, пока вызывали и ждали милицию, подвывал, раскачиваясь то вперед, то назад, не видя ничего вокруг, кроме неподвижного тела. Он не заметил, как у него мягко взяли из рук винтовку, не слышал тихого разговора двух сыщиков у себя за спиной. Он понимал лишь одно – что жизнь его окончена, потому что он, как ни старался, все-таки отплатил злом за добро.

* * *

Данила Солонцев легким шагом подошел к подъезду, распахнул дверь

перед мамашей с коляской и получил в ответ благодарную улыбку и радостное «Спасибо, Данила». Улыбнулся в ответ, хотя на самом деле встреча была ему неприятна.

Эту девушку он давно приметил – такую готовую к тому, чтобы принять его Слово... Она сама еще ничего о том не знала, а он уже увидел, разглядел, представил, как поведет ее, вместе с другими безымянными, очередным путем, приносящим радость и откровение. Не всегда его предвидение оправдывалось, но в данном случае он был совершенно уверен, что оправдается. И вот неудача – за неделю до дня, на который Данила наметил первую с ней беседу, она встретила с каким-то студентом и молниеносно выскочила за него замуж. А теперь вот уже крутится вокруг дома с коляской – с опухшим лицом, располневшая, заспанная. Была так близка к Свету и променяла его – на что? На животное существование? Данила покачал головой и вызвал лифт.

Отражение в зеркале лифта было прекрасным. Он это знал. И вовсе ни к чему было бы ложное кокетство. Нет, даже не кокетство – хуже! Потому что если Господь наградил тебя таким обликом, не признавать Его прекрасной работы было бы настоящим кощунством. Только кривой шрам на лбу омерзителен. Данила поморщился, глядя на него и вспоминая ту сумасшедшую, которая его оставила. Самое неприятное заключалось, конечно, не в шраме, а в том, что они так и не нашли ее. Даже странно, что она сумела как-то спрятаться от ловцов – в ее-то состоянии, с животом, с ранами....

Данила взлохматил светлые волосы так, чтобы они прикрыли шрам, и повернулся к зеркалу спиной.

Двери лифта открылись. Он сделал шаг на площадку, на которой, как обычно, мерзко пахло от мусоропровода, и краем глаза заметил движение у себя за спиной. Он только начал поворачиваться, как услышал приглушенный вскрик и почувствовал боль в правом боку. Боль была такая сильная, что у него потемнело в глазах, и Данила опустился на холодный пол, привалившись спиной к стене. Стена тоже была холодная.

Над ним раздался то ли всхлип, то ли смешок. Данила с трудом открыл глаза и увидел человека – он стоял спиной к свету, и лица было не разглядеть. Но человек присел на корточки, и Данила узнал...

– Иван Кордыбайлов? – с трудом выговорил он.

Лицо мужчины исказилось в гримасе.

– Да, Игорь, – сказал он хриплым голосом. – Значит, вспомнил мое имя, а? Настоящее, каким мать меня назвала, а не ту собачью кличку, которую ты мне дал.

– Вызови врача, – собрав все силы, приказал Данила. Сознание его прояснилось, и теперь он знал, что нужно делать. Этот Безымянный был слаб и безволен и остался таким даже после Посвящения. Данила совладал бы с ним, но он напал так внезапно. – Вызови врача, – повторил он, – а сам можешь бежать. Темнота в тебе взяла верх, но я тебя прощаю. И бог простит тебя.

Каждое слово давалось Даниле с трудом, правый бок невыносимо болел, а левый словно онемел. Он покосился вниз. С края куртки стекали на пол капли темной крови, сливаясь в небольшую густую лужицу.

– Побыстрее, и ты еще сможешь заслужить прощение, – произнес Данила почти шепотом. Но он знал, что человек, сидящий перед ним на корточках, его прекрасно слышит.

– Прощение... – протянул тот, внимательно глядя на Учителя. – Нет, Данила, не видать мне прощения. Я тех девочек каждую ночь вижу, все прощение пытаюсь у них вымолить, а они его не дают. Понимаешь? Не хотят меня прощать.

Мужчина опять как бы всхлипнул и поднял руку. В солнечных лучах блеснуло длинное широкое лезвие.

– А ты... ты иди к ним, иди, – неожиданно спокойно проговорил он. – Попроси у них прощения сам. У всех.

Данила попытался заслониться, но не успел. Лезвие вошло в левый бок, и он закричал от страшной боли.

– Смотри-ка... ты все не умираешь... – донесся до него шепот. – Правильно, дьявол – он живучий. Живучий...

Данила почувствовал, как его переворачивают на спину, как горячая рука хватается его за подбородок и тянет зачем-то вверх.

Мужчина перекрестился рукой с ножом, глядя на солнце за окном.

– Господи, прости, – прошептал он. – Не могу больше... Прости.

Потом наклонился и резко провел ножом по горлу Данилы.

Глава 15

– Эдуард, откуда он взялся? Вы его знали? – спросил Макар, глядя на Эдика.

Они сидели после похорон в гостиной. Все зеркала в доме были занавешены, цветы убраны, но здесь, в гостиной, не было ни зеркал, ни пустых ваз, и на секунду можно было представить, что ничего не случилось за последний месяц. Что в массивном кресле сейчас появится Игорь Сергеевич Бобров, а на диван присядет, исключительно прямо держа спину, Евгения Генриховна. Но на диване сидели Наташа с Эдиком, держась за руки, а в креслах расположились Бабкин с Илюшиным. Алла Дмитриевна и ее супруг исчезли куда-то сразу после поминок, Мальчик Жора, как и Ольга Степановна, не появлялись даже на похоронах. Тимошу Наташа с утра отвела в садик, и сейчас во всем особняке были они одни.

– Так вы его знали?

Макар подумал, что Эдуард Гольц держится неплохо после такого удара, как смерть матери. Хотя еще вопрос, что его потрясло больше – то, что она погибла, или то, что похитила его сына. То есть не сына, а племянника. Хотя в тот момент вообще-то сына...

– Знал, – вздохнув, ответил Эдик. – Это очень давняя история. Когда-то у мамы была подруга, Ирина Волейчук, а у той был сын. Борис попал служить в Афганистан и вернулся оттуда... вернулся конченным человеком. Тетя Ира показывала его психиатрам, ему прописывали какие-то лекарства, но ничего не менялось. Она как-то раз говорила, когда была у нас в гостях, что Боря стал пустой внутри. Да, я хорошо запомнил, так и сказала – что он стал пустой внутри. Тетя Ира думала, что хуже уже быть ничего не может, но потом Борис сел на иглу, и у нее в доме начался кромешный ад. Вы представляете себе бывшего афганца, который стал наркоманом?

Макар с Сергеем синхронно кивнули – они представляли.

– Тетя Ира снова пыталась его лечить, и опять без всякого результата. Тогда подключилась мама – нашла хорошую клинику, оплатила лечение, и он вышел оттуда совершенно другим. Правда, тетю Иру предупредили: от всего предыдущего лечения – а Борис много по больницам лежал, и в психиатрической тоже – у него в голове произошли необратимые изменения. Честно говоря, я никаких изменений не заметил, он всегда был молчаливый и какой-то странный. Но он все стал воспринимать на веру. Однажды тетя Ира ему сказала, что он матери моей должен быть по гроб

жизни обязан, – так он каждый раз, когда она приезжала, глаз с нее не спускал. Просто сидел молча, ничего не говорил – только смотрел. Но все, что мама просила, делал. Сразу же, как собачка. А через несколько лет тетя Ира заболела и умерла, причем очень быстро. Борис остался один, и тут выяснилось, что он один не может – нужно, чтобы его кто-то направлял. Понимаете? Он даже за квартиру по счетам не мог платить, да и нечем было. Тогда мама ему помогла: отправила в дом деревенский, который еще родителям тети Иры принадлежал, а квартиру его стала сдавать. Вот на те деньги он и жил. Я его не видел много лет и даже не знал, что мама с ним какие-то отношения поддерживает. Думал, он сам постепенно научился жить. Как выяснилось, ошибся. Что с ним будет?

– Не знаю, – пожал печами Макар. – Наверное, ничего хорошего.

– Но как вы поняли, что... – Эдик запнулся, потом справился с собой и продолжил: – Что Тима похитила мама?

Макар с Бабкиным переглянулись.

– Мы до последнего не были уверены, – признался Сергей. – Все стало окончательно понятно, только когда ваша мама бросилась к машине. Но вообще-то мы шли методом исключения. Степан Затрава не подходил – кстати, не он убил Илону, – и в любом случае от него пришли бы какие-то требования. Я подозревал жену вашего дяди...

– Аллу Дмитриевну, – подсказал Эдик.

– Да, ее. Или ее супруга. Но у них совершенно не было мотива, чтобы похищать ребенка.

– А у мамы был.

– Да, – подтвердил Бабкин, – у вашей мамы был. Правда, пока мы догадались, что это может быть мотивом, прошло слишком много времени. Она считала мальчика Знаком. И Знаком плохим.

– А я-то, наивный, думал, что мама даже начинает к Тиму привязываться, – горько усмехнулся Эдик.

– Нет, она не привязывалась, – покачал головой Макар. – Думаю, в последнее время она очень плохо себя чувствовала: сначала возникли проблемы с бизнесом, причем серьезные, потом в доме убили девушку... К тому же у нее перед глазами постоянно был такой серьезный раздражитель. Извините, Наталья Ивановна, что я так говорю о Тимоше, но это правда.

– Я понимаю. И глупо, что мы сами ничего не замечали. – Наташа задумалась ненадолго. – Знаете, как-то раз нас с Тимом испугала машина... Точнее, не нас, а меня. Мы с ним возвращались из садика, и мне показалось, что на нас кто-то смотрит и хочет сделать что-то плохое.

– Ты мне не рассказывала, – насторожился Эдик.

– Да теперь-то уж дело прошлое, – махнула рукой Наташа. – А тогда я бросилась бежать от какой-то машины, потому что подумала, что она нас хочет задавить. Большая такая машина, джип, кажется. Водитель на меня посмотрел как на круглую дуру. Да я и сама так про себя подумала. А сейчас мне кажется, что я тогда была права.

– Только на тебя смотрела из сада мама, да? – поморщился Эдик.

Наташа кивнула, виновато глядя на мужа.

– Или из окна, – вздохнула она. – В общем, если бы я себе самой больше доверяла, то мы с тобой, Эдя, не занимались бы таким самообманом.

– Не думаю, – возразил ей Макар. – В смысле, не думаю, что вы смогли бы понять, чего хотела ваша свекровь. Евгения Генриховна свои чувства тщательно скрывала, но она больше не могла видеть вашего сына. Зла ему не хотела, а просто желала, чтобы его не было. Предложила отправить его к знакомым, но вы, Эдуард, отказались, что стало последней каплей. Ей, видимо, было очень плохо, если она пошла на такой шаг. А главное, совершенно непонятно, что она собиралась делать дальше. Уже одно это доказывает, как плохо ваша мать себя чувствовала, ведь госпожа Гольц, насколько мне известно, всегда просчитывала все на два шага вперед. А здесь ей было неважно, что будет дальше, – важно, чтобы сейчас жизнь хоть на какое-то время вошла в обычную колею. В конце концов, она в любой момент могла попросить Бориса подбросить мальчика к дому. А Тимофей все равно не смог бы рассказать, кто его похитил и где он был.

– Река без берегов... – задумчиво проговорил Эдуард, вставая с дивана и подходя к окну.

– Что, простите? – не понял Макар.

– Нет, ничего, – ответил Эдик, глядя на начинающие зеленеть деревья. – Пойдите! – спохватился он. – Вы сказали, что не люди Затравы убили Илону. Но кто же тогда? Вы узнали?

– Узнали, – пробасил Сергей, доставая тетрадку.

– И кто же? – хором вскрикнули Эдик с Наташей.

– Мне жаль вас расстраивать, Наталья Ивановна, но... – Бабкин с сочувствием смотрел на маленькую, хрупкую женщину, сидевшую напротив. – Ваша повариха, Ольга Степановна.

– Что?! – ахнула Наташа. – Как Ольга Степановна? Нет, нет, Сергей, вы что-то путаете! Не может быть!

– Ольга Степановна? – растерянно вторил ей Эдик. – Но почему? Зачем?

– Прозвучит, конечно, смешно, – без тени улыбки проговорил

Бабкин, – но Ольга Степановна убила Илону из-за денег...

День, когда Илона Ветрова показала Ольге Степановне чеки, стал худшим днем в ее жизни.

– И чтобы ты, вешалка перманентная, больше до меня не докапывалась! Понятно тебе? – Илона цедила каждое слово с большим удовольствием.

– Почему перманентная? – жалким голосом спросила Ольга Степановна, не в силах отвести взгляд от мятых бумажек, которые были для нее приговором.

– Потому. Я человек не злой, показывать чеки хозяйке не буду, – продолжала Илона. – Пока не буду. Но если ты еще раз опять до меня докапываться станешь, я тебе тоже устрою... В общем, ты меня поняла. Или нет?

– Поняла, поняла, – торопливо закивала Ольга Степановна.

Илона смотрела на ее пошедшее пятнами лицо и испытывала глубокое удовлетворение. Ей захотелось продлить это состояние, а то и усилить его. Оказывается, очень приятно распорядиться чьей-то судьбой, так же как обычно делает хозяйка.

– И попросите у меня прощения, – добавила она.

– Что? – дернулась Ольга Степановна.

– Просите прощения за все те гадости, которые вы обо мне говорили.

Ольга Степановна первый раз подняла глаза на Илону, и во взгляде у нее что-то мелькнуло. Она молчала.

– Ну? – недовольно сказала Илона. – Я жду вообще-то. Сколько раз вы меня при Жоре унижали, а? Вот и извиняйтесь.

– Нет, Илона, не буду, – покачала головой Ольга Степановна.

– Не будете? – удивилась девушка.

– Нет. Сейчас ты хочешь, чтобы я перед тобой извинилась, а через минуту потребуешь, чтобы я за тебя полы намывала? Хочешь – иди, показывай Евгении Генриховне чеки.

Илона, у которой и правда мелькнула мысль заставить Ольгу Степановну убирать в доме вместо себя, слегка оторопела. За свою короткую жизнь она никогда не сталкивалась с людьми, которые, доходя до определенной черты, приобретают несвойственную им твердость. Поведение Ольги Степановны стало для нее неприятной неожиданностью. Подумав, Илона сунула чеки в сумочку и поднялась.

– Ладно, пожалею вас на первый раз, – пожала она плечиками. – Но в другой раз – только вякните на меня!

Покачивая бедрами, она вышла из кухни. Ольга Степановна обхватила голову руками, сминая аккуратные завитушки, и застонала.

– Так вот почему она плакала, – потрясенная, проговорила Наташа. – Никак поверить не могу. Получается, Илона ее шантажировала?

– Да, – подтвердил Бабкин. – Именно так. У вашей Илоны был доступ во все комнаты, и она легко выяснила, сколько денег выдается на хозяйство вашему метрдотелю. Ведь Ольга Степановна в конце месяца называла потраченную сумму, правильно?

– Правильно, – кивнул Эдик. – Но мы, разумеется, никогда не проверяли, сколько потрачено. Может быть, мама первое время и контролировала, но потом...

– Потом перестала, – закончил за него Бабкин. – Я совершенно уверен, Эдуард, что ни вы, ни ваша мама не знаете, сколько стоит, например, сыр. Или молоко. Ольга Степановна называла вам сумму, завышенную процентов на тридцать, и никто из вас не смог бы поймать ее на обмане. Но Илона начала подозревать, что дело нечисто, и стала доставать чеки из мусорного ведра. Ведь в супермаркетах всегда выдают чеки, правда? Ольга Степановна бросала их в пакет с продуктами, как многие делают, чисто машинально, а потом выбрасывала вместе с пакетом. Илона убирала и на кухне тоже. Девушка собрала чеки за три месяца, и их оказалось вполне достаточно, чтобы понять махинации поварихи. Собственно говоря, хватило бы и двух. У нее дома я целую бухгалтерию обнаружил: она очень тщательно подсчитывала, сколько кухарка тратила на еду и сколько она брала с хозяев. Мне только интересно: что сделала бы ваша мама, господин Гольц, если бы узнала об обмане?

– Она бы ее, конечно, выгнала, – не задумываясь ответил Эдик. – И заставила вернуть все деньги, которые Ольга Степановна украла за эти годы.

– Вот именно. А Ольге Степановне деньги были очень, очень важны, судя по тому, где она сейчас находится.

– А где она находится?

– Вылетела вчера из Питера чартерным рейсом в Афины, так что она сейчас в Греции, – объяснил Макар. – Ольга Степановна слышала все разговоры, которые велись в столовой. Догадаться обрезать волосы, чтобы подозрение пало на Затраву, было несложно. Она вообще-то умная женщина, ваша Ольга Степановна.

– Не понимаю, – помотал головой Эдик. – Вот так, из-за того чтобы поехать в Грецию, убить человека?

– Нет, не так, – сказала Наташа задумчиво, и все посмотрели на нее. – У нее была мечта. Понимаешь, Эдя, мечта! Для тебя поехать в Грецию – пустяки: купил билет и полетел. А для нее – нет. Тем более что она хотела не просто поехать туда на две недели туристом, а там остаться. Вот для чего ей нужны были деньги. Я помню, как она рассказывала мне про свой отдых – у нее даже лицо менялось. Сергей не прав – Ольга Степановна убила Илону не из-за денег. Она убила ее, потому что та отбирала ее мечту.

– Вы можете начать преследование, – помолчав, предложил Макар, но Эдик только махнул рукой:

– Никого я не буду преследовать. Я только поганца напугал хорошенько, вот и все.

– Секретаря, что ли? – догадался Бабкин. – А с ним что не так?

– Он работал на Затраву, передавал ему подробности предстоящих сделок, – объяснил Эдик. – Я его с самого начала заподозрил, но мама почему-то очень хорошо к нему относилась и не хотела мне верить. А зря. Я попросил ее безопасников как следует проследить за ним, и они быстро его вычислили. Ничего с ним не будет, – добавил он, заметив встревоженный взгляд Наташи, – физиономию его гадостную почистят, вот и все.

– Начистят, – сказал Бабкин.

– Что?

– Начистят, а не почистят, – повторил он. – Физиономию начистят. Почистят – это немножко другое.

Наташа фыркнула, а потом неожиданно расхохоталась в голос. Смех ее прозвучал так заразительно, что вслед за ней рассмеялись и Макар с Сергеем. Глядя на них, и Эдик заулыбался. Он смотрел на свою хохочущую жену и думал, что теперь все в его жизни пойдет по-другому. Пойдет, как надо. Они съезжат на могилу Элины и перезахоронят ее в одной ограде с мамой, как и должно быть. Может быть, у них с Наташей родятся еще дети, и в доме будет много детских голосов. И, думая о будущем, Эдик Гольц улыбался радостно и открыто...

– Слушай, Макар, ну не может быть такой случайности, – говорил Бабкин Макару два часа спустя в гостиничном номере. – Нет, мне эта дамочка, конечно, нравится, но так не бывает.

– Все бывает, – философски ответил Макар. – Ты, Сережа, удивишься, какие бывают в жизни совпадения. А потом, не такое уж и значительное совпадение.

– Ни фиги себе, незначительное! – присвистнул Бабкин, ставя на стол

любимую кружку.

– Опять своих монстров достал, – поморщился Макар. – Слушай, давай я тебе приличную кружку подарю?

– Приличную не хочу. Хочу эту. – И Сергей любовался на надпись «Мы – монстры».

– Так ты хочешь сказать, что она своего Гольца совершенно случайно встретила? И знать не знала, что он родной братец той бедолаги, которая в лесу чуть ли не на ее руках померла?

– Да запросто. – Макар вспрыгнул на столешницу и уселся, болтая ногами. – У меня знакомая была, из Костромы. Поехала она с годовалой дочерью в Африку, в Танзанию, вслед за мужем. И вот заходит она там в какой-то магазин и видит белого человека. Он услышал, что она говорит по-русски, обрадовался. Оказалось, что тоже русский. Они разговорились. И представь себе, Сережа, – мало того что он, как выяснилось, учился с ее мужем в одной группе, так еще и встречался с ее подругой школьных лет, что уж совсем ни в какие ворота не лезет! Причем встречался не в Костроме, а в Москве, как они уже потом выяснили, когда она фотографии у него увидела.

– Ладно, убедил, – согласился неохотно Бабкин. – Но тогда другое объясни, раз уж ты про фотографии вспомнил. У Гольцев весь дом этими фотографиями увешан, и везде Элина эта несчастная. Что, твоя Наталья Ивановна не узнала ее, что ли?

– Конечно, не узнала, – пожал плечами Макар. – Она видела уже умершую Элину, видела очень недолго. И ты представь, какое у той было лицо. Даже если бы ее и не били – а ее сильно избили! – все равно, узнать в молодой девчонке, красивой и накрашенной, только что родившую тетку, два месяца шатавшуюся по лесам... У тебя, Сережа, завышенные требования. Ты половину своих знакомых не узнаешь, если они вздумают волосы перекрасить. Я вот о другом подумал. Ты представляешь: четыре года искать любимую дочь, тосковать по ней, над фотографиями плакать – и не узнать собственного внука, ее сына! И ведь госпожа Гольц не просто не узнала – она его возненавидела! Вот я как себе это представлю, как вспомню ее лицо, когда она поняла, кого похитила руками бедолагипсихопата, у меня мороз по коже.

– Ты, Макар, слишком чувствительный. Хотя, конечно, глупо получилось. Даже не глупо, а... не могу слово подобрать... нелепо, что ли. И обидно, что все так закончилось. Слушай, Макар, а про одного-то персонажа мы с тобой забыли совсем – про родного папашу мальчика. Как ты думаешь, могут они вот так же встретиться когда-нибудь?

- Не могут, – категорично заявил Макар.
- Почему ты так уверен?
- Потому что я вчера в Москву звонил и кое-что узнавал. Чтобы ты спал спокойно, скажу: Данилу Солонцева три недели назад убили в подъезде его собственного дома.
- Да ты что? Серьезно?
- Серьезнее не бывает.
- Может, ты и убийцу знаешь?
- Представь себе, да. Да и ты его знаешь – Иван Кордыбайлов. Он, собственно, и не прятался. Оказалось, это один из тех паломников, которые с Данилой ходили в тот раз. Видно, после нашего разговора его совесть и замучила. Он Данилу зарезал, как свинью, а сам пошел в милицию сдаваться. Так что встретиться с родным папочкой Тимофею не грозит. Помоему, оно и к лучшему. О, слушай, – восторженно воскликнул Илюшин, – ты мне про фотографии напомнил! Я же их забыл отдать.
- Да ладно, наплюй, – посоветовал Бабкин. – У них своих полно. Не поощряй культ мертвых.
- Циник ты, Сережа, – укоризненно сказал Макар. – А я не такой. Пожалуй, отвезу фотографии.

Подходя к особняку уже в сумерках, Макар увидел, что во всех комнатах второго этажа горит свет. Дом красиво светился теплыми желтыми огнями. На пороге стояла Наташа, которой Макар позвонил еще из такси.

– Спасибо вам большое, – поблагодарила она. – Мы по одной из этих фотографий будем заказывать памятник. Пройдите, пожалуйста, прохладно же на улице.

Макар зашел в гостиную и отметил, что Наталья Ивановна сильно изменилась со времени их первой встречи. Утром он не обратил на это внимания, но сейчас оценил превращение. Лицо ее похудело и как бы приобрело законченность. Словно не хватало одного мазка на портрете, но вот художник положил его – и изображение ожило. Она куталась в пушистую белую шаль, которая очень ей шла, делала необыкновенно изящной. И морщинки в уголках губ, не видные с первого взгляда, не старили лицо, а делали его загадочным. «А ведь она, пожалуй, годам к тридцати пяти станет красавицей, – понял Макар, глядя, как милая женщина грациозно наклоняется, чтобы убрать фотографии в секретер. – Мог бы поклясться, что два месяца назад она была совершенно заурядной дамочкой. В меру симпатичной, но обычной. Интересно, что ее так

изменило?»

– Бдыщ! Бдыщ! – раздался звонкий крик, и Макар вздрогнул от неожиданности. – Я тебя застрелил! Все, ты умер! Ложись и умирай! – кричал выскочивший из-за угла Тимофей, подпрыгивая на месте и размахивая игрушечным пистолетом.

– Тима, Тима, что ты! – принялась утихомиривать его Наташа. – Так нельзя на людей выскакивать. Хочешь пострелять – иди к Эдику.

– Нет, – нахмурился Тимоша, – я на него уже выскакивал, больше неинтересно. Я хочу на этого дядю! Почему на бабу Женю ты сама мне велела наскакивать, а на него не разрешаешь? Я его тоже хочу испугать.

– Потому что не разрешаю, – мягко, но непреклонно ответила Наташа. – Все, Тима, поднимайся к себе, скоро будем укладываться спать.

Насупившийся мальчик вышел из комнаты, и Макар услышал, как он топает и стреляет за дверью.

– Хорошо, что он так быстро пришел в себя, – сказал Макар. – Видимо, для мальчишек оружие – лучшее лекарство. Ну что ж, всего хорошего вам и вашему мужу!

Макар Илюшин пошел к дверям гостиной, но в голове у него почему-то зазвучали несколько голосов. «Его мать держалась на редкость хорошо, – говорил размеренно Бабкин. – Первый раз вижу, чтобы женщина, у которой похитили ребенка, так себя вела. Уважаю, знаешь». – «Ты на бабу Женю сама велела мне наскакивать!» – кричал маленький мальчик с пистолетом в руке. «Эта Гольц, которая хозяйка, всю свою жизнь по каким-то знакам построила», – продолжал Бабкин. «Я его тоже хочу испугать!» – требовал звонкий детский голос.

Макар остановился у двери, и тут в голове у него всё прояснилось. Всё, абсолютно всё. Голоса замолчали, и детектив услышал, как за его спиной бьют старинные часы. Подождав, пока пробьет последний удар, Макар повернулся к Наташе. Та серьезно смотрела на него.

– Так, значит, вы... – медленно проговорил Макар. – Именно вы... Как же я не догадался...

– Вы о чем? – так же мягко, как она разговаривала с Тимом, спросила Наташа.

– Да, да, именно вы... – повторил сыщик. – Вот почему у меня было ощущение, что не все закончено в этой истории. Выходит, в бабу Женю можно стрелять, а в меня нет? – Он усмехнулся, но смешок получился невеселым. – Хорошо придумано. Вы знали, как и все в доме, про закидоны мадам Гольц со Знаками и попросили мальчика выводить ее из себя. Конечно, ведь все так просто! Если ребенок десять раз сказал, что он убил

ее, то на одиннадцатый раз несчастная Евгения Генриховна, хочешь не хочешь, должна была увидеть в его словах Знак, правда?

– Просто детская игра, – пожалала плечами Наташа.

– Нет, – покачал головой Макар, – не просто. И вовсе не детская, а ваша взрослая игра. И вы, Наталья Ивановна, вышли в ней победителем. У вас была хорошая тактика. Вы доводили Евгению Генриховну старательно и планомерно, заметив, что ее раздражает именно ваш сын и что на его слова она обращает внимание. С ее-то склонностью во всем видеть Знаки неудивительно. Ведь устами младенцев глаголет истина! Наверное, Тимофей постоянно произносил что-нибудь нехорошее для нее. И в конце концов она не выдержала. А Бабкин еще удивлялся, что вы так сдержанно себя ведете после похищения Тима: обычно мамы в истерике бьются, а вы – само спокойствие. Вы знали, кто виноват в похищении, и тоже полагали, что ничего плохого Тиму не будет. Вы и уговорили мужа привлечь Сергея, чтобы он провел расследование. Думаю, уже в тот момент вы предполагали, чем оно закончится. Но для вас было важно, чтобы и ваш Эдик увидел, какой ужасный человек его мать. Интересно, когда вы на самом деле поняли, что ваш Тимофей – сын Элины Гольц?

Наташа не ответила. Она смотрела на Макара задумчивым взглядом, но видела перед собой не его.

* * *

Молодая женщина с окровавленным лицом лежала на смятой траве под качающимися соснами. Глаза у женщины были закрыты.

Наташа присела на корточки и всмотрелась в несчастную.

– Господи, да ведь она совсем молоденькая, – потрясенно выдохнула она. – Просто очень уж замученная.

– Милицию надо вызвать... – бубнил Олег. – Наташка, отойди от нее подальше...

– Олег, она умерла, – не оборачиваясь, ответила Наташа, и в ту секунду женщина открыла глаза, оказавшиеся очень яркими, синими. Она смотрела прямо на Наташу. Та не успела ни вскрикнуть, ни отшатнуться, как женщина прошептала:

– Спасите... не отдавайте им...

Она глядела умоляюще, и, подчиняясь этому взгляду, Наташа наклонилась к самым губам умирающей.

– Элина... я Элина Гольц... расскажите маме... – шепот становился

все тише, все неразличимей.

– Где твоя семья? – почти закричала ей в лицо Наташа.

– Евгения... ее зовут Евгения... скажите маме...

Неожиданно лицо женщины чуть искривилось и застыло. Теперь оно было похоже на лицо куклы, которую кто-то по недоразумению перепачкал красной и черной краской. Наташа хотела что-то сказать, но поняла, что уже поздно. Широко открытые синие глаза смотрели на заходящее солнце, и выражение у умершей было такое, словно она поняла что-то важное перед смертью.

«Элина Гольц», – повторила про себя Наташа. Перекрестила мертвую женщину и тихо-тихо попросила:

– Господи, прими душу рабы твоей Элины Гольц.

И в ту же секунду закричал ребенок...

* * *

– Так когда? – повторил настойчивый голос, и Наташа очнулась.

В дверях стоял Макар Илюшин и неприязненно смотрел на нее.

– Незадолго до похищения, – медленно ответила она. – Я не сразу поняла... точнее, не сразу поверила самой себе. А потом было уже поздно – Евгения Генриховна похитила Тимошу.

– И вы, конечно, решили никому ничего не говорить, – усмехнувшись, сказал Макар.

– Нет... – Наташа собралась с мыслями. – Поймите, Макар, я не была ни в чем уверена. Это было бы слишком удивительное совпадение. Окончательно я поверила только тогда, когда приехали вы и ваш друг.

Макар покачал головой.

– Даже если так, все равно вы виноваты в том, что доводили ее, пока жили в доме.

– Я просто хотела, чтобы она отпустила сына от себя, – негромко и словно самой себе сказала Наташа. – Чтобы она дала нам возможность жить своей жизнью – нам троим, а не только мне и Тиму...

– Чего вы хотели, мы уже не узнаем, – жестко оборвал ее Макар. – Но добились вы одного: Евгения Генриховна решила избавиться от мальчика единственным доступным ей способом.

– Вы хотите сказать, что и в этом тоже виновата я? – спокойно спросила Наташа. – В том, какой способ она выбрала?

– Нет, не хочу. Но вы, Наталья Ивановна, сыграли свою роль во всем,

что произошло, причем роль, на мой вкус, довольно неприглядную.

– Мне жаль, что вы так думаете. – Голос Наташи звучал по-прежнему спокойно и доброжелательно. – Вы мне нравитесь, господин Илюшин, и мне не хотелось бы приобретать врага в вашем лице.

– А мне хотелось бы еще меньше, – ответил Макар, уже вполне овладевший собой. – Как показали последние дни, человек, которого вы числили в своих врагах, очень плохо кончил.

– Мне очень жаль, – мягко произнесла Наташа.

Макар постоял немного молча, глядя на пушистую белую шаль на ее плечах.

– Я вам не верю, – сказал он наконец, повернулся и, не прощаясь, вышел.

После его ухода Наташа, подумав, вынула фотографии из секретера и поднялась наверх. Она открыла дверь кабинета Евгении Генриховны своим ключом, зажгла свет и задернула шторы. Зеркало было завешено белой простыней – она сняла ее и, аккуратно свернув, положила на стол, рядом с фотографией Элины Гольц. Господи, как же много времени ушло у нее на то, чтобы найти семью Элины! И кто бы мог подумать, что она окажется за сотни километров, в Питере... А вот встреча с Эдиком удалась неожиданно просто – так просто, что она удивилась. И все последующее тоже удалось легко – наверное, потому, что она сама влюбилась в него. «Нет, не влюбилась, а полюбила, – поправила саму себя Наташа. – Как Тимошу. Сразу, с первого взгляда».

Она взяла фотографию и стала рассматривать ее, отмечая, что Тим ничем, кроме цвета глаз и волос, не похож на биологическую мать. А уж характер у него так и вовсе ее, Наташин. Улыбнувшись этой мысли, она сунула фотографию в рамке вместе с принесенными Макаром Илюшиным в нижний ящик стола – туда, где лежали старые и уже ненужные документы. Проверила, закрыты ли ящики письменного стола.

Теперь все, что она хотела, было сделано. Можно было возвращаться к любимой семье – Эдику и Тиму.

Наташа поправила шаль на плечах и, перед тем как выключить свет, посмотрела на себя в зеркало.

За плечом у нее покачивался размытый круг – серая луна, темной половиной обращенная к окну. Наташа моргнула, и круг исчез. Хороший Знак. Совершенно определенно – хороший Знак.

Новая госпожа Гольц улыбнулась и вышла из кабинета.